ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 8 ФЕВРАЛЬ 1991

СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 8 (3318)
16—23 февраля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фотоплакат Бориса БАБАНОВА.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 28.01.91. Подписано к печати 12.02.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 103. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

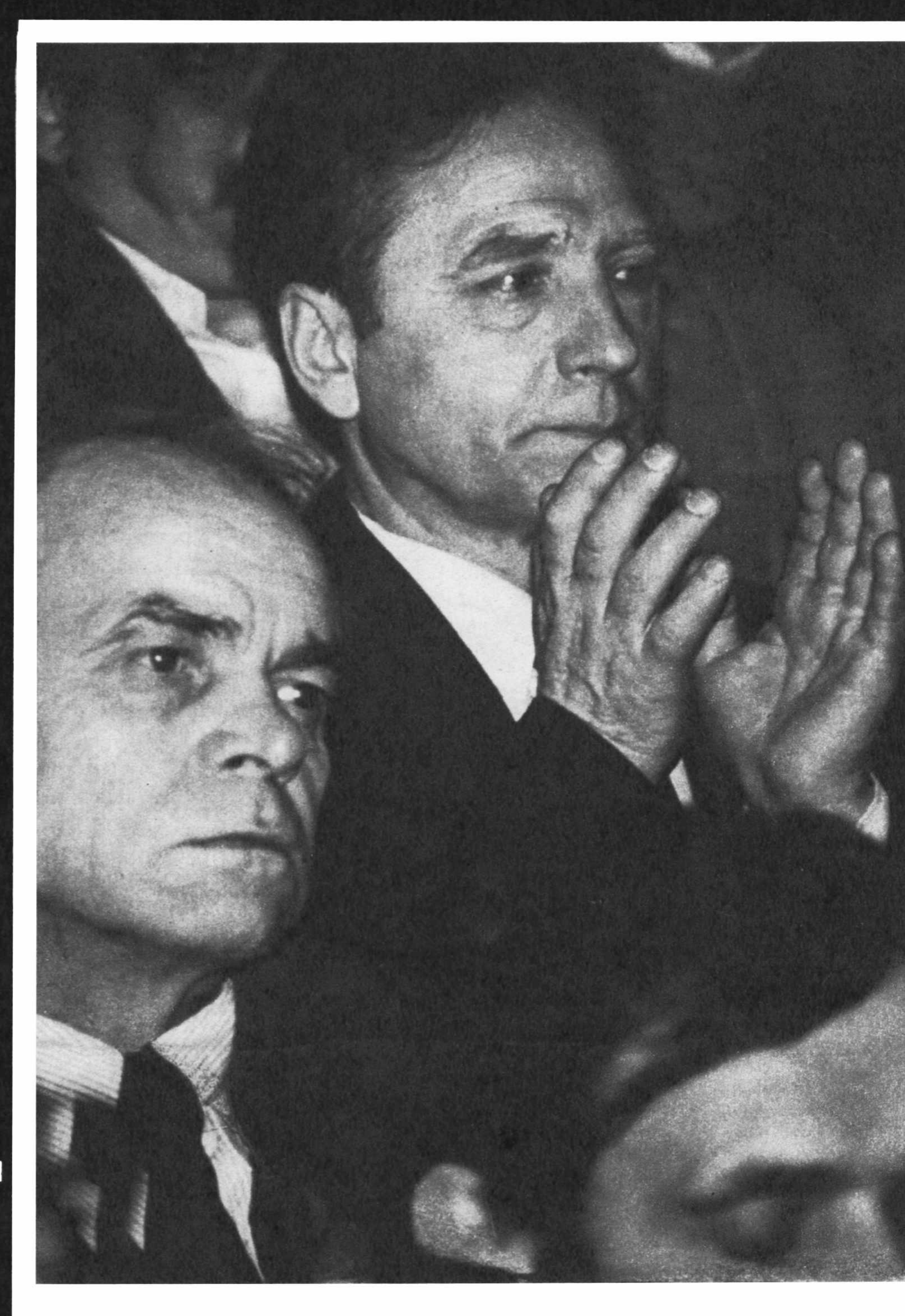
Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

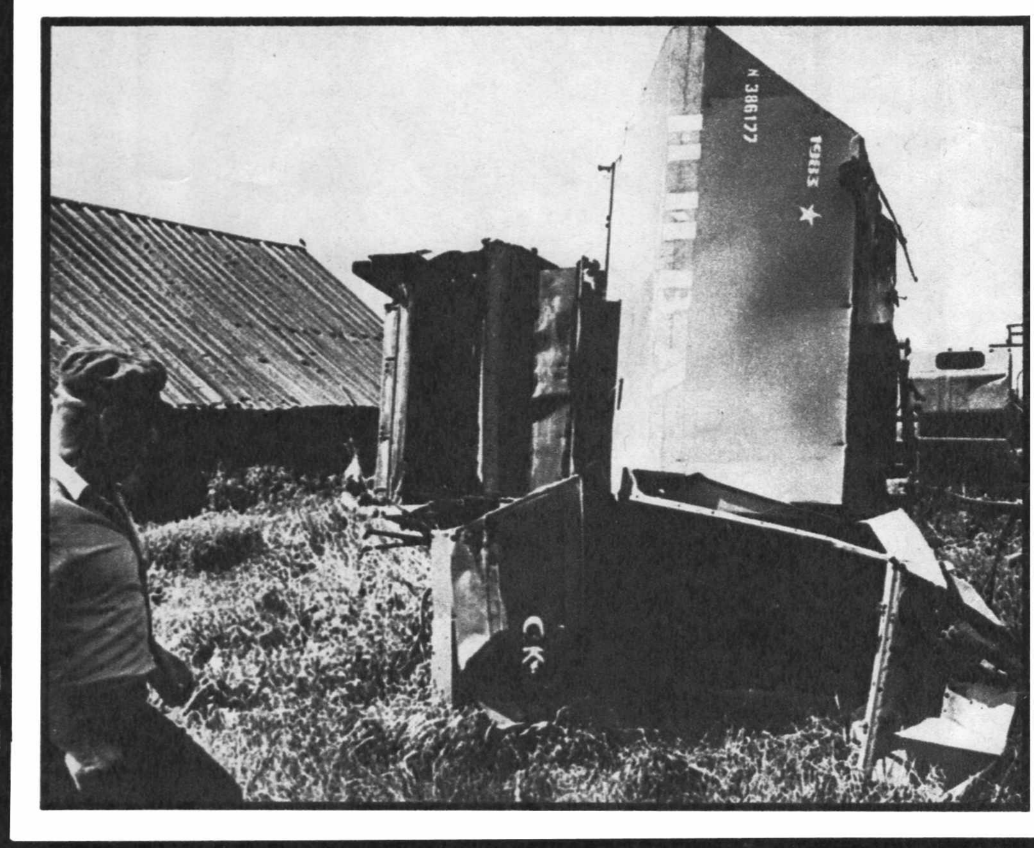
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ С НЕВОЛЕЙ

Михаил ЗАРАЕВ

Два события, разделенные ста тридцатью годами, дали повод для снимков, которые вы видите на этом развороте. Первое, во многом предопределившее ход российской истории,— отмена 19 февраля 1861 года крепостного права. Второе, как будто не столь уж и заметное на фоне нашего бурного и смутного времени,— съезд Российской ассоциации крестьянских хозяйств и кооперативов — первых свободных фермеров — в начале нынешнего февраля. Какова же связь?

Один из самых серьезных зарубежных исследователей российской социальной истории, американский профессор Грегори Фриз, не так давно издал книгу под названием «От челобития к революции». Использовав письма, жалобы, прошения, присылаемые властям представителями разных социальных слоев в три звездных часа нашей общественной жизни: в 60-е годы восемнадцатого века, время юридического творчества Екатерины II, в 60-е годы девятнадцатого — период великих реформ — и в первую русскую революцию 1905 года,— он показал, как общество российское поднимается с колен, пытаясь распрямиться.

Но действие в книжке обрывается 1905 годом, а ведь потом были февраль и октябрь 1917-го, и 29-й, и 37-й, когда подчас казалось, что общественное развитие пошло вспять, к средневековью. А уж что касается крестьян, то, глядя на них в сороковые — пятидесятые, на беспаспортных, «крепких земле», как не вспомнить было о крепостном праве?

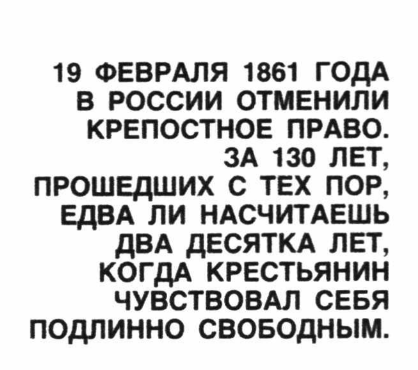
Так что же? Так и идем кругами, циклами вокруг одной оси — свободы, права свободно хозяйствовать на своей земле? Ведь были, были эти сладкие миги свободы — годы самостоятельного хозяйствования. После десятилетий общинной круговой поруки — столыпинские отруба и нэповские годы. Но как кратковременны они оказывались по масштабам истории! И каждый раз — намерения самые добрые...

Читаешь Ключевского, будто современную публицистику: все узнаваемо, все повторяемо. Что предшествовало отмене крепостного права? «...Невольный обязательный труд в пользу государства всех сословий; с половины XVIII века этот обязательный крепостной труд остался только на одном крестьянском сословии».

В Положении 19 февраля 1861 года предусматривалось при освобождении крестьян от крепостной зависимости получение от землевладельца земельного надела в постоянное пользование. При этом крестьяне платят землевладельцу деньгами или трудом, оставаясь до полного выкупа земли временно-обязанными. Двадцать последующих лет действовала система выкупных платежей.

И современный землевладелец — колхоз, совхоз — не так-то легко расстается со своими правами. Многообразны формальные и неформальные ограничения, накладываемые на нынешнего фермера: начиная от условий продажи продукции — только в колхоз, по установленным ценам — и кончая десятилетним мораторием на продажу земли.

Взгляните в живые, умные лица фермеров. Они собрались, чтобы разделить миллиард рублей, выделенный им на разные нужды российским правительством. Интересно, что в девятнадцатом веке выкупные ссудные операции обошлись царскому правительству тоже в миллиард. Но бог с ними, с аналогиями. Подумаем о другом — о той тягостной ноше, которую взвалили на себя эти люди, крестном пути, по которому они идут, преодолевая сопротивление среды. Сопротивление это не только со стороны начальства, но порой и со стороны своего брата мужика, развращенного подневольным трудом. Оно выливается порой в «красного петуха», пущенного на подворье тех несчастных людей, о которых рассказывается в этом же номере «Огонька». Удастся ли современным фермерам — самой активной и жизнеспособной части нашей деревни — возродить российское село, вывести его из того состояния, символом которого служит бесхозный комбайн на снимке, и завершить процесс подлинного освобождения крестьянства, начатый 130 лет назад? Будем надеяться на лучшее.

19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА В РОССИИ ОТМЕНИЛИ КРЕПОСТНОЕ ПРАВО. ЗА 130 ЛЕТ, ПРОШЕДШИХ С ТЕХ ПОР, ЕДВА ЛИ НАСЧИТАЕШЬ ДВА ДЕСЯТКА ЛЕТ, КОГДА КРЕСТЬЯНИН ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ПОДЛИННО СВОБОДНЫМ.

Фото С. ШАКЛЕИНА, Л. ШЕРСТЕННИКОВА И А. ШИШКИНА

ЧЕЛОВЕК МЕСЯЦА. ЯНВАРЬ.

УЙТИ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ

ПОСЛЕ ОТСТАВКИ. Снимок сделан 8 февраля. Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Итоги январского опроса Службы изучения общественного мнения (VP, руководитель — проф. Б. А. Грушин)

1. Процедура опроса

Исследование ставило своей задачей выяснить, кто из людей, оказавшихся в центре событий политической, экономической, культурной жизни нашей страны, привлек к себе наибольшее внимание населения.

Список претендентов на звание «Человек месяца» был составлен на основании редакционной почты «Огонька» в алфавитном порядке.

В качестве респондентов (опрашиваемых) выступали люди, принимающие активное участие в формировании и выражении взглядов широких масс населения, которых можно назвать лидерами общественного мнения. Опрос проводился по телефону с 20 по 31 января 1991 г.

Важной особенностью опроса было то, что в нем выяснялась не личная позиция респондентов, а оценка ими преобладающих среди населения страны мнений и взглядов.

2. Результаты опроса

Ответы на первый вопрос — «Кто именно из названных людей привлек к себе наибольшее внимание населения?» (в % к общему числу опрошенных, по мере убывания величин):

1. Шеварднадзе Э. А. 47,5
2. Невзоров А. Г. 17,8
3. Явлинский Г. А. 5,5
4. Попов Г. Х. 4,3
5. Алкснис В. И. 3,9
6. Бакатин В. В. 3,9
7. Янаев Г. И. 3,1
8. Собчак А. А. 2,9
9. Каспаров Г. К. 1,2
10. Язов Д. Т. 1,0;

другие ответы — 3,9
затруднились ответить — 0,9
отказались ответить — 1,0.

Отрыв Шеварднадзе от всех остальных представляется вполне естественным и ожидавшимся, поскольку его выступление на Съезде народных депутатов СССР произвело истинную сенсацию как по форме (впервые в советской истории последних десятилетий таким образом заявил об отставке член союзного правительства), так и по содержанию (сделанное им предупреждение о надвигающейся диктатуре).

Второе (весьма высокое) место Невзорова обусловлено не только и, может быть, даже не столько поразившим многих фактом покушения на его жизнь, сколько его более поздними репортажами о событиях в Литве, хотя интервьюеры прилагали немало усилий для того, чтобы избежать подобного смешения событий.

Ответы на второй вопрос — «Как, по-вашему, были восприняты большей частью народа события, связанные с отставкой Шеварднадзе,— как положительные, благотворные или как отрицательные, вредные по последствиям с точки зрения перспектив развития нашей страны?» — расположились следующим образом:
как положительные — 33,6;

как отрицательные — 41,4;
затруднились ответить — 24,1
отказались ответить — 0,9.

На основе комментариев, которыми многие респонденты сопровождали свои ответы на второй вопрос, необходимо отметить: говорившие об отрицательных последствиях в подавляющем большинстве случаев имели в виду ослабление прогрессивных сил в руководстве страны. Позитивные же оценки включали в себя полярные смыслы: одни приветствовали факт самой отставки Шеварднадзе из-за несогласия с проводимой им политикой, другие отмечали важность сделанного им предупреждения о надвигающейся реакции, называя его поступок «положительным знаком отрицательного явления».

ПРЕСС-СЛУЖБА VP

Узнав о результатах социологического опроса января, мы сразу же сообщили об этом Эдуарду Амвросиевичу. Нам было известно, что, несмотря на желание многочисленных изданий и журналистов, буквально атаковавших Шеварднадзе после отставки, он так и не выступил в прессе. Молчание Шеварднадзе нетрудно понять. Также понятно и желание общества услышать его голос. И нам тем более приятно, что первое обращение Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе к общественности после его отставки прозвучит именно в «Огоньке».

«Человек января»? Невольно поежишься. Месяц холодный, а по нынешним временам — просто жестокий. Собственно, таким его и прогнозировали синоптики политической погоды. Речь не о моем прогнозе, сделанном в заявлении об отставке 20 декабря 1990 года,— я не имел в виду конкретный месяц и вообще не «устанавливал» какие-то определенные сроки, в которые, по моему мнению, могло произойти резкое ухудшение климата в стране. Были другие «предсказания» на этот счет, и исходили они от тех, кому не по душе перестройка, демократизация. Январь 1991 года, как время потрясений, был назван прямо, и эта определенность не может не вызывать тревожных раздумий.

Известно, что произошло в Прибалтике, что происходит в других регионах... Акты насилия, кровь, горе. Хочется верить, что в высших эшелонах власти страны никто не санкционировал применение боевого оружия, бронетранспортеров, танков. Но тогда трудно не согласиться с теми, кто утверждает: помимо законной, конституционной власти, в стране оформилась и действует «теневая власть».

Мой собственный горький опыт давно убедил меня в этом. Действуя на основании заявлений и установок высшего политического руководства страны, постоянно испытывал скрытое и явное сопротивление.

Естествен вопрос: «Чье?» Но на него отвечать столь же трудно, сколь трудным оказалось назвать поименно состав вильнюсского «Комитета национального спасения». «Теневая власть», принимающая и осуществляющая решения в обход законной, опасна в первую очередь своей анонимностью, и если не остается иного способа отвести эту опасность или предупредить о ней, то приходится делать то, что сделал я.

Мне, однако, не хотелось бы разворачивать это обращение к читателям в пространные объяснения мотивов моей отставки. Я достаточно долго молчал, не отвечая на высказывания самого разного толка, чтобы ввязываться сейчас в словесные баталии. То, что сделано,— сделано, а напоминать о себе таким образом не намерен. И если я согласился откликнуться на просьбу редакции «Огонька», то лишь потому, что повод — результаты читательского опроса — дает мне возможность сказать о самом главном и важном. Позволю себе подчеркнуть: главном и важном не только для меня лично — для судеб страны и перестройки.

Говоря же о себе, могу подтвердить: я действительно «человек января». Это месяц моего рождения. И тем более приятно было мне узнать о результатах опроса в январе. Подарок, когда за голосами детей, внуков, друзей различаешь голос страны.

Наверное, это так. Иначе мне следовало бы усомниться в точности опроса, его научной, говоря языком социологов, репрезентативности. Судя по анонсу «Огонька», аппарат для исследования привлечен солидный, дело поставлено на крепкую научно-методическую основу. Полагаю, что могу говорить об этом со знанием дела, много лет назад создавал в Грузии институт по изучению общественного мнения, затем Центр социологических исследований, широко использовал в работе их результаты.

Поэтому достаточно хорошо знаю: общественное мнение переменчиво. Чутко реагируя на любые изменения в жизни общества, оно увеличивает амплитуду своих колебаний в пору кардинальных государственно-политических и социально-экономических сдвигов. Разумеется, многое зависит от меры информированности и уровня политического сознания, политической культуры, но в целом, даже с учетом тех или иных допусков и поправок, можно получить более или менее верную картину социально-психологических состояний и отношений.

Так вот, общественное мнение — это всегда или почти всегда свидетельство общественного выбора. За или против той или иной личности, а по существу, олицетворенной кем-то политики, позиции, курса, линии поведения. Самый наглядный пример — многочисленные опросы общественного мнения в ведущих странах мира, неизменно фиксирующие высокий рейтинг популярности М. С. Горбачева, иначе говоря — общемировую притягательность идей перестройки, политики демократизации, обновления страны, устранения жестких стереотипов конфронтации, изматывающей мир «холодной войны».

В этом контексте я и рассматриваю январский выбор читателей «Огонька» как выбор в пользу дела, которому служил и намерен еще послужить. Как безусловную и безоговорочную поддержку перестройки. И, сколько бы ни говорили о том, что она кончилась, пока существует такая поддержка, ничто не кончено и не потеряно.

Теперь снова о личном. После 20 декабря 1990 года ко мне потоком идут письма и телеграммы. Я не могу спокойно читать их, такие это свидетельства человечности. До спазм в горле, до перехвата дыхания волнуют меня выраженные в них чувства, сама тональность обращения, даже названия пунктов отправки, отражающие географию сопереживания и поддержки.

Больше всего телеграмм и писем из Москвы, Ленинграда, Киева, других столиц союзных и автономных республик, крупных промышленных центров. Но не только. Люди пишут из таких, доселе неизвестных мне мест, как Рамонь, Тимошино, Мурмаши, Крапивино, Линево, Плавск, Омутнинск, Клинцы,— прерываю перечень, чтобы не навлечь на себя подозрения в извечном нашем грехе наступать и обороняться от имени и во имя народа.

Шлют письма мои недавние зарубежные партнеры — руководители государств и правительств, министры иностранных дел, коллеги-дипломаты, с которыми я не один час провел в беседах и переговорах, деловые люди, писатели, художники, журналисты, просто рядовые граждане...

Разумеется, это сугубо личные послания, но в них я вижу поддержку нашего дела, нашей страны, нашей внешней политики. Они помогают мне сносить нападки, которых не стало меньше после моей отставки. А главное — благодаря им я вновь убедился в правильности избранного мною рабочего «масштаба»: жизнь и судьба человека, положение личности — та самая малая, но главная «единица измерения» на шкале политики, ради которой, собственно, и вершится политика, однако очень часто, ворочая глыбами грандиозных категорий «народ», «держава», «безопасность», игнорирует эту великую малость.

Без ее крепкого самостояния, ее безопасности, ее благополучия нет и не может быть истинного величия страны.

Я в долгу перед всеми, кто выразил сочувствие и поддержку не мне одному — нашему общему делу. Мне есть что сказать им, и я обязательно скажу, будут силы и время — скажу. К каждому обращусь по имени-отчеству, как к близкому и дорогому человеку, ибо таким воспринимаю каждого моего адресата и хочу так разговаривать с ним.

Мне есть что сказать, что ответить и тем, кто, желая повернуть дело вспять, прибегает к приемам и средствам, казалось, навсегда сданным в архив. Поверьте, мне очень тяжело читать и слушать произведения воинствующей некомпетентности, наблюдать попытки исказить существо тех или иных вопросов, ввести общественность в заблуждение, дезинформировать ее. Конечно же, я чувствителен к пассажам, оскорбляющим мое личное человеческое, профессиональное, а теперь еще и национальное достоинство, но эта чувствительность особого рода. Чувствительность к проявлениям застарелого недуга, сегодня вновь заявившего о себе.

Как и встарь, это отнюдь не нормальная дискуссия, в которой стороны обязаны обмениваться аргументами, если, конечно, они озабочены поиском истины, а не моральным или политическим подавлением оппонента. И вновь, как прежде, не честным оппонентом желают представить «противную сторону», а «врагом» — иначе невозможно оправдать попытки повернуть дело вспять.

Все это уже было — и поиски внутренних врагов, и воспаленная лексика обвинительных речей, и стремление выдать тех или иных деятелей за злодеев, разжечь в людях ненависть к ним и заставить выместить ее совершенно определенным способом. Нет ничего проще сделать это, внушая, например, живущим в палатках на снегу, что в бедственном их положении повинен бывший министр иностранных дел, чтобы таким образом отвести их справедливый гнев от истинных причин и виновников наших общих бед.

Однако сейчас я не стану отвечать на подобные обвинения. Не прибегну к такому тону, таким словам и ухваткам, ибо, как уже однажды я сказал им, мое воспитание не позволяет мне этого.

И к тому же это слишком большой и серьезный, слишком многое затрагивающий разговор, чтобы вести его походя.

Всему свое время. Но уж если я коснулся вопроса о времени, то позволю себе заметить: хорошо быть «человеком месяца» или, скажем, года, но еще лучше быть человеком всегда. Независимо от занимаемых постов, политических пристрастий или индексов популярности.

Чем больше у нас таких людей, тем больше шансов у страны.

Вся надежда на это.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Заканчивается вторая мировая война. Мучительно завершается в наконец-то обретающей независимость Восточной Европе, наконец-то воссоединенной и демократической Германии, в Японии, где советский Президент в апреле наконец-то обсудит условия все еще не заключенного нами с великой дальневосточной державой мирного договора. Сегодня мы возвращаемся по следу горьких и подчас не усвоенных еще уроков величайшей трагедии и величайшего триумфа в истории человечества. Все определеннее выбор: между принципами Объединенных Наций, обязывающими уважать каждый народ с его правами, и принципами А. Гитлера — С. Хусейна, гласящими, что прав тот, чьи танки быстрее, мощнее и бронированней.

Мы возвращаемся по следу трагического опыта человечества, где есть капитулянтский Мюнхенский сговор и подлый пакт Молотова — Риббентропа. Но есть во всечеловеческой памяти и акты безоговорочной капитуляции фашистских держав, поучительно напоминающие о необходимости всеобщей борьбы против сил, попирающих все человеческие ценности и права.

Наконец-то, кажется, начинаем понимать высокую цену свободы. Мы не могли в сороковых дать ее народам Восточной Европы, ибо сами свободны не были; мы принесли им освобождение, а свободу они непросто завоевывают сегодня. Все это еще предстоит осмыслить и усвоить, поняв собственную меру ответственности, а подчас и вины за чужую боль.

Наше бытие нынче выглядит так, будто война завершилась только вчера и мы ее проиграли. Развалины неработающих экономических и политических структур, мощное противодействие переменам со стороны тех, кто десятилетиями демагогически паразитировал на народной трагедии и несвободе,— все это нашими людьми не заслужено. К тому же военно-промышленный комплекс, любимое детище эпохи ненависти, продолжает пожирать советский бюджет, удерживать в себе миллионы самых квалифицированных работников, выходит на открытую борьбу с демократическими переменами. Вторая мировая война завершается, но силы, окрепшие в перестрелках, ни за что не хотят мира. Мы говорим об окончании «холодной войны», но все те же мастера противоборств пугают нас, пытаются противопоставить разные страны мира, различные группы трудящихся в советском обществе. Паразитический слой военно-промышленной и партийной бюрократии всеми силами стремится опровергнуть строку из собственного гимна: «А паразиты — никогда!»

Создав уже телевидение себе на потеху, угрожая прессе цензурой, бдители собственных нетленных традиций вновь хотят скомпрометировать нас перед окружающим миром и отделить от него. Остановить и повернуть вспять идущие процессы им не под силу, но вновь отвратить народы мира от сочувствия нам и взаимодействия с нами они хотят и могут. По крайней мере на то недолгое время, которое необходимо им для умерщвления ростков нового. Но это они умеют, с этим они справятся быстро.

Не дай нам Бог поддаться на уловки тех, кто обязан уйти с дороги истории, но не уходит. Не дай нам Бог поверить их политическим истерикам, их наглым апелляциям к рабочим и крестьянам, которых уж наша-то бюрократия обездоливала и грабила с особенной последовательностью.

Наш народ устал без мира и справедливости; он их заслужил; он должен их обрести.

■

В последнее время все чаще можно слышать об угрозе гражданской войны.

В том, что жизнь младшего и большинства среднего офицерского состава и их семей — хуже не придумаешь, вина не гражданского населения, а верховного руководства. Это понимают все нормальные люди. Что же касается рядового состава, то нет уверенности, что все довольны службой и, пылая любовью к отцам-командирам, способны ради этой любви и идеологии стрелять в стариков, женщин и детей по первому приказу. Следовательно, не ясно, все ли военнослужащие будут стрелять в одну сторону.

Что же касается гражданского населения, то его едва ли удастся построить в ряд и спокойно расстреливать. На чью поддержку и на какой потенциал рассчитывают инициаторы порохового дыма, штыков и саперных лопаток? Если на многомиллионную армию членов КПСС, то надо учитывать ее крайнюю неоднородность. Подавляющее большинство едва ли согласится умирать за сомнительное «светлое будущее» и его идеологов. Скорее наоборот.

Нельзя не учитывать многонациональный состав армии, напряженность межнациональных отношений и многие другие факторы, не способствующие могуществу армии.

Стоит ли бряцать оружием, разжигая гражданскую войну таких масштабов и кровопролития, от которой содрогнется все человечество?

Если же некоторые военачальники думают ограничиться военным переворотом и поставить у руководства страной генералитет, то это мало что изменит в нищенском положении страны. Были уже маршалы и даже генералиссимус, а жизнь все хуже.

Так, может быть, лучше не играть с огнем, не тешить свои амбиции, а думать и делать для своего народа все возможное, чтобы он жил по-человечески?

С. ГРУЗДЕВ
Владивосток

■

В журнале «Известия ЦК КПСС» (№ 11 за 1990 г.) под заголовком «Трагедия в Медведевском лесу» опубликованы материалы о расстреле 11 сентября 1941 года 157 заключенных Орловской тюрьмы, в том числе проф. Д. Плетнева, выдающегося русского врача; Х. Раковского, одного из основателей Болгарской и Румынской компартий; М. Спиридоновой, известного лидера партии левых эсеров; О. Каменевой, сестры Л. Троцкого и вдовы Л. Каменева. Документы того времени — представление, подписанное Берией, и распоряжение Сталина, на основании которых без предварительного и судебного разбирательства, в отсутствие обвиняемых, без всяких доказательств их новой «вины» — Военной коллегией Верховного суда СССР был вынесен смертный приговор,— свидетельства о еще одном из бесчисленных преступлений сталинизма, информация о которых, увы, уже перестала удивлять.

Поражают и возмущают, однако, заключительные строки «постановления о прекращении уголовного дела», подписанного 12 апреля 1990 года военным прокурором Управления Главной военной прокуратуры о реабилитации подполковником юстиции В. Зыбцевым. Установив, что приговор, вынесенный в сентябре 41-го, «является незаконным и необоснованным», современный прокурор постановил прекратить уголовное дело в отношении зловеще памятного по «большим московским процессам» председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульриха, отправившего на смерть не одну сотню людей, и его подручных Д. Я. Кандыбина и В. В. Буканова. Основание? «Судьи» руководствовались постановлением Государственного комитета обороны, «высшего в тот период времени органа государственной власти».

Ульрих и другие так называемые судьи цинично попрали свой профессиональный и человеческий долг, хотя даже действовавшая тогда «сталинская» Конституция провозглашала, что «суд независим и подчиняется только закону». Известно, что после разгрома гитлеризма в Германии состоялся целый ряд суровых процессов над немецкими судьями, которые осуждали на смерть антифашистов.

И последнее. Как объяснить, что управление военной прокуратуры, созданное для реабилитации жертв сталинизма, реабилитирует сталинских палачей? Не являются ли подобное прощение этих палачей и отказ от расследования убийств многих наших юношей-солдат в мирное время двумя сторонами одной медали? И как понять, что авторитетный журнал ЦК КПСС ни словом не прокомментировал отмеченный беззаконный, возмутительный факт?

Е. АМБАРЦУМОВ,
Б. ЗОЛОТУХИН,
В. ШЕЙНИС,
народные депутаты РСФСР

■

Хочу высказать некоторые соображения по поводу так называемой передачи квартир в «личную собственность». Не знаю, есть ли на Западе аналогичная собственность на квартиры, но из логики здравого смысла вытекает, что у дома, как единого хозяйственного объекта, должен быть один владелец, будь то государство, частное лицо, кооператив или что-либо другое. Немыслимо, чтобы каждое яблоко на яблоне имело своего собственника, кто же тогда будет заботиться о стволе, корнях, здоровье всего дерева? Так же и в доме: кто будет заниматься ремонтом коммуникаций, фундамента, крыши? Можете возразить: владельцы квартир объединятся по типу кооператива, но тогда опять же следовало изначально объявить дома собственностью граждан, в них проживающих, но это возможно только при стопроцентном согласии всех жильцов. И потом вряд ли будет эффективна эта «коммуна» в решении коммунальных вопросов: кому-то нужен лифт, кому-то он совсем не нужен, кого интересует крыша, а кого подвал и так далее.

Вряд ли стоило бы изобретать велосипед, а проще было бы нам, жильцам, снимать квартиры у государства или частного лица, владельцев дома, которые бы за нашу плату поддерживали функционирование всех систем в доме. Однако беда наша в том, что государство от нас уже отказывается, а частных владельцев еще и в перспективе не видать.

Г. ГУЩИН
Москва

■

Новые правила страховки автобусов, выезжающих за рубеж, введенные ингосстрахом с 1 января 1991 года, наносят страшный удар по гражданскому движению «Дети Чернобыля». Наш благотворительный центр «ОТКЛИК» осуществляет программу «ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ В ПОЛЬШЕ». В декабре прошлого года мы отправили на оздоровление и лечение в Польшу 950 детей-сирот. 700 из них выехали автобусами и автобусами же должны вернуться. Этим транспортом вместе с детьми пойдет гуманитарная помощь детским домам и интернатам. Таких учреждений в чернобыльской зоне 27, в них содержатся 4825 малышей. Практически все они через наш центр приглашены на отдых и лечение в Польшу. Только в январе должны были выехать 1040 детей, летом ежемесячно ожидаются полуторатысячные заезды. Единственное, что требуется от нашей стороны,— обеспечить проезд детей до места назначения. Все остальное — содержание, обследование, лечение — обеспечивается польской стороной. Надо ли говорить, что мы экономим государству тысячи долларов, поправляя здоровье малышей за границей?

Еще совсем недавно страховка автобуса стоила 28 рублей, с 1 января уже 370 марок ФРГ, это более чем в два раза дороже того, что за страховку берет польская сторона. Согласитесь, требовать от поляков, кроме благотворительной помощи детям, еще и таких безумных взносов в наш родной ингосстрах — еще большее безумие, чем таскать ослабленных детей с пересадками по железной дороге.

Если наша страна не в состоянии спасти своих детей, страдающих от чернобыльской радиации, то и нет никакого права мешать общественности в этом жизненно важном для Белоруссии движении.

Новые правила ингосстраха — очередной административный абсурд, оборачивающийся преступлением против детей Чернобыля.

На два наших срочных телефакса ингосстрах ответил... телефонным звонком своему представителю в Минске: «Помочь не можем в соответствии с постановлением СМ СССР № 617 от 29.06.90».

С. САВРАСОВА,
председатель благотворительного центра «ОТКЛИК»
Минск

■

Перед Новым годом у нас в городе продавали вино «Славянское» по цене 2 р. 70 к. за бутылку, хотя на ее этикетке четко обозначено: «Цена 2 р. 50 к. со стоимостью посуды».

На запрос покупателей о несоответствии цен номинала и реализации с базы поступило объяснение, что

дополнительные 20 коп. взимаются с целью сбора средств на восстановление уничтоженных в известную кампанию виноградников.

Что это — насмешка или цинизм? Или то и другое вместе? И чья это инициатива — местных, республиканских или союзных властей — ратоборцев в недавнем прошлом за трезвое общество?

Не лучше ли было извлечь эти миллионные средства из бездонных карманов тех, кто пять лет назад призвал к всеобщей трезвости, направил бульдозеры на виноградные плантации и, понимая явный абсурд и антигосударственность подобных действий, не счел нужным принести своему народу извинения?

В. ЛОХВИЦКАЯ
Энергодар Запорожской области

■

Не знаю, к кому обращаться, но дело в следующем. Я бабушка четырехлетней девочки. Постараюсь быть краткой.

Съезды, съезды, заседания, решения и т. д. и... талоны. Ну талоны так талоны, первое время можно было кое-что купить: курицу, например, или 400 г сыра, если постоишь часа два. Потом опять съезды, чрезвычайные комиссии и... вообще все пропало, даже по талонам.

Я вдруг с ужасом поняла, что мне всех этих отпущенных государством граммов не хватает даже на выживание. Дело еще осложняется тем, что моя Настенька не прописана, на нее никаких талонов нет. А прописана она в Москве, там и родители ее, но папа, как бывает, забыл про дочку. Ну да бог с ним, да и в Москве сейчас, сами знаете... Ну так вот, ни молока, ни масла, ни сыра, ну ничего, и кругом одна «рыночная» экономика.

Нас четверо с Настенькой, а работает один дед. Терпим, но есть-то нужно каждый день. Ну а Настенька моя больна, и сижу я с ней дома. Она с очень большим трудом развивается, и зрение у нее плохое. И я с тоской думаю, что ее ждет завтра. Пришлите, пожалуйста, посылку из тех, что присылает заграница. Там, говорят, есть масло и сухое молоко. Может быть, на месяц растяну, а там норму прибавят. О господи! Как стыдно просить, но мне бывает еще хуже, когда девочка говорит: «Баба Лена, дай каши», а я отвечаю: «Нет».

Мой адрес: 152919, г. Рыбинск, Ярославская обл., ул. С. Перовской, 1-105, Староверова Елена Леонидовна.

■

Прочитал о том, что Иван Антонович — член Политбюро ЦК КП РСФСР, секретарь ЦК — дал интервью белградскому еженедельнику «НиН», в котором заявил, что «не будет ошибкой сказать, что каждый гражданин нашей страны воспринял объединение Германии как свою личную драму». Я возмущен таким «причесыванием» всех под одну гребенку. Я спрашиваю вышестоящих руководителей КП России: кто дал право высокопоставленному чиновнику партии делать такое заявление от, например, моего имени? Я гражданин СССР, инвалид ВОВ, ветеран труда. Я не считаю, что это драма. Наоборот, драмой считаю то, что каменной трехметровой стеной разделили единый народ, забывая о «Китайской стене», которая ничему не научила идеологов.

Далее в том же интервью т. Антонович заявил, что почти все республики осознают тот факт, что ни одна из них не сможет жить изолированно. А как же Бельгия, Дания, Люксембург и др.? Живут, и живут лучше нашего! И о каком сепаратизме говорит автор интервью снова от имени русского народа? Пора понять кое-кому, что живем мы не в казармах, где людей каждый день выстраивают на поверку.

Н. ЛЕБЕДЕВ
Фрязино Московской области

■

Депутатами Фрунзенского района г. Москвы было организовано распространение приглашений на распродажу детских товаров. Приглашения (талоны) разносились поздно вечером, и раздавалось, независимо от количества детей, всего по одному талону, а то и по одному талону сразу на две семьи. Но самое неприятное нас ожидало на следующий день — в день распродажи.

У центрального входа в магазин «Детский мир» с шести утра собралось очень много людей: очередь стояла от ЦУМа и кольцом вокруг «Детского мира». То есть попасть лишь только на порог можно было не менее чем через четыре часа. Стояли на морозе, но каждый надеялся, что мерзнет не зря: что-то да купит детям. Увы... В магазине, в самом помещении, надо было отстаивать еще по три часа, товары кончались или перебрасывались из секции в секцию. Немногие выдерживали физически такой прессинг, а о душевном состоянии тут и говорить неудобно. В конце концов отоваривать талоны стало нечем, а о продлении их срока действия и речи не было. Так кого же благодарить за пережитое унижение да и в придачу за утраченную надежду хотя бы что-то купить для детей, неужели наших депутатов?

Н. МИРОШНИЧЕНКО и др.
Москва

■

В 36-м номере вашего журнала было напечатано письмо от некоторых военнослужащих Западной группы войск. В нем говорилось о том, какое давление оказывается на вышедших из КПСС офицеров в одном из вертолетных полков. Упоминался там и бывший секретарь партийной организации эскадрильи капитан С. Е. Рыжов. Теперь пишет вам тот самый Рыжов, но не из ЗГВ, а с Дальнего Востока. Сюда я был досрочно откомандирован из Германии.

После публикации в «Огоньке» в наш полк срочно прибыла комиссия старших офицеров — работников политотдела объединения. У них было две задачи: официальная — выяснить морально-политическую обстановку в полку и основная — загнать обратно в «ряды» вышедших из партии. Зачастил к нам и член военного совета объединения генерал-майор Мальдов, кстати, народный депутат РСФСР. Для того чтобы снова восполнить сильно поредевшие партийные организации, в ход были пущены все способы запугивания. Они сыграли свою роль — некоторые, прежде положившие партбилеты, потихоньку забрали их назад. Впрочем, я им не судья.

Результатом работы комиссии под руководством генерала Мальдова явился военный совет, на котором было принято решение о досрочном откомандировании из ЗГВ меня и еще одного командира экипажа — капитана А. Сальникова. На следующий день Сальников объявил голодовку. Еще через день снова собрался военный совет, на который вызвали и нас. Атмосфера на совете очень напоминала ту, которую описывают в книгах о 37-м годе.

Полковник военной юстиции, видя меня в первый раз, кричал о том, что я предатель Родины, что за мной нужно следить, потому что я могу уйти в ФРГ. Я попросил дать мне конкретный ответ, какой проступок я совершил. На свой вопрос получил исчерпывающий ответ: для того чтобы служить в ЗГВ, недостаточно хорошо летать, примерно исполнять свои служебные обязанности, любить Родину, нужно еще быть преданным КПСС. После этого разговаривать было уже не о чем.

В начале октября пришел приказ, и нас в срочном порядке откомандировали на Родину. Капитана Сальникова — в Забайкальский, меня — в Дальневосточный военные округа.

Задачу, поставленную начальством, генерал Мальдов выполнил. Он спас от полного забвения партийные организации, а заодно и свое кресло.

Мне хотелось бы, чтобы мои сослуживцы и все поддерживавшие меня знали, что генералам от КПСС не удалось меня сломать и что никакого трепета перед ними я не испытываю.

С. РЫЖОВ,
капитан
Дальневосточный военный округ

■

Я не стану сетовать на то, что более умный, способный, талантливый и даже удачливый станет зарабатывать и получать вдвое, втрое, вдесятеро больше меня. Пусть предприимчивых и оборотистых людей будет как можно больше. Но это не исключает и существования принципа «за равный труд равное вознаграждение». Существует он и у нас, во всяком случае, в пределах предприятий и учреждений. На этом дело и кончается.

Я, например, категорически не приемлю того, что человек равной со мной квалификации, но, к несчастью, ушедший на пенсию ранее меня, получает пенсионное пособие значительно меньше, чем я, только потому, что, когда он уходил, оклады были ниже!

Экстраполируя ситуацию в обратную сторону, я категорически не приемлю и того, что работник равной со мной квалификации, должности и круга обязанностей будет получать пенсию в полтора раза большую, чем у меня, только потому, что мой средний заработок при прежних ставках был меньше!

Простой пример. Мы все в отделе — инженеры, дипломированные специалисты. Я оформлял пенсию в 1983 году со средним заработком в 262 рубля. Моя нынешняя пенсия — 196 рублей. Мой коллега, выпускник того же института и факультета, выполняющий ту же работу, имеющий ту же квалификацию, уходя сегодня на пенсию, имеет средний заработок 400 рублей и пенсию в 300 рублей. Может быть, потому что я старше на несколько лет и у меня, включая военные годы, стаж 58 лет, а у него 40?

Кто же авторы пенсионных законов, которые ограничили предельный стаж сорока годами? Неужели работа сверх этого стажа не только не поощряется, но и наказывается тем, что не учитывается?

Нет, я пока не умираю с голода. И не сетую на малость пенсии. Я возмущен заведомой несправедливостью, которая еще больше разъединяет людей, озлобляет их.

А. МИРОНОВ
Ленинград

■

Очень много сейчас говорят о так называемых «неуставных отношениях» в армии и на флоте. Зачем ломиться в открытую дверь? Во всех армиях цивилизованных государств есть институт военной полиции. Ее функции — пресечение именно «неуставных отношений». Любой подонок в военной форме будет остерегаться, зная, что и днем и ночью наряды полиции бдительно несут службу, проверяя состояние правопорядка в гарнизоне и вне его. Даже во французском иностранном легионе, где личный состав на 90 процентов состоит из отпетых головорезов, нет «неуставных отношений», ибо полицейский наряд всегда начеку. Средства на содержание у нас такой службы? Сократить замполитов в ротах, батареях. Они и породили этот разгул дедовщины, всячески скрывая нарушения (а подчас и преступления) ради дутых «показателей».

Г. ПЕТРОВ,
офицер в отставке
Великие Луки

■

Недавно мне довелось побывать в США. Зайдя в одну из муниципальных школ Нью-Йорка, я узнал, что начинающий учитель получает 25 тысяч долларов в год, то есть чуть более двух тысяч в месяц. Наш учитель, далеко не начинающий, получает в среднем 240 рублей в месяц. Если перевести рубли в доллары, исходя даже из официального (1:6) курса, то советский учитель получает 40 долларов в месяц, то есть в 50 раз меньше своего зарубежного коллеги.

Сумму, которую учитель в США зарабатывает за один год, наш педагог — за 50 лет. Все то, что наши вожди обещали нам, реализовано у них. Именно там, за рубежом, учителя сумели поднять на такую высоту, на которой он не стоял и не стоит при социализме.

Мы, представители обманутого поколения, долго верили идолам обмана. Чтобы подобная участь не постигла наших детей, необходимо прервать эстафету лжи и лицемерия, которая начинается со школы. Учитель должен сеять разумное, доброе, вечное, но не партийное. Партий много, а учитель один.

И. СЛЕПОЙ,
учитель физики
Бишкек

РЕАКЦИЯ ОТТОРЖЕНИЯ

Бывший министр внутренних дел СССР Вадим БАКАТИН беседует с членом редколлегии «Огонька» Георгием РОЖНОВЫМ.

Когда в конце прошлого года я впервые позвонил Бакатину на квартиру и его жена Людмила Антоновна сказала, что Вадим Викторович еще не вернулся с работы, в пору было паниковать: неужели прозевал известие о назначении экс-министра на ту «достойную должность», о которой журналистам намекал шеф пресс-службы Президента Виталий Игнатенко? «Да нет,— рассмеялся Бакатин, когда мы все же созвонились,— отсиживаю часы в Президентском совете, в Кремле. Бросьте, какая там занятость — никогда не думал, что безделье может быть так мучительно».

— Вадим Викторович, кто вы? Политик? Партийный работник? Человек номенклатуры?

— Все сложнее. У меня вся жизнь какая-то странная, я сам ее иногда не понимаю. Ну, какой я политический деятель? Я провинциал, самый настоящий, всю жизнь, сорок пять лет, прожил в Сибири, в глубинке. Я был строителем, обычным строителем, прорабом по должности. А потом так получилось, для меня неожиданно, для других тоже — какие-то там качества заметили, черт его знает какие,— повели, потащили меня на партийную работу. Приехали как-то на стройку, садись, говорят, в «Волгу», поехали. А я в сапогах резиновых, в ватнике, грязный, все равно повезли, прямо в кабинет первого секретаря горкома, я в этих сапожищах бух на такой вот ковер, как в этом кабинете. Рекомендуем вас, говорят, вторым секретарем горкома партии, вы крепко, толково планерки проводите. Вот и здесь будете проводить — почему, скажем, автобусы плохо ходят или там дороги дырявые, вот и командуй. Словом, я на этой партийной работе вырос до первого секретаря одного обкома, второго, а потом совершенно для меня неожиданное — то самое предложение Горбачева.

— Он вам позвонил по телефону и предложил стать министром внутренних дел?

— Ну конечно. Знаю, спросите — почему я так сразу согласился? Потому что я уважал и уважаю Горбачева, его идеи перестройки понял, принял, трансформировал через себя. Понял всю никчемность наших усилий по построению общества, которое ничего не дало людям, кроме череды несчастий, горя. Так вот и состоялось мое назначение в МВД, наш с женой и детьми переезд в Москву.

— Итак, вы — министр внутренних дел. Непрофессионал, правда? Это мешало?

— А что — министр должен знать дактилоскопию? Судмедэкспертизу? Оперативную работу, сыск? Знаете, человеку со стороны, вроде бы непосвященному, в чем-то легче разобраться, на него не давят стереотипы, привычный шаблон. Вот, вспоминаю — в кои-то веки выбрались с женой в Большой театр. В антракте подходит к нам женщина: вы министр внутренних дел? Отлично! А вы знаете, как купить билет в этот театр? Так я вам расскажу — всегда и только всегда через спекулянтов. Здесь же банда, мафия! Что, сил у вас не хватает с ней справиться?

Прикидываю: билеты могут распределяться дирекцией, администратором, продаваться билетерами — как видим, круг лиц весьма узкий. Лично ставлю задачу — кто и как ворует билеты, оптом или в розницу, с кем связаны администратор и кассиры, кто жульничает и почему все так легко сходит с рук: неужто в самом деле все так хитро продумано, законспирировано, что концов не найдешь? Проходит неделя — молчание, вторая — работаем, третья — прорабатываем версии. Знаете, сколько мне надо было давить, чтобы в конце концов завели уголовное дело по афере с билетами в Большой театр? Чувствую, меня сейчас нет — лопнет это дело, рассыплется. А что делается в Шереметьево-2? Из года в год одно и то же — воруют багаж иностранцев, и никто не может найти вора или воров. Что это — талантами сыщики враз обеднели? Такие хитрые жулики сплотились? Или что-то другое, более тревожное?

Но мы несколько ушли в частности.

— Вам нравилось работать в МВД? Успели привыкнуть не только, скажем, к должности министра, но и к жизни, которая вас стала окружать в здании на улице Житной?

— Очень понравилось, честно — очень. Я довольно скоро понял, что при всех своих недостатках МВД — одна из немногих государственных структур, на которую власть может смело опираться. Я как бы заново стал понимать смысл тех слов и понятий, которые мы или подзабыли, или стесняемся произносить вслух,— чувство долга, отвага, мужество, преданность. Меня все время тянуло к работникам, как принято у нас говорить, среднего, низшего звена, хотелось знать, как они живут, как служба идет, что дает им силы по трое, четверо суток не спать, что мы все, что я, как министр, должен сделать для них. Сколько же я не успел, сколько обещаний не выполнил — прежде всего перед милиционерами, офицерами в небольших чинах.

— Как вы уходили? Из кабинета, из здания МВД?

— Это тяжело... Кофе еще хотите?

— И вообще — кто вам сообщил, что вы уже не министр? Сам Горбачев?

— Диктор телевидения, в программе «Время». Не надо об этом — вдруг это для меня было или не вдруг, было же! О том, что работать мне осталось недолго, я догадывался. Был на этот счет разговор с Горбачевым, и не один. Ох, не хочется мне все это снова ворошить, дурной у меня характер, раз все-таки отвечаю. Я сам, первый пошел к Горбачеву — говорю, что-то нависает надо мной, стягивается вокруг меня, ощущение, что я в пустоте. Надо что-то делать! Он коротко, спокойно: работай. В конце ноября Горбачев меня вызвал, говорит: я принял решение. Тебя нужно освободить. Я ответил: Михаил Сергеевич, это ошибка. Вот и весь разговор. Но я никогда не думал, что это будет так скоро, почти мгновенно.

— Когда вы последний раз ездили в министерство?

— На следующий день, 3 декабря.

— Ночью много думали?

— И той ночью, и раньше. Я понял, что попал в перекрестье неких политических сил, чьих-то интересов. Мне бесконечно, на разных уровнях, твердили: я слишком забегаю вперед, заключил договор с МВД Эстонии, готовлю такие же договора с Литвой, Латвией, Молдовой. Между прочим, я убежден в этом, если бы стали сотрудничать, не командовать, а именно сотрудничать с МВД всех союзных республик на договорной основе, это был бы первый крепкий кирпичик в здание обновленного Союза, который мы тщимся построить. Была бы решена до сих пор висящая в воздухе проблема союзного МВД, этот центр был бы реален, потому что стоял бы на фундаменте поддержки снизу, на равноправии всех участников. Этого-то как раз мои критики не поняли или скорее всего не хотели понимать. Возможно, я был идеалистом, когда не уставал повторять: для милиции, для всех правоохранительных органов важно одно — право и только право, никакой идеологии! Каким я тогда мог быть союзником коммунистам Прибалтики, которые хотели видеть в МВД надежное орудие в борьбе за утраченную ими власть? Скольких сторонников в схватке с таким неугодным им министром они нашли в Москве?

Я не хочу, чтобы создалось превратное впечатление о роли здесь Горбачева. Я не сомневаюсь в его порядочности, только порядочный человек мог сказать так откровенно: нарастает давление оттуда, отсюда, надо тебе уйти.

Мне особенно тяжело потому, что вижу отчетливо — идет суета, совершаются ошибки за ошибками, глупости. Вижу — и не могу вмешаться.

— Трудно было наблюдать со стороны все, что недавно творилось в Литве? Это побоище, эту кровь, эту ложь?

— Тяжко. Неимоверно. Это беззаконие. Я потрясен, я не понимаю реакции Верховного Совета страны. Нужно было одно: дать оценку трагедии Вильнюса с точки зрения закона, Конституции. А тут всерьез доказывают, правомочен ли был какой-то там комитет национального спасения свергать законное правительство, спорят о том, кто первым нажал курок. А ведь достаточно было сказать одно: если какой-то там комитет ставит своей целью насильственное свержение законной власти — он уже неконституционен, его члены сами поставили себя вне закона, и его противоправными действиями немедленно должен заняться КГБ. Это первое. Второе: как это понимать, части Советской Армии эти комитетчики поманили пальчиком, и тут же помчали грохотать танки с десантниками? Не к МВД идут с поклоном, не к КГБ даже — к армии, а та послушно выполняет неведомо чьи указания! Не будем наивными — так не бывает. Не то что полк — батальон, роту войск МВД не могли вывести на улицы против народа так, чтобы я, министр, не знал об этом. Поэтому если бы товарищ Язов и товарищ Пуго честно и откровенно объяснили бы в парламенте свои личные действия по поводу трагических событий в Литве, они бы не вынудили Президента страны, по сути, в одиночку стоять под шквалом тех как раз вопросов, на которые сами и должны были ответить.

Своим оппонентам я еще раз поясняю: я не в восторге от политики Ландсбергиса, более того, я ее решительно не одобряю. Но действовать против него и возглавляемого им парламента преступными методами недопустимо.

— Сегодня часто приходится слышать, что Литва — это всего лишь повторение того, что уже случилось и в Тбилиси, и в Баку, причем по одному и тому же сценарию.

— А вот здесь я не согласен. Да, и Тбилиси, и Баку — наша общая боль навсегда. Но и там, и там, несмотря на весь трагизм ситуации, войска действовали по призыву хоть и обанкротившейся, но юридически законной власти, спасали сначала Патиашвили, потом Везирова. Словом, действия войск имели хоть шаткую, но правовую основу. Еще раз настаиваю — там армия власть защищала, здесь, в Литве — свергала. А это куда опаснее.

— Значит, Шеварднадзе прав — приближается диктатура?

— К кому мне себя причислить — к идеалистам или к оптимистам, но я лично в классическую модель диктатуры в нашей стране не верю.

— Шеварднадзе уходил со своего поста у всех на глазах, вся страна слышала то, что он говорил в парламенте. А вы даже не собирались выступить?

— Собирался, готовился серьезно. Текст речи у меня был, лежал вот в этом кармане пиджака.

— Сейчас он там не лежит?

— Какая разница? Если речь не произнесена, значит, ее и не было.

— Вы хотели защищаться, объясняться или наступать?

— Прежде всего я хотел объяснить депутатам, кем и почему я убран, какие силы так настойчиво требовали от Президента моей отставки. Кроме этого, мне нужно было решительно отмести наветы о том, что я развалил МВД. И просто попросить, чтобы вокруг моего смещения не создавалось излишней нервозности.

— Какие же это силы, ополчившиеся на вас?

— Вы о них уже писали в «Огоньке» — Алкснис, Петрушенко, Коган как представители депутатской группы «Союз». Я давно понял их расчеты опи-

раться в политической борьбе на органы МВД, КГБ, армию. И они помнят мой ответ: мы, милиция, служим любой законной власти, свободно избранной народом, нравится это кому-либо или не нравится. Я не могу позволить раскачивать милицию или внутренние войска по идеологическому принципу — эти за «белых», эти — за «красных». Или, как недавно показали по телевизору — одни «наши», другие — какие? Не наши? Делим, кроим и словно бы все вдруг забываем, что преступность страны суверенитета не провозглашает, не разбегается по национальным квартирам, там все иное: организованность, спайка, взаимовыручка.

— Вадим Викторович, вы так и не вспомнили вашего последнего дня в МВД. С кем попрощались, что сказали?

— Ладно, начал — доскажу. В понедельник третьего декабря я, как обычно, подъехал к подъезду на Житной.

— У вас иномарка?

— Нет, «Волга». Когда пришел, предложили два «Мерседеса», «Чайку», «УАЗик» и вот эту «Волгу». «Мерседесы» я передал уголовному розыску, «УАЗик» тоже не понадобился, а «Чайка» иногда возит высоких зарубежных гостей. Так вот, пришел в кабинет, посидел минуту в тишине, позвонил Рыжкову: «Что делать?» Отвечает: сиди и жди. Я не знаю, как будет дальше. Ладно, сижу и жду. Опять голос Рыжкова: на двенадцать тридцать собери коллегию министерства, привезу Пуго. После коллегии я остался с Борисом Карловичем наедине, разговор был суховатый, служебный, я сдал дела, он принял. В конце дня собрал в зале коллегий руководителей главков, управлений, отделов. Что сказал? Что говорят в таких случаях? Примерно все то же: поработали славно, всем спасибо, не поминайте худо. И попрощался, не хотел присутствовать на собственных похоронах. Долго собирался, складывал личный архив, ежедневники, всякую бумажную ерунду. Утром следующего дня никуда не пошел, остался дома. Вдруг звонок: шофер привез весь комплект моей военной формы, а на кой черт она мне теперь?

— Я слышал, вы почти всегда ходили только в штатском?

— Всегда. И не только потому, что всю жизнь был сугубо гражданским человеком. Ей-Богу, мне неловко было бы сиять погонами генерал-лейтенанта перед человеком, дожившим до седых волос и заслужившим звание майора или подполковника. За два года в мундире появился дважды — на День милиции, тут уж просто нельзя было.

— А если вспомнить, что вы хотели сделать, что сделали, а что нет на посту министра?

— Знаете, что меня больше всего потрясло и разозлило едва не в первый день работы? То, что я должен был подписать приказ о дополнении штатов госпиталя на две единицы. На Сахалине! Я-то при чем, спрашиваю? Хотят вводить — пусть вводят, им виднее, это же за счет их бюджета, их денег. Нельзя, отвечают, не положено. Эти дурацкие «не положено» окружали меня едва не всюду в МВД. Мне немного потребовалось времени, чтобы понять, насколько система МВД громоздка, неповоротлива, инертна. А ведь все перемены, столь стремительно происходящие сейчас в обществе, требуют прежде всего от правоохранительных органов немедленной, даже опережающей реакции на них. Увы, чаще всего мы опаздываем, и непростительно. Пожалуйста, пример: на каждом углу говорим о гласности, а сами едва не каждую бумажку украшаем грифом «секретно». На кой черт? Я решил рассекретить по возможности всю нашу статистику — сколько совершено преступлений, каких именно, где именно. Тяжелее было огласить общее количество сидящих за решеткой осужденных, но решился, смог. Уже после меня сказали вслух о числе расстрелянных по приговорам судов.

Есть статистика и для нашего домашнего, или, строже говоря, служебного пользования. Дремучесть здесь была неслыханная. Мы, например, знали, сколько в стране совершено краж. Ну и что? Профессионалу важнее другое: когда эти кражи совершаются, в какое время, в каких именно регионах их больше, какими способами. А горестные цифры боевых потерь милиции — цифры, и ничего за ними. Нет уж, говорю, выясните: при каких обстоятельствах убивают милиционеров, чем именно, как, почему те не могли сопротивляться, поодиночке в тот миг шли или парами, сами были вооружены или нет?

— И все же сколько бы мы ни приводили примеров мужества отдельных сотрудников, авторитет у милиции невелик, более того, ее в обществе не любят, ей не всегда доверяют. Что делать, Вадим Викторович?

— Я не буду повторять пройденное: да, в милиции не место пьянице, взяточнику, хаму, это и до меня каждый министр твердил. Когда, скажем, обобранный жульем гражданин бросится к милиционеру с объятиями? Когда тот найдет то, что было украдено. А тот не ищет: во-первых, кража, по его мнению, малозначительная, во-вторых, зарегистрируй ее, прими дело к производству — сразу полезет вверх количество преступлений. А за это начальство спросит больше, чем за отказанное дело. Сейчас, по крайней мере последний при мне год, милиционера перестали ругать за этот самый рост преступлений. Зато к укрывшим преступления стали относиться без жалости. А если не укрыл, а просто отказал потерпевшему человеку? Здесь тоже дилемма: процессуальные нормы признают только два варианта действий — либо дело можно возбудить, либо в этом возбуждении отказать. И наш затравленный опер рассуждает так: что мне важнее найти, убийцу человека или наволочку, которую сперли с веревки на улице? Понимаете теперь всю дикость таких вот цифр — из 36 тысяч наших следователей 6 тысяч ежегодно заняты не поимкой преступников, а оформлением тех самых отказов, чертовски трудоемкая работа. И в Канаде, и в Италии я слышал: если больше совершается преступлений, значит, такому-то городу больше выделяется полицейских, больше платится денег. Будь у нас такая система, кто бы из сотрудников отпихивал бабусь с заявлениями? Да и зарплату нужно платить иначе, разделить ее на две части: первая зависит от количества совершенных преступлений, вторая — от количества раскрытых. Логично? Весь мир так поступает, вся полиция.

Не довел я это до конца, не успел.

— Как при вас складывались отношения МВД и КГБ?

— Конфликтов не было. Они не раз нам помогали взять какую-нибудь крупную банду, делились информацией. При всем при том я считал и считаю сейчас: у МВД свои функции, у КГБ — свои. И не нужно перекладывать на госбезопасность заботу о борьбе с экономическим саботажем или наркоманией, у нас для этого есть свои службы. Если же у КГБ свободнее с кадрами — отдайте их нам. Я дважды выступал по этому поводу на Президентском совете, но поддержки не получил.

— А чем кончилась история с намерением создать Следственный комитет?

— Откровенно? По-моему, этот комитет нужен был только московской верхушке: куча новых должностей, кабинетов, машин, генеральских лампасов на новых мундирах.

— По-моему, кое-что у вас начало вырисовываться с реформами в исправительно-трудовых учреждениях. Хоть первые конкретные шаги были сделаны — в них и гуманное отношение к узнику, и здравый смысл.

— Увы, только первые шаги. Мы разработали целый пакет предложений и ученых, и практиков, предусмотрели существенные новшества по всем направлениям. В августе я лично передал эти документы Горбачеву, он собирался в отпуск, обещал спокойно прочитать. Вскоре звонит: вы представили очень серьезный документ. Есть основа. С тех пор сколько времени прошло? Боюсь, не скоро еще о наших реформах вспомнят.

— Вам не кажется, что вы уже стали профессионалом в МВД?

— Становился. Зачем? Иногда кажется — вся моя жизнь какая-то сломанная. Я ведь в молодости рисовал, говорят, неплохо, советовали даже поступать в Суриковский. Видно, смалодушничал — я закончил школу с серебряной медалью, мог записаться в любой вуз, а в Суриковском даже для медалистов экзамены. Вот и стал технарем, строителем.

— Сейчас, вдруг — кошку нарисовать сможете?

— Кошку? Да ну вас... Я внучкам не только кошек — целые картины рисую. Какой же тогда покой на душе...

— Когда в вашей жизни было светло, хорошо?

— И думать нечего — когда я прорабом был, трест «Кемеровохимстрой». Все премии, все знамена — мои были! Толк был, дело.

— Пошел третий месяц вашего кремлевского сидения. Что дальше? Что-то конкретное — работу, должность — предлагали?

— Да, первое предложение было довольно скоро — первым заместителем премьер-министра, Павлова.

— Кто предложил?

— Михаил Сергеевич. Он человек слова.

— И что же?

— А то, что на Совете Федерации мою кандидатуру решительно отклонили. Кто, почему — зачем это? Отклонили — значит, негоден.

— Или — неугоден? А дальше?

— Дальше я приболел, был полуофициальный звонок — снова в команду Павлова, но уже отраслевым заместителем. Курировать энергетику, транспорт, связь. Я пошел к Горбачеву и отказался: не хочу быть дилетантом. С того дня — с 14 января — других предложений не было.

— Уже третий месяц вы практически не ввязываетесь в политическую борьбу, интервью даете редко, но очень сдержанно и даже осторожно. А вот ваши противники все не успокаиваются, не устают поминать вас лихом. Девятого февраля, в пятницу утром, с офицерами Главного управления командующего внутренними войсками МВД СССР встречался народный депутат СССР полковник Алкснис. Разумеется, он вас не забыл: Бакатин, по его словам, предал идею единого Союза, подыгрывал сепаратистам. Все это мы уже слышали, не правда ли? Почему же снова идет атака на вас?

— Думаю, убрав с дороги меня и Шеварднадзе, эти люди рассчитывали на успех и последующих своих шагов. Как и следовало полагать, наметили и осуществили они их в Прибалтике. Теперь они и сами не скрывают, что проиграли, и винят во всем прежде всего Президента, теперь вот меня. Неужели они всерьез полагали, что Горбачев послушно признает самозваный комитет национального спасения и введет в Литве президентское правление?

Я вынужден повторить снова: да, я выступал против надоевшей всем и ненужной централизации власти в союзном МВД, я развязал руки республиканским министерствам. Но все понимали: без Москвы будет трудно готовить кадры, организовывать материально-техническое и военное снабжение, перебрасывать людей из республики в республику в случае осложнения оперативной обстановки. Если все страны, входящие в Интерпол, делают так, неужели мы у себя в стране не договоримся? Договорились же с той же Эстонией!

— Кстати, после этого договора вас не одергивали?

— Еще как! Но надо отдать должное Рыжкову — как и положено, я ему о своем намерении доложил, он не возражал. Но с других сторон атаки на меня усилились, огонь стал просто шквальным. Особенно горько было слышать обвинение в том, что я как министр равнодушно наблюдаю за демонтажом памятников Ленину. Да, лично мне это было больно слышать и видеть, но ведь решения о таком демонтаже принимались местными органами советской власти! Как же можно было советскую милицию заставлять воевать с этой властью, которой она, кстати, подчиняется? Не прав городской Совет — пусть его поправит областной, тот заодно — слово за Верховным Советом. Повторяю: нельзя подставлять милицию, нельзя противопоставлять ее власти, нельзя из милиционеров или внутренних войск делать козлов отпущения. Как нам нужен был Закон о советской милиции — будь он принят в 1989 году, как мы надеялись, и мы с вами не гадали бы, что позволено, а что не позволено ее сотрудникам. Опять мы опоздали, опять упустили время, а теперь этот Закон просто невозможно принять без понимания того, что такое вообще есть наш Союз. А без этого Закона у меня были связаны руки как у министра — многого не смог. Многое не успел сделать. Хотел, чтобы присвоение очередного звания не зависело от продвижения по служебной лестнице, хотел, чтобы у нас, в МВД, была своя служба разведки, чтобы, наконец, были вдвое повышены оклады всем сотрудникам МВД. Неужели этот последний пункт моих предложений — только блажь, только фантазии оторвавшегося от действительности министра? Да нет же, мы все прикинули, все просчитали — выделенный государством для МВД бюджет позволит нам именно вдвое увеличить оклады служащим у нас людям. Не думаю, что мы роскошествуем, платя вместо двухсот рублей четыреста тем, кто подставляет себя под пули. Они знали: прибавка будет с первого января, я им так обещал. Январь прошел...

— Вадим Викторович, вы были членом команды Горбачева, вы шли за ним след в след. Почему же он согласился на то, чтобы вас убрали не его руками?

— Горбачев не диктатор, решений он сам не принимает, ему помогает окружение. Так вот, я думаю, что именно это окружение переоценило силы оппозиции.

— Я уже не раз слышал: Бакатина отправят послом в одну из стран — то ли в Европу, то ли в Азию.

— Это даже не ложь. Это фантазия. Сплетня.

— Но вот передо мной «Независимая газета», на первой странице: «О Вадиме Бакатине». Читаю полностью: «По имеющейся у «НГ» неофициальной, но заслуживающей доверия информации, Вадим Бакатин вскоре будет назначен послом СССР в одну из европейских стран».

— Давайте посмеемся?

Какой это был смех — догадаемся сами.

■

«НИКОГДА НЕ ПОЗДНО»,— ГОВОРИТ

**Васисуалий Лоханкин,
Клод Лелюш, теперь вот мы.
Пора внести свой вклад в неисчерпаемую тему.
Пора рассказать и показать, как живет не только
общество, но и обретаются отдельные его члены,
которым не чуждо ничто человеческое.
Новая рубрика «Мужчина и женщина» — это знакомство
с образом жизни, в отличие от борьбы за жизнь,
которой наполнены наши будни и праздники.
При ближайшем рассмотрении в стране обнаруживаются
люди, которые ходят не только на митинги, но и в гости,
на свидания, в кино и даже на работу.
В нашей так называемой «буче боевой, кипучей»
хотелось бы помочь вернуть многим этот навык
спокойного дыхания. Что мы и попытаемся сделать.
Внимание, блюстители морали!
«Мужчина и женщина» — отнюдь не пропаганда секса,
хотя у любви, как у пташки, крылья,
и она, безусловно, прорвется всюду.
Итак, любовь, дружба, деньги, творчество,
бизнес, семья — варианты искусства жить в условиях,
для этого не очень предназначенных...
Обо всем этом
и еще кое о чем —
наш новый раздел.**

Рубрику ведет Алла БОССАРТ

— Договоримся сразу — о политике ни слова. Этого мне в эфире хватает!
— Ладно. Сколько вам лет?
— Пожалуй, давайте о работе...
— Когда вы впервые вышли в прямой эфир?
— Да уж почти два года назад.
— А до этого?
— Много лет работала «за кадром», в редакции научно-популярных программ. Кругом одна политика, все говорили о «свершениях», а мы занимались искусством — как на другой планете. Сегодня вспоминаем то время как золотое.
— Когда это было?
— Конец шестидесятых — начало семидесятых, примерно так.
— Так вы из «шестидесятников»... Сколько же, выходит, вам лет?
— Все равно не скажу.
— Кем вы были до эфира в «ДВМ»?
— Сначала специальным корреспондентом. Потом возглавляла выпуск, то есть готовила эту программу от начала до конца.
— И вдруг перешли из-за стеклянной перегородки к цветам и микрофонам? Легко и светски, как держитесь там теперь?
— Как же... Встала, надела шпильки и — вперед... Да я бы никогда сама на это не решилась! В меня всегда больше верили другие люди. Их было мало, но они-то и заставили меня попробовать. Так случилось, что наша эфирная команда потеряла ведущего. Его сняли с эфира за сравнение речи Лигачева с высказываниями Нины Андреевой. Тогда это было немыслимо! Мы оказались в сложном положении, и вот тогда-то, чтобы не терять команды, я и шагнула на экран — как на амбразуру.
— Страшно было?
— Хуже, чем страшно. Казалось, что давно поздно. Все-таки возраст.
— Какой?
— Не старайтесь. Короче говоря, жутко сопротивлялась — коллеги не дадут соврать. Полное неверие в себя. Душу-то повышибли из нас — за столько-то лет...
— Вы моделируете свой экранный образ?
— Нет. Ломать себя в эфире нельзя.
— На экране у вас царственная повадка. Вы деспотичны?
— Скорее вспыльчива. Даже скандальна. Могу наорать, но этого хватает на две-три минуты.
— Вы телезвезда. Как изменилась ваша жизнь?
— Стало тяжелее.
— Кокетничаете?
— Самую малость. Эфир обязывает всегда быть в форме и в курсе. Всегда быть готовым к чему угодно. Не расслабишься. А потом, знаете, когда на улице показывают пальцем — противно и стыдно. Глядя в упор — в метро или троллейбусе,— начинают между собой громко обсуждать, какая я «живьем»: а Анэля-то, гляди-ка...
— В метро? Разве у вас нет машины?
— Машина есть, но я не вожу. У меня и прав-то нет. Ездит сын, он много работает, учится — ему нужнее. Но думаю, что все равно придется садиться за руль — времени совсем нет.
— Наверное, у вас много поклонников?
— Э, нет. Жизнь телезвезды, раз уж вы употребляете это слово, от жизни кинозвезды весьма отличается. Это же служба — ежедневная, тяжелая, регулярная. Никакой личной жизни! Не знаю, может, мужчины думают: ну, «она была в Париже», куда уж мне! И ошибаются. И получается — никого.

— Вы не замужем?
— Не-а.
— А были?
— Дважды.
— Кто сегодня составляет вашу семью?
— Я. Сын. Он недавно женился и живет пока у тещи. Наверное, так: моя семья состоит из меня, моего сына, моей невестки и кота Пети.
— Что значат мужчины в вашей жизни?
— А я вообще считаю, что в судьбе женщины мужчина играет основную роль. Всегда. Кто бы что ни говорил. И в моей жизни тоже. Двое мужчин (кстати, тезки) — один дал мне сына, другой помог обрести себя творчески.
— Вы бы вышли замуж еще раз?
— Хотелось бы, но десять раз подумаю.
— В каком возрасте еще не все потеряно?
— Опять вы за свое. В любом. По одной простой причине — человек не создан для одиночества. У нас парная природа. Если ты не в паре — такое чувство, будто тебя обокрали. И если женщина говорит: «Да ну, не хочу я замуж, мне и так хорошо» — не верьте. Это защитная реакция.
— Как же вы проводите свободное время?
— Понедельник, вторник, среда — его нет, только работа и подготовка к эфиру. В четверг я возвращаюсь очень поздно — или рано? — часа в два ночи. Вообще-то особого распорядка нет. Сплю мало. Читаю много. В магазины хожу очень редко.
— Вы стали богаче?
— Полтора года назад нам стали наконец-то прилично платить. За всю мою долгую жизнь на телевидении это впервые. Не знаю, как платят в других странах, говорят, наши деньги по сравнению с их гонорарами просто копейки, но даже то, что мы получаем сейчас, кажется мне огромной суммой. Не верится, что я смогла купить машину,— брала в долг, но ведь выплатила же...

— А что еще можете себе позволить?
— Да не так уж и много, наверное. Вот только сейчас купила мебель, шубу, кольцо.
— Какое?
— На бриллианты у меня не хватило бы. Просто колечко.
— А где же вы мебель-то достали?
— По блату.
— А откуда лампа из нефрита?
— Подарок.
— Чей?
— Одного человека.
— Может быть, взятка? Вообще взятки предлагают?
— По-моему, никому даже в голову не приходит. Я бы, конечно, и не взяла, но, сказать по правде, не помню, чтобы предлагали.
— У вас сложный характер?
— Да, мне есть за что себя укорить. За нетерпимость, за то, что не умею прощать, и опять-таки за гордыню. А самолюбива! Нет бы перетерпеть да понять, но куда там! Закусишь удила... Страшно бывало, горько, но тут уж лопни, а держи фасон. Думаете, от этого легче? Нет, только страдала потом. Но виду не показывала. Наоборот, приведу себя в порядок, что-нибудь новенькое надену. Разве можно дать почувствовать, что тяжело или больно? Ни за что! Ну, и проигрывала... Иногда спохватывалась, да поезд уже уходил.
— А кстати, сколько вам лет? Я хочу сказать, у вас великолепная фигура! Сидите на диете?
— Если хотите знать, больше всего люблю холодную картошку и могу на ней пережить продовольственный кризис.
— Тогда, наверное, делаете зарядку?
— Стараюсь. То, что называют аэробикой, плюс гантели. Но это не для красоты, а для здоровья. Просто разваливалась одно время: перенесла тяжелую операцию и вынуждена была приводить себя в порядок.

— У вас, наверное, свои косметолог, парикмахер, массажист?
— Вы шутите?
— А каким кремом пользуетесь?
— Какой попадется. Где его взять? У меня запасы в холодильнике. Вот из холодильника, как «из тумбочки», и беру.
— Вы коренная москвичка?
— Да, и даже хорошего происхождения. Но говорить об этом не буду.
— Почему?
— Не хочу ранить маму. Представьте — получить прекрасное образование, музицировать и прочее и потом враз остричь волосы, надеть красную косынку... Кажется, какой-то рабфак... Это было вынужденное насилие над собой. Мама только после войны отучилась грассировать. Она до сих пор боится говорить об этом.
— Вы любите москвичей, к которым обращаетесь с экрана?
— Ну как можно любить 9 миллионов! Нет, не хочу и не буду заигрывать с московской аудиторией. Да и где они, москвичи? Москва — трагичный мегаполис. Здесь осталось всего-то двадцать процентов так называемых коренных жителей. Дух Москвы искоренен. А те, кто приехал сюда — не важно, как и зачем,— как-то не смогли, не успели полюбить Москву. Вот и получилось — и не столица, и не деревня... Духа живого нет, традиции нет. Мне могут сказать: о каких это традициях вы рассуждаете, когда, извините, жрать нечего? Так вот поэтому и нечего. Культура — как хотите — первична.
— Если вам завтра предложат оставить экран?
— Я уже думала об этом, и много. За последний год столько изменилось во мне... Не умру, конечно. Постараюсь пережить это не как трагедию. Надеюсь, будут внуки. Знаете, надо ко всему готовиться. Радоваться, если пришел твой «звездный» час, но не думать, что он продлится вечность.
— Вы уверены, что вовремя почувствуете, когда пора уходить?
— Надеюсь, да. Я не рассчитываю на многое. Я поздно вышла в эфир. И знаю, что, работая в эфире, шкурой чувствуешь любые оттенки — как ты говоришь, что делаешь, нужна ли ты... Догадываться об этом необходимо, потому что прямо никто не скажет — это убийство. Вообще лучше самому предупреждать любую «отставку» — на всех фронтах.
— Какой мужчина идеальный?
— Их нет. Впрочем, как и женщин. Другое дело — какого мы выбираем. Ну, это судьба. Моя подруга стояла у магазина на Арбате. Кто-то ее толкнул. Она повернулась и, как потом рассказывала мне, увидела родные глаза.
— И что?
— Ничего. Поженились.
— А вы влюблялись с первого взгляда?
— В отца своего сына.
— Что бы вы посоветовали женщинам в любви?
— Терпения и умения прощать.
— То есть чего вы напрочь не умеете?
— Потому и советую.
— Хотели бы знать, что будет завтра?
— Нет, но все равно знаю. Изменится ситуация — люди останутся те же. И мы продолжим разговор, который будет прерван. Я потерплю.
— А возраст?
— Никогда не поздно.

**Спрашивала
Наташа ТРОЕПОЛЬСКАЯ.**

Анэля МЕРКУЛОВА

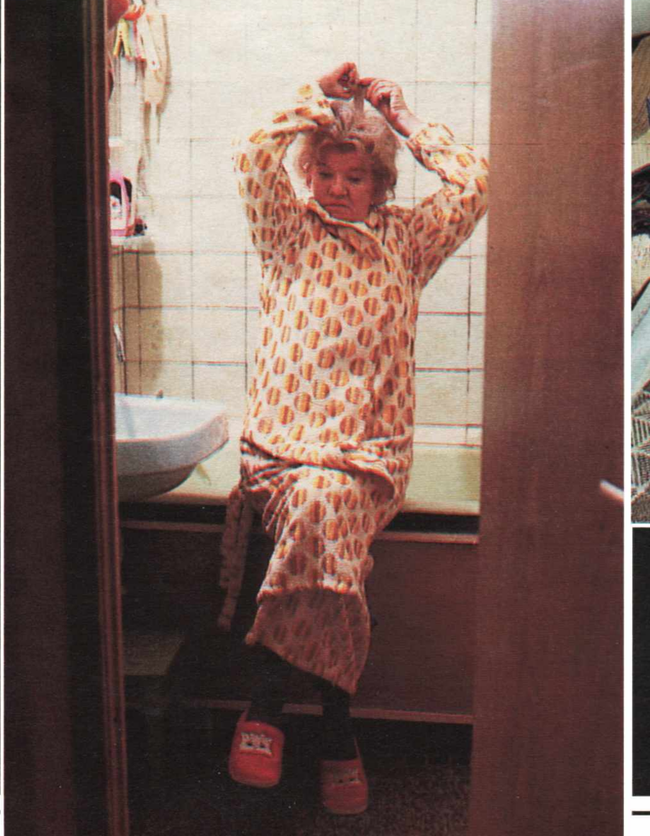
Фото Юры ФЕКЛИСТОВА

Анэля Меркулова — ведущая телеканала «Добрый вечер, Москва!», едва ли не последнего «живого эфира» на всем государственном телевидении. Ее день — среда. В этот день ее смотрят 30 миллионов москвичей и жителей Подмосковья. В последнее время к этой аудитории телемосты присоединили и ленинградцев. Ее передачи обращены к проблемам духовности, поиску себя в этом мире. По рейтингу ТВ-ведущих входит в десятку лучших.

● *Только и есть время отдохнуть — в гримерной.*

● *«Обожаю холодную картошку».*

● *«Какая парикмахерская?! Некогда...»*

● *Этому члену семьи разрешается все.*

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИ

ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА

Малыш и Карлсон. (Василий Борисович и Николай Васильевич Ливановы).

Новое поколение выбирает ЗАГС! (Ирена Куксенайте и Сергей Бугаев).

«Раба любви» в кругу рабовладельцев. (Елена Соловей и Юрий Пугач с детьми).

Загадочная картинка: найди мать. (Вера Глаголева и Родион Нахапетов с детьми).

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

...А, говорят, Ярмольник развелся! — Да не Ярмольник, а Калягин, и не развелся, а квартиру получил, после как Ленина сыграл, а Глушенко сейчас Крупскую репетирует, дом будут покупать. В Горках... — Ой, это что, а Верка-то Глаголева, слышали, к Нахапетову ушла, у них, говорят, и дети общие! — Да не их это дети! Это Васи Ливанова сынишка приемный, от шведки одной. Карлсоном зовут.

А Невзорова убили! А Ахмадулину исключили! А Гребенщиков уехал! А Аксенов вернулся! А Чурикова отказалась сниматься у Панфилова и позирует Глазунову. А этот — завязал. А тот — гомосексуалист. А та, слыхали, в психушку угодила, пила, говорят, по-черному, прямо у магазина, с алкашами.

Боже мой, бедные, бедные, бедные! Вот кого больше всех жалко — так это знаменитостей. Народонаселение шагу ступить не дает, чтоб не прокомментировать. Живешь, как в витрине. А если не ра-

● *«Любите живопись, поэты!» (Белла Ахмадулина и Борис Мессерер).*

дуешь разводами, пьянством или отъездом на историческую родину — не беда. Зрители, читатели, слушатели и прохожие граждане сами пристроят вас, да так, что любо-дорого.

Мы, бывалые наблюдатели нравов, не поручимся, что Елена Соловей не стирает рубашки своего мужа Юрия Пугача, а Василий Ливанов не порет по субботам своего сына Колю. Но говорить об этом глупо и неинтересно, поскольку интересно говорить не о том, что нам и так известно досконально по своему опыту, а о тех загадочных обстоятельствах, которые сообщают в наших глазах «звездам» скандальность, а жизни соответственно — прекрасность.

Мы решили откликнуться на спрос — и вот вам наше предложение. Наше и маэстро

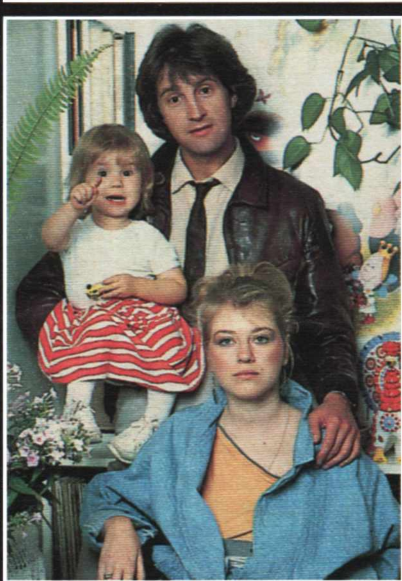
родной значительностью и прекрасностью.

Не прекрасна ли, скажем, Белла Ахмадулина, чей возраст исчисляется строфами, а отнюдь не годами, что не мешает ей быть, как миллионам других менее прекрасных и возвышенных женщин, женой простого и даже лысого мужчины — художника Бориса Мессерера?

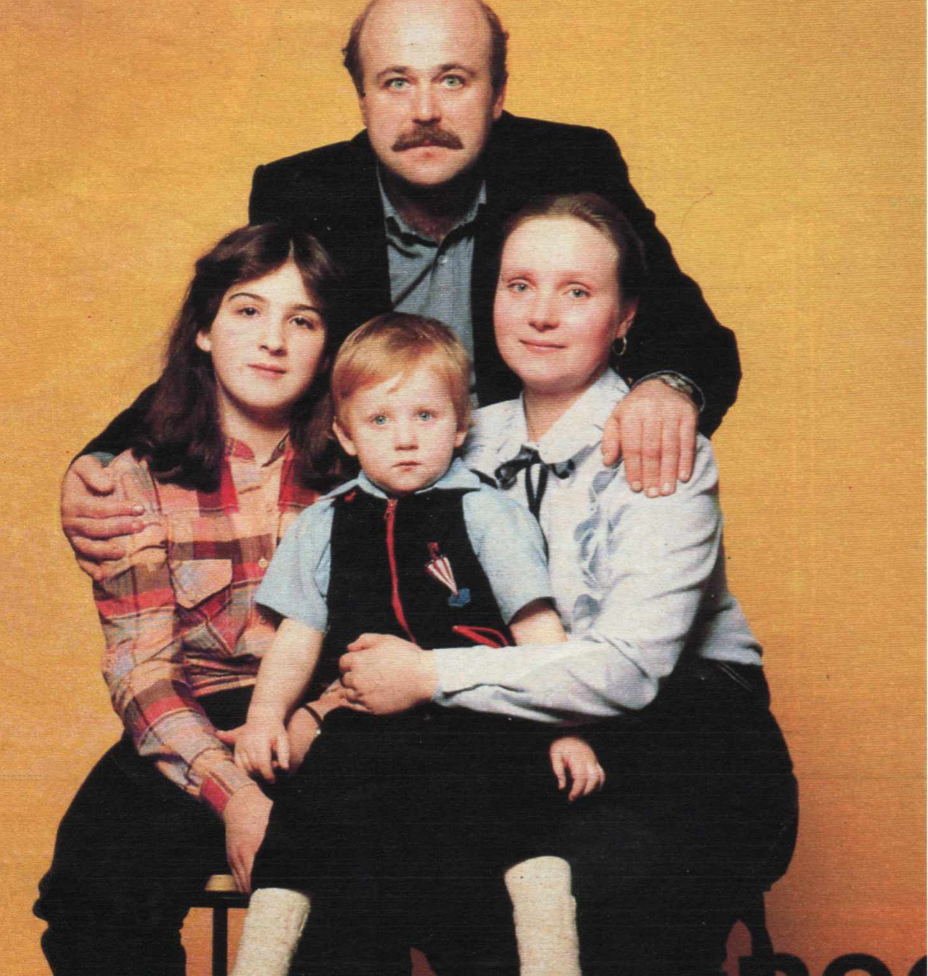
Или не прекрасна разве микроскопическая Саша Ярмольник, несмотря на очевидное сходство со своим отцом?

И не прекрасен ли тот факт, что красавица-вамп Ирена Куксенайте монтируется, заметьте, не с каким-то там сомнительным бой-френдом, как оно у молодежи принято, а опять-таки с законным мужем, хотя и известным под экстравагантным псевдонимом «Африка»!

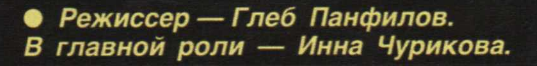
● *Александра Ярмольник со своими Леней и Ксюшей.*

● *Народный артист РСФСР Александр Калягин с женой и заслуженная артистка РСФСР Евгения Глушенко с мужем.*

● *Режиссер — Глеб Панфилов. В главной роли — Инна Чурикова.*

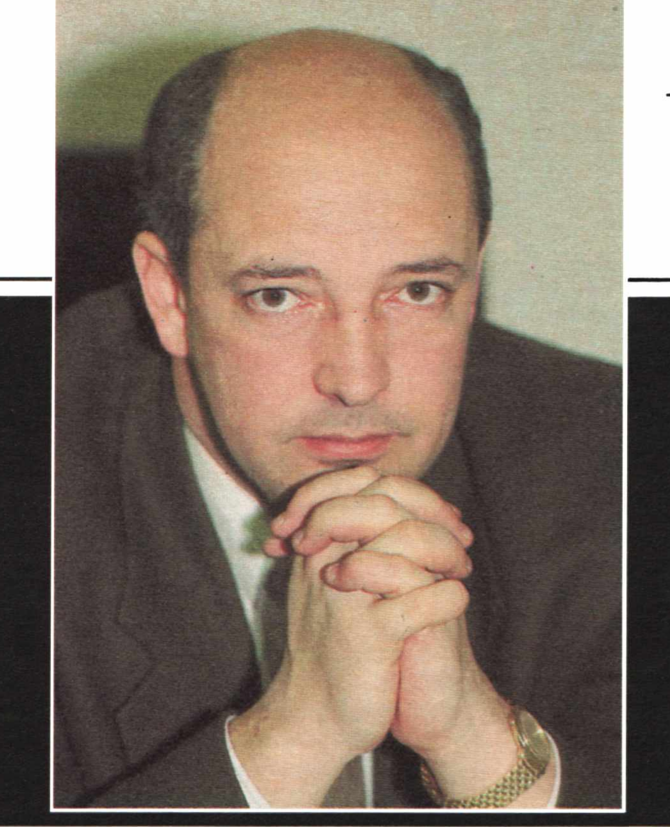
Плотникова Валеры, который снимает «звезд» на высокохудожественные слайды, преобразуя обыкновенно симпатичных людей в таких невыносимых красавцев, что те охотно ему позируют вместе с чадами и домочадцами, и ни те, ни другие, как видите, не капризничают.

Однако, как нам, наблюдателям нравов, кажется, даже выдающийся спец не создаст ни с того ни с сего значительный и прекрасный фотопортрет — тем более семейный, если модель (то есть семья) не обладает некоторой при-

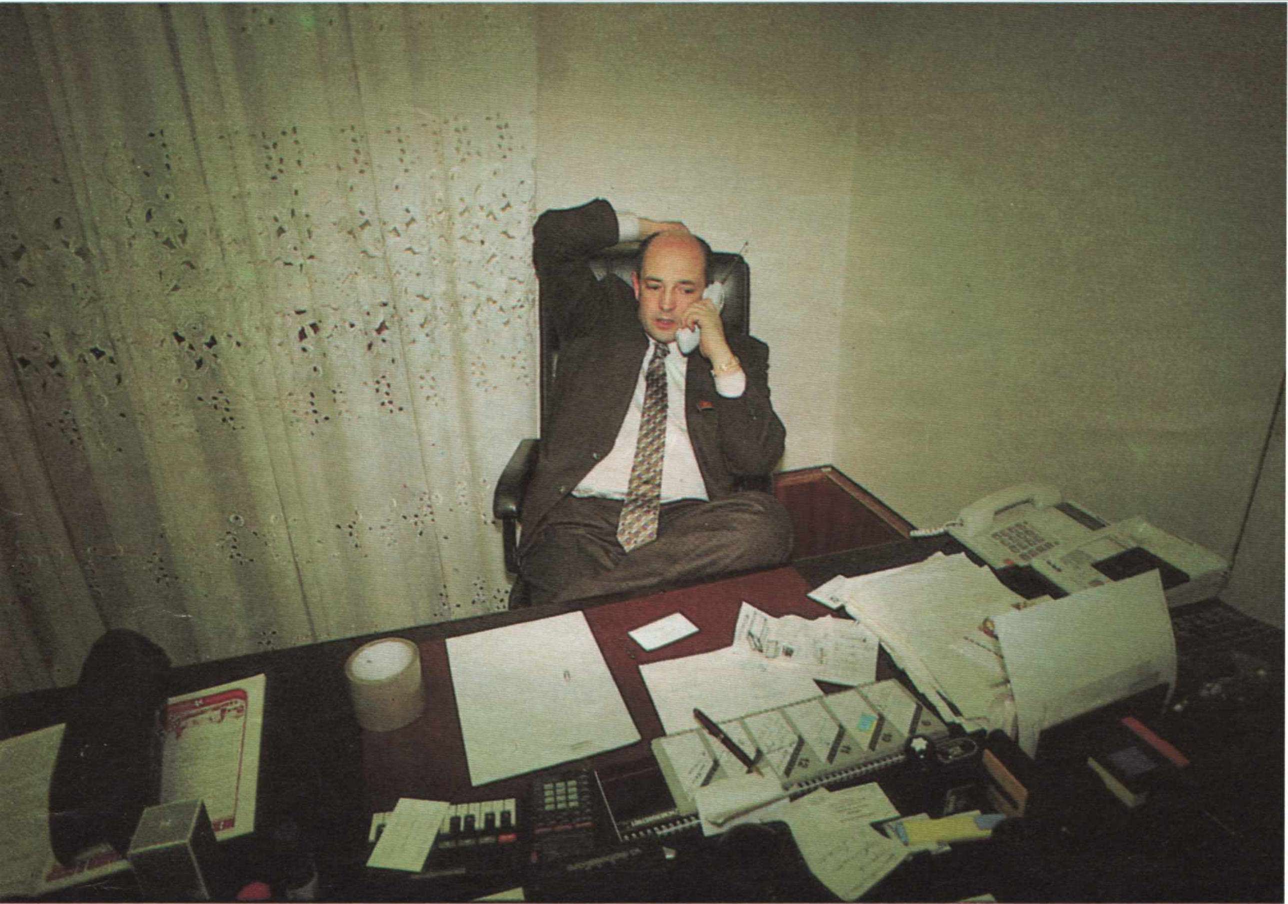
Все вышеизложенное свидетельствует о реальном наличии вечных ценностей, которыми порой не пренебрегает даже поколение, выбирающее «ПЕПСИ»! Не исключено, что мы разочаруем большую часть народонаселения, предоставив ее вниманию семейные варианты личной жизни «звезд». Однако есть мнение, что такой ракурс, возможно, и является настоящей сенсацией — как всякая бесспорная прекрасность на общем фоне ужасности.

Алла БОССАРТ

Артем ТАРАСОВ:

Советский миллионер — утопия или реальность? Легализировав свое состояние, Артем Тарасов поставил точку в этом так и не успевшем начаться споре. Бизнесмен, работающий для себя и на себя. Без кабалы и цепей. Без ощущения рабства. Без высоких идеологических целей, в которые никто не верит. Отказавшись от должности министра внешнеэкономических связей РСФСР, вице-президент Союза объединенных кооперативов целенаправленно продвигается по открытой им стезе свободного предпринимательства. Его не смущают пристальное внимание журналистов и бдительный надзор «блюстителей законности»...

Он из тех, кто пришел превратить руины в сверкающие офисы.

«В нашей фирме больше «мерседесов», чем в посольстве ФРГ, но моя машина — «девятка»,— утверждает Артем Тарасов.

«Мои сотрудники — моя семья»,— говорит он, а главной проблемой считает невозможность общаться с сыном.

Фото Юры ФЕКЛИСТОВА

«...НО ЕСТЬ ПРЕДЕЛ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Давая слово Артему Тарасову, мы не пытаемся вмешаться в юридические катаклизмы, развернувшиеся сегодня вокруг этого человека. Плох или хорош Артем Тарасов — он, безусловно, один из самых ярких людей дня, тот, на ком сфокусировано внимание общества. То, что с ним произошло, закономерно для личности такого склада и размаха. Ибо Тарасов из тех, кто, при всей рассудочности и трезвости, «лезет на рожон». Не беремся определить меру вины или беды нашего собеседника. Скорее, наверное, можно говорить о мере судьбы... Тарасов, безусловно, человек поступка, действия. Поэтому Тарасов и стал героем нашей новой рубрики.

— Вы ведь «наследный» миллионер, не так ли?

— Да. Мои предки были миллионерами, меценатами. А потом — каторжанами, сосланными в Сибирь как экономические контрреволюционеры. Фамильных денег и ценностей у меня нет.

— Есть для вас невозможное?

— Я не могу уже стать чемпионом мира по плаванию или полететь в космос. Чтобы правильно ответить на ваш вопрос, нужно поставить себя в рамки своих жизненных условий. Так вот, в этих рамках ничего невозможного для себя не вижу: я целиком могу удовлетворить ограниченные потребности.

— Чем же они ограничены?

— Чувством реальности. Мой американский друг имеет виллы в 15 или 16 штатах страны. А мечтает иметь в каждом штате. А у меня нет желания иметь дачу в каждой республике Советского Союза. Я не хочу иметь собственный самолет или яхту.

— Неужели?

— А зачем? Яхта все время будет стоять на приколе в Черном море, а у меня не будет возможности съездить на нее посмотреть. Не говоря уже о том, чтобы провести отпуск.

— Один умный человек сказал мне: «Не морочьте мне голову, будто человек работает для того, чтобы делать большое дело. Он работает для того, чтобы есть, пить, хорошо зарабатывать, не смотреть по сторонам с завистью и делать то, что ему хочется...»

— Несчастный человек. Он может все это иметь, но при этом будет плохо спать и мучиться на работе...

— Вы хорошо спите и, просыпаясь утром, сломя голову радостно мчитесь на работу?

— Иногда и во сне я встречаюсь с бюрократической системой и проигрываю различные варианты ее обхода.

— Так это вы несчастный человек: не отдыхаете от работы даже во сне.

— Действительно, на отдых у меня остается гораздо меньше времени, чем у нормального человека.

— Вы ненормальный?

— В какой-то степени. Мне действительно интересно так жить и работать, несмотря на то, что многое, мною созданное, уже разрушено Системой.

— Вы не видите результатов труда?

— Часто не вижу.

— И клянетесь, что это приносит вам удовлетворение?

— Мне интересен ПРОЦЕСС созидания, то есть творчества. А не результат.

— Разумно ли вы тратите силы?

— Нет, потому что наша жизнь неразумна, нелогична и ненормальна. Я вынужден совершать неразумные поступки, попусту тратить время и биться головой о стену.

— Вы мазохист?

— Наверное. Но я не хочу жить иначе.

— Не лучше ли уехать в разумную систему?

— Убежден, что, эмигрировав, нашел бы свое место и быстро сделал бизнес. Правда, 95 процентов получивших кредиты эмигрантов ничего не добиваются. Но остальные пять процентов приносят столько прибыли, что покрывают расходы на неудачников. Я бы попал в эти пять процентов.

— Так в чем же дело?

— Там бизнесменом быть неинтересно, по крайней мере мне. Это все равно, что альпинисту предложить продемонстрировать свое мастерство на Ленинских горах, да еще разрешить ему пользоваться эскалатором. На Западе для бизнесменов отработана система, нет идиотизма, который надо преодолевать... Скучно.

— Не ожидала, что у вас такая советская психология. Ведь только выведенный в нашей стране человек способен получать удовольствие от битья головой о стену.

— О, нет. Отвоевывать жизненное пространство у Системы не только интересно, но и полезно.

— Не полезнее ли было стать министром?

— Мне пришлось бы думать обо всем человечестве. Министр в понимании нашего государства — человек, мыслящий категорией «народ». А я работаю для близких, для людей, конкретно пользующихся результатами.

— Но ведь их стало бы больше, если бы вы стали министром.

— Людей бы стало больше, результатов бы не было никаких.

— Иными словами, и без помощи государства вы создаете себе условия, при которых в Советской стране можно жить не по-советски?

— Скажем, в ненормальной стране жить нормально. Я сам себе хозяин. Раньше, работая в государственной системе, я считал за счастье уехать в командировку, пойти в кино или заболеть и продлить себе больничный на несколько дней. Лишь бы не появляться в конторе. Я ехал отвозить документы и отсиживался в кафе или парке Горького. Сегодня меня никто не контролирует. Я могу месяцами не ходить на работу, но как проклятый вкалываю по 24 часа в сутки, и мне это нравится.

— А деньги тратить вам нравится?

— Нет. Ни тратить, ни копить. Я вообще к деньгам равнодушен. Не только к советским, но и к тем самым...

— Все в дело пускаете?

— Да. Мои личные траты — это крючки, лески, спиннинги. Больше ничего не привожу себе из-за границы.

— Вы заядлый рыболов?

— Я заядлый коллекционер рыболовных снастей. Я люблю их рассматривать и мечтать, как поеду на рыбалку.

— Часто рыбачите?

— Нет. Когда хочется отдохнуть, вспоминаю, какую рыбину и где я поймал. Свободное время у меня есть только в зарубежных командировках. И вместо экскурсий по городу или посещения музеев — ловлю рыбу. Последний раз ловил в Темзе.

— Большой улов?

— Никакого. А вот в Потомак-реке в Вашингтоне выудил сома. В Сан-Диего в Тихом океане — макрель. Даже в Марокко умудрился поймать две рыбины, которые съел с министром торговли США Назбареком. Он единственный согласился откушать это блюдо.

— Почему?

— Потому что остальные живут в мире, в котором я не хотел бы жить. Там не едят рыбу, пойманную с борта корабля, а едят лишь приготовленную в ресторане, причем предпочитают лососину.

— Какую роль в вашей жизни играют женщины?

— От них мне всегда сильно доставалось. Для меня женщины связаны с тяжелейшими моральными потрясениями и духовными переживаниями. Поэтому сейчас я один. У меня есть сынишка Филипп, ему полтора года, и я никак не могу смириться с тем, что он живет отдельно — с матерью. Он даже не знает, что я его папа. Больше у меня никого нет. Ни родственников, ни родителей.

— Вы говорили, что работаете для близких, теперь выяснилось, что у вас никого нет.

— Близкие — те, кто окружает меня на работе. Это и есть моя семья. Я могу позволить себе закрыть фирму на месяц, раздать валюту и отправить всех вместе отдыхать в Грецию. А ваш главный редактор не может себе этого позволить. Так что вообще-то я счастливый человек и стараюсь окружающих сделать счастливыми.

— Что для вас значит «идеальная женщина» и бывают ли женщины идеальными?

— Для меня идеальная женщина — та, которая, находясь рядом со мной, не показывает своих страданий. Мой образ жизни доставляет любой женщине массу огорчений.

— У вас тяжелый характер?

— Нет. Мягкий, терпеливый, спокойный, уживчивый...

— Идеальный?

— Выходит, так.

— Когда вы слышите выражение «красота спасет мир», о чем думаете?

— О смысле слова «красота». Я живу красиво. У меня красивая работа. У меня красивые идеи, которые мы пытаемся красиво претворить в жизнь. Я занимаюсь насильственной приватизацией государственных предприятий, открытием частных фирм, развиваю свой капитал за границей, хотя закона еще нет. Красиво?

— Но ведь еще действует 88-я статья. Вдруг посадят? Тоже красиво?

— Я ничего не украл. Так что на моем примере люди узнают предел возможностей и предел доверия к стране.

— Страшно?

— Бывает очень страшно, но морально я готов.

— К камере, к одиночке?

— Лучше лагерь. Я бы организовал там рабочие бригады, повысил бы производительность труда и внедрил бы ряд рацпредложений.

— Что для вас самое страшное?

— Потерять, что имею: работу, идеи, возможность их воплощать. Сына. Больше у меня ничего нет. Смерть не кажется мне страшной — она далеко.

— Как вы поддерживаете себя в форме? Какой у вас распорядок дня?

— Если бы вы разговаривали с западным бизнесменом, он посмотрел бы на часы и сказал: «Извините, у меня теннис. Продолжим через пару часов». Здоровье и спорт входят в их способ существования. Этим они отличаются от нас. У меня же все время уходит на преодоление препятствий, борьбу с бюрократией и запретами, на изучение идиотских постановлений, законов и инструкций, которые нам постоянно спускает правительство. Так что я не в форме. И день — беспорядочный.

— А кто вам гладит, стирает?

— Кто придется. Мои рубашки висят по разным домам. И референтка моя стирает. И теща приятеля. И уборщица наша. Если ваша редакция захочет мне помочь, я сдам несколько рубашек.

— У вас есть свой парикмахер?

— Это издевательство. Хотя раньше у меня была отличная шевелюра. А сейчас я привез себе из Америки специальную электронную машинку для стрижки самого себя. Ей задаешь нужную длину волоса, проводишь по голове — и... все.

— Дорого стоит?

— 80 долларов. По курсу — 1600 рублей.

— Я знаю, что раньше вы писали рассказы, повести и даже романы и сценарии. А сегодня?

— Сегодня и не найду, наверное, ни одной рукописи... А ведь рассказы мои хотел читать с эстрады Юрский. Он их показывал Высоцкому. Тому тоже понравились. Так что, хотя и все в прошлом, прошлое — славное.

— А почему забросили?

— Я же писал, сидя в вагоне метро, когда ехал на работу и обратно.

— Такое в вашей жизни тоже было?

— Конечно. Я же работал в государственной конторе до прихода в кооперацию... Еще писал в различных приемных, чтобы время скоротать. За день страниц 10 получалось. А сегодня в метро не езжу и в любые кабинеты вхожу, не ожидая приглашения.

— Машину давно купили?

— В 1987 году.

— И сразу «мерседес»?

— «Мерседеса» до сих пор нет. У меня «девятка». А все «мерседесы» — их у нас 32 (больше, чем в посольстве ФРГ) — принадлежат фирме. Мы их сдаем в прокат иностранцам.

— Чувствуете себя победителем?

— Нет. Враг, с которым я борюсь, еще не побежден. Думаю, что в ближайшее время мне не удастся его одолеть.

— Что за враг?

— Монополия государства. А еще — советская психология рабства.

— Вам удалось изжить ее в себе?

— Да. Я абсолютно свободен. Но... Знаете, иногда я чувствую себя червяком в огромном яблоке. Яблоко в конечном итоге — гнилое. Но с точки зрения червяка — я свободен. Копаюсь, рою ходы... И знаю, что рано или поздно это яблоко все-таки упадет.

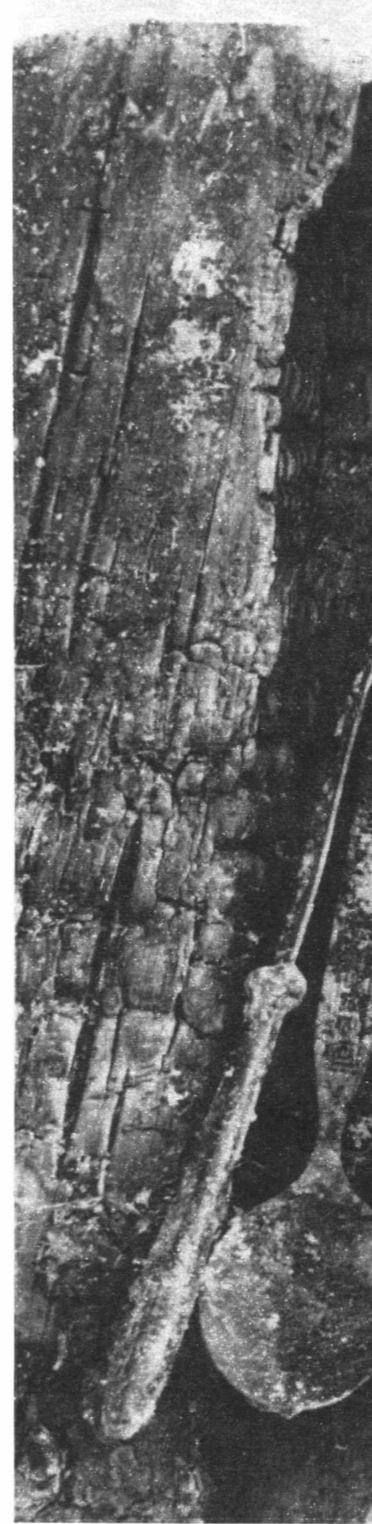
— Тогда зачем все?

— Повторяю: чтобы и в ненормальной стране жить нормально.

Спрашивала
Настя НИТОЧКИНА.

О несчастье Шмитовых в редакции узнали из письма, присланного ленинградской Ассоциацией христианского милосердия «Согласие».

«Ночью злые люди подожгли дом и хозяйство пожилых крестьян. Заранее, чтобы не успели вызвать пожарную команду, чьей-то злой рукой был перерезан телефонный кабель,— **с болью сообщала Наталья Дьяченко.** ***— Слава Богу, сосед разбудил хозяев и внука — иначе бы они сгорели заживо...»***

СОЖГЛИ

Кто они, Шмитовы? Александре Павловне и Владимиру Васильевичу уже за шестьдесят. Отработали свое на алюминиевом заводе. Не сидеть же теперь, решили, сложа руки, силой и здоровьем Бог пока не обидел. Настоящую ферму создали, благо здесь, на самой окраине Волхова, это возможно. И покосы рядом, и хозяйство подсобное крепкое. Куры, поросята, поначалу двух коровенок завели, трактор купили. Мясо, молоко (а стадо стало почти как настоящее — 15 голов крупного рогатого скота) Шмитовы сдавали государству, да и соседи-горожане радовались парному молочку. При нынешних-то пустых прилавках... Известно, крестьянский труд от зорьки до зорьки. Прославилось хозяйство Шмитовых, в газете «Волховские огни» написали, что заняло оно второе место по Ленинградской области. Был обещан даже подарок...

И вдруг пожар. Страшные слова — пепелище, погорельцы... Вместо дома, где 45 лет прожито, головешки... У Александры Павловны до сих пор перед глазами обгоревшие телята, мечущиеся в огне коровы — их успели спасти, поросятки же, глупенькие ее, так и сгорели... Хоть в петлю, отчаявшись, думала.

Чья рука чиркнула спичкой? За что? Теперь уж точно известно, был поджог, накануне пылала еще одна ферма. *«Знаем, что от местных властей в горе этом безграничном помощи нет,* — пишут нам. — *Наши верующие откликнулись сразу, выслали первую подмогу — триста рублей».*

...Спустя полгода картина, которую запечатлел наш фотокорреспондент на окраине Волхова, была лишь чуть радостнее.

Сгорело за ночь. А вот подыматься новому дому Шмитовых предстоит долго, ох как долго. И дай им Бог здоровья, надежды и веры.

Дай Бог!

А мы, люди?..

Зоя ЗОЛОТОВА,
корреспондент отдела
морали и писем

Испокон веков погорельцам помогали всем миром. Хозяйство Шмитовых сожгли, но адрес остался. Сообщаем его: 187400, Ленинградская область, Волхов-4, улица Береговая, 19.

Фото специального корреспондента «Огонька» Сергея ПЕТРУХИНА

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Василий СЕЛЮНИН

ГОРИЗОНТАЛЬ ПРОТИВ ВЕРТИКАЛИ

В 1987 году страна произвела рекордное количество сахара — по 48 килограммов на душу населения. Как раз в тот год были введены талоны на сахар. В прошлом году выращен наивысший за всю историю урожай зерновых, и впервые за долгие десятилетия возникли перебои с хлебом, пришлось закупить за рубежом свыше 30 миллионов тонн зерна. Два эти факта — убийственная, я считаю, рецензия на распределительную систему: продукции в достатке, но она не попадает к тем, кто в ней нуждается, в нужное время. И не стоит утешаться, что явление это временное, вызвано оно общим кризисом экономики. Ведь задолго до кризиса мы опережали всех по выплавке металла, добыче топлива, а добра этого постоянно не хватало.

Кризис только четче проявил генетические пороки системы хозяйственных связей. Одно за другим останавливаются важнейшие производства — не из чего выпускать продукцию, подводят поставщики. Нас уверяют: ослабла исполнительская дисциплина, произошла натурализация связей (желаешь получить от меня картошку — гони древесину, хочешь шило — давай мыло).

Так, да не так. Строго говоря, директивные связи у нас всегда были натуральными. Центр планировал производство в натуре — в штуках, тоннах, метрах. Просто так, за деньги, товары производственного назначения практически не продавали. С распадом управления этот порядок всего лишь демократизирован: сами товаропроизводители, не ожидая разрешения центра, договариваются о натуральных обменах, а потом оформляют сделку в деньгах, которые вследствие обесценения значат еще меньше, чем прежде. В принципе все как раньше, только без участия центра. Поэтому в нынешней критике натурализации связей отчетливо чувствуется тоска по тотальному планированию, ностальгия по дележке той же натуры, но непременно центром, а не самовольно.

Однако что тут может центр? В сентябре Президент издал указ, обязывающий сохранить предписанные хозяйственные связи на четвертый квартал 1990 года и на весь 1991 год. Кто ослушается — с того громадный штраф, могут и к прокурору потянуть. 14 декабря Горбачев подписал указ об исполнении предыдущего указа. Уважительно говоря о себе в третьем лице и титулуясь с большой буквы, он тем не менее признает: «Указ Президента СССР от 27 сентября 1990 года... выполняется крайне неудовлетворительно». Конечно, если есть под рукой бумага, отчего бы и не поупражняться в законотворчестве. Но ведь тем часом республики одна за другой принимают решения: пусть предприятия выполнят сперва заказы своего региона, а если что-то останется, можно отдать и на сторону. Так что же, войско посылать на места за подшипниками, сахаром, фотоаппаратами?

Незавидная доля у нас, экономистов-рыночников. Еще со времен той, косыгинской, реформы, то есть четверть века долдоним мы, что товары надо пускать в свободную продажу. Кажется, всех убедили: не работает командно-распределительная система и работать не способна. Нет, на дворе кол, на колу мочало, начинай сказку сначала. Оказывается, это она у них, безруких, не работала, у Брежнева, у Черненко, а вот Горбачев прикажет — еще послужит. Тут не логика, не здравый смысл, тут интересы правят. Мы по привычке представляем себе административную систему как некую абстракцию: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Да нет же, системе этой можно было заглянуть в глаза, потрогать ее руками, перемолвиться с нею, когда она недавно собралась в лице директоров госпредприятий, руководителей концернов, министерства на совещание в Кремле. Хозяева жизни, они поставили Горбачеву ультиматум: обеспечь директивные поставки, а не можешь — такой президент нам ни к чему, найдем себе второго Андропова. Как обеспечить — это не наши заботы. На четвертом Съезде народных депутатов всерьез голосовался гулаговский вариант: «При незаключении договоров руководителей освобождать от занимаемой должности и привлекать к уголовной ответственности». «За» было подано 384 голоса, 261 законодатель воздержался. Предложение не прошло лишь потому, что оно ударило бы по самим директорам, а они на расправу жидки, они любят, когда карают кого-то другого. Пусть Президент хоть с собаками ищет виновных, хоть с войском наводит порядок. А того уговаривать долго не пришлось. Верный социалистическому выбору, он тут же пролонгировал казарменные контакты и контракты. Правда, и либералов утешил: «...стремление восстановить хозяйственные связи — не попытка наступить на горло экономически свободному развитию контактов. Мы к этой свободе придем. Но нельзя же, право, сегодня...»

Тем самым Президент принял решение стратегического свойства — восстановить командную систему, причем в условиях, когда она наименее дееспособна за всю свою мрачную историю. Между тем альтернатива ей существует. Жизнь ставит проблемы, жизнь находит и решения. В согласии с духом времени установление хозяйственных связей перемещается с уровня центра на межреспубликанский уровень. Сейчас вот подмосковные текстильные фабрики простаивают — из Средней Азии не везут хлопок. Раньше, чем посылать туда прокурора, попробуем понять поставщиков. В последние годы мне не раз доводилось там бывать и выслушивать горькие попреки: вы превратили наш край в хлопковую колонию, у нас отравлена природа, высох Арал, наши детишки сызмальства гнут спину на хлопковых полях, и в награду за все — нищенское житье. Все правда. Только ведь и россияне могли бы возразить: мы поставляем вам нефть по 23 «деревянных» рубля за тонну, а на мировом рынке она стоит больше полутораста долларов.

Давайте строить отношения иначе. Россия не может принять на себя ответственность за ваши беды, как Узбекистан не отвечает за участь сибирских нефтяников, которые живут навряд ли лучше хлопкоробов. Берите себе хоть полную государственную самостоятельность, выращивайте ваш хлопок без ущерба для своего народа. Можете продавать волокно в Европу, можете его вообще не производить, хозяин — барин. Но горючее-то вам нужно или нет? Что, «Москвичи» и «Жигули» больше не требуются? А хлеб? А древесина? Мы же не просим за свой товар дороже, чем заморские купцы. Так давайте торговать, приноравливаясь к мировым ценам. Суверенитет торговле не помеха.

Это уже мужской разговор. Тут нет места для взаимной подозрительности, национальной неприязни, склок, столь присущих приказным хозяйственным связям, излишни и беспомощные президентские указы. Смело можно предположить, что нормальные договоренности станут устанавливаться буквально немедленно. Ведь как только Россия прекратит поставку того же горючего за символическую плату, в приемной премьера И. Силаева образуется очередь: посланцы из других республик наперебой будут предлагать свои товары. В свой черед гонцы из республик, где развита текстильная промышленность, выстроятся в затылок к производителям хлопка.

И отнюдь не обязательно, чтобы о каждой сделке договаривалось ташкентское руководство с минским, киевский центр — с таллиннским. Когда речь заходит о выгоде, не станет товаропроизводитель присягать своему правительству: мол, сырье куплю обязательно у россиянина, готовый продукт поставлю своему брату россиянину. Купит, где дешевле, продаст, где дороже. Что вы хотите, закон рынка! Надо только не нагородить таможенных барьеров, а нынешние запреты на вывоз из регионов сами рухнут.

Хочешь жить — умей вертеться. Упомянутые директора казенных предприятий знали, чего требовали от Президента. Худо ли им: протянул руку — вот тебе план производства, протянул другую — получи ресурсы под план. Сорвано производство? Не беда, директор отвечает только перед вышестоящим начальством, достаточно выдвинуть убедительные объяснения. При рыночных же связях сразу будет видно, кто есть кто. Одни директора станут до морковкина заговенья плакаться в жилетку премьеру: январь на дворе, а договоров и на полгода не заключено. Другие погонят своих коммерсантов рыскать по стране, землю носом рыть в поисках выгодных заказов. Нашли — теперь позаботьтесь, из чего делать продукцию, из-под земли добудьте надежных поставщиков. Вернулись с пустыми руками — давайте закрывать производство и разбегаться, но допреж того объясните коллективу, глаза в глаза, как мы дошли до жизни такой, что работников выбрасываем на улицу. Может, тогда в начальство кого порасторопнее наймут. В этой модели (на экономическом жаргоне она называется оптовой торговлей средствами производства) взаимодействие товаропроизводителей определяется не чиновниками центра, а в низах, стараниями миллионов пробивных людей. В итоге возникает общее экономическое пространство на территории бывшего Союза.

Сказанное не есть досужие фантазии или отдаленная перспектива. Послушаем знающих и авторитетных практиков, отнюдь не экстремистов. Премьер Украины В. Фокин, размышляя о распаде хозяйства, высказался так: «Единственным эффективным средством против этой болезни, по моему глубокому убеждению, является установление и развитие всесторонних горизонтальных связей между республиками. Мы не сразу пошли на это. По привычке мы долго ждали указаний из центра и, только почувствовав холодок приближающейся катастрофы, были вынуждены броситься в объятия друг к другу. За последние две недели Украина подписала 12 соглашений с союзными республиками, в которых отрегулированы практически все спорные вопросы, открыт путь к заключению договоров между предприятиями.

А что же правительство? Центр вначале растерянно бездействовал, затем спохватился, почувствовал себя не у дел при формировании материальных и сырьевых ресурсов, распределением которых монопольно занимался до сих пор. Последовали окрики, прессинг, обвинения в развале страны. Мы категорически отвергаем эти наветы...»

О том же глава правительства Белоруссии В. Кебич: «...С переходом на рыночные отношения республикам было рекомендовано развивать горизонтальные связи. Дело это непростое, но Белоруссия одной из первых восприняла предложенную линию как объективную необходимость. Был начат поиск приемлемого механизма, установлен прямой контакт с рядом республик. И тут появляется указ Президента о том, что надо сохранить ранее существовавшие хозяйственные связи... Откуда такая непоследовательность? Ведь жизнь подобных перепадов не прощает. Речь идет об экономике, а по сути, о судьбе страны, ее народов. Поэтому нельзя сегодня больше рассчитывать только на центр. Тем более что подобная постановка вопроса серьезно ущемляет суверенитет республик, от которого ни одна из них уже больше не откажется».

В том же духе многократно высказывались президент Казахстана и, уж конечно, первые руководители России. Экономика не всесильна. Когда толпы с выпученными глазами прут стенка на стенку — узбеки на киргизов, молдаване на русских или наоборот,— мало кто услышит призыв к торговле. Общий рынок может лишь создать предпосылки для мира и согласия между народами, которые строят сегодня суверенные

Статья вторая. Первая — см. «Огонек» № 6.

государства. Кто торгует, тот не воюет. Начав с хозяйственных связей, республики уже приступили к политическим договоренностям. Возникает нечто вроде альянса президентов России, Украины, Казахстана и Белоруссии — собственный союз суверенных государственных образований. Судя по некоторым выступлениям президента Узбекистана И. Каримова, он подумывает о присоединении к «малой Антанте».

Эти замечательные экономические и политические процессы как раз и блокирует Президент страны указами о хозяйственных связях: кто позволил? Кто главнее — Горбачев или Ельцин? Всяк сверчок знай свой шесток. Не о сохранении общего экономического пространства хлопочет Президент со своей командой. Все проще: в этом пространстве для центра в его нынешнем виде нету места. А поскольку предписанные из Кремля директивные связи опять не сработают, действия центра снова и снова играют дестабилизирующую роль, ведут к хозяйственной катастрофе и политическому хаосу. Президент свой выбор сделал. Очередь за республиками.

ВАЛЮТНАЯ ВОЙНА

С начала семидесятых годов потребности страны в товарном зерне примерно наполовину покрываются за счет зарубежных закупок. Все еще помнят достаток импортного ширпотреба в торговле. Лучшие наши предприятия оснащены заграничным оборудованием. Чем же платили и платим? Половину валютной выручки дают два товара — нефть и газ. Невольно усомнишься: благом ли для нас стало открытие сибирских месторождений топлива? Не будь этого коварного дара, четверть века назад в стране ввели бы хлебные карточки и всякие талончики. Вполне вероятно, жизнь заставила бы начать экономические реформы еще в ту пору.

На то смахивает, что история проделывает ныне похожий виток. Реформаторы имеют возможность затягивать перестройку хозяйства в расчете на альтернативную еду из-за рубежа. А тем часом вывоз наших товаров падает. Как загнанный олень жаждет воды, так Президент наш мечется по свету в поисках валюты — других резервов для оздоровления потребительского рынка у него нет. Сколько кредитов он успел нахватать, исчерпывающе объясняют чиновники Внешэкономбанка: «Эти сведения относятся к категории сверхсекретных». Тут вспоминается эпизод из времен гражданской войны. Реввоенсовет республики объявил выговор цензуре, когда та сняла сообщение о сдаче противнику Перми. В приказе объяснено: цензура учреждена для того, чтобы охранять от врага военную и государственную тайну, но враг не может не знать, что он взял Пермь. Обратимся и мы за информацией к недругам. К январю внешний долг СССР превысил 60 миллиардов долларов, причем основная часть этой суммы, по западной терминологии,— долг Горбачева.

Теперь Президент просит новых кредитов: «...речь идет о весьма скромных цифрах: мы говорим о 10—20 миллиардах рублей...» Возможно, для кого-то это и мелочь, да не для нас, грешных. Экспорт нефти (основного нашего товара) сократился со 144 миллионов тонн в 1988 году до 60 миллионов в 1991-м. Выручки в обратимой валюте ныне едва хватит на обслуживание прежних долгов. А в проект нынешнего бюджета заложено поступление кредитов в размере 25 миллиардов в долларовом исчислении.

80 процентов валютной выручки страна получает от продажи российских товаров (энергоносителей, древесины, золота, платины, алмазов и т. п.). Под эти ресурсы взяты и новые кредиты. Нам, россиянам, надоело расплачиваться за безрукость и авантюры центра, тем более что правительство республики узнает о распродаже недр из зарубежных газет. 8 июня Российская Федерация, объявив суверенитет, декларировала свои неотъемлемые права на недра. Так же поступили и другие республики. Впрямую отменить это решение центр не мог — времена не те. В проект Союзного договора пришлось записать: «Республики являются собственниками земли, ее недр и других природных ресурсов на своей территории...». Вроде бы четко? Ничего не четко. Судя по действиям центра, он понимает дело так: пусть ресурсы считаются вашими, но распродавать их будем мы, выручкой распорядимся тоже мы. Как в песне, популярной в незаконопослушных кругах: «Деньги ваши будут наши».

Это сразу не поглянулось республикам. 31 октября Российский парламент принимает Закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР». Здесь объявлены недействительными сделки по продаже ресурсов и получению кредитов, заключенные после июньской Декларации о суверенитете,— Россия за них ответственности не несет. 2 ноября Президент отпарировал на этот демарш Указом об особом валютном режиме: в бюджеты России обещано что-то около 6 процентов выручки за ее же товары. Следом председатель Госснаба СССР П. Мостовой приказал таможням не выпускать за рубеж российские товары, если республика вывозит их от себя.

Словом, идет настоящая валютная война. И тут все средства хороши. Мой совет республиканским руководителям: не разевайте варежку на переговорах с центром, не то вас надуют.

А про западных партнеров надобно сказать особо. Недавно меня пригласили прочитать лекцию в Амстердамском университете и заодно встретиться с деловыми людьми — с банкирами, экономистами, крупными торговцами. Как умел, объяснил им: западные кредиты только продлевают агонию империи; учтите, долги вы будете получать с господина Горбачева, но ведь когда подойдет срок расплаты, вы станете в энциклопедиях справляться, кто это такой. Россия платить не намерена, и вы не посмеете сказать, что такой поворот для вас неожидан — читайте в газетах российский Закон от 31 октября. Реакция слушателей была однозначной: будем помогать Горбачеву, что бы ты ни говорил. Ладно, деньги ваши, поступайте, как знаете. Мое дело предупредить и тем самым по возможности уберечь от опустошения казну будущей суверенной России.

Из Голландии мы летели вместе со Станиславом Шаталиным, в ту пору членом Президентского совета. Как выяснилось, он договорился о кредите в миллиард гульденов. Кто же, спрашиваю, будет возвращать? «Это вопрос»,— только и мог ответить академик.

Впрочем, вернемся к валютным делам и посчитаем немножко. Худобедно, за российские товары в прошлом году выручено миллиардов семьдесят в пересчете на доллары. В разных странах я списывал в блокнот цены и смело могу сказать: купленное оптом за доллар легко можно продать в розницу за 10 «деревянных» рублей. Значит, если из годовой валютной выручки мы пустим на зарубежные закупки только десятую часть, в торговлю поступит дополнительно на 70 миллиардов всякого добра. Этого достаточно для нормализации потребительского рынка в республике — ведь какую-то прибавку товарооборота даст еще и собственное производство. Тогда Россия спасена.

ПРОВОДИТСЯ В ЖИЗНЬ РЕШЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СВОЙСТВА ВОССТАНОВИТЬ КОМАНДНУЮ СИСТЕМУ, ПРИЧЕМ В УСЛОВИЯХ, КОГДА ОНА НАИМЕНЕЕ ДЕЕСПОСОБНА ЗА ВСЮ СВОЮ МРАЧНУЮ ИСТОРИЮ. МЕЖДУ ТЕМ АЛЬТЕРНАТИВА ЕЙ СУЩЕСТВУЕТ. ЖИЗНЬ СТАВИТ ПРОБЛЕМЫ, ЖИЗНЬ НАХОДИТ И РЕШЕНИЯ. В СОГЛАСИИ С ДУХОМ ВРЕМЕНИ УСТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ С УРОВНЯ ЦЕНТРА НА МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИЙ УРОВЕНЬ.

Пожалуй, даже не обязательно безмерно увеличивать импорт товаров. Зачастую население расхватывает их, чтобы не пропали сбережения в условиях инфляции. Так давайте используем такой ажиотаж. Как? Это я подглядел в Польше. Вводим свободную продажу и покупку долларов. Устанавливаем завышенный, можно сказать, грабительский курс: скажем, 10 рублей за доллар. При теперешней среднемесячной зарплате 210 рублей чистыми валютный ее эквивалент — всего 21 доллар. Цифра смехотворная — на Западе на такие деньги дня не проживешь, хотя бы и при нашем уровне потребления. Но в обстановке инфляции население воспримет этот обменный курс как гарантию сбережений: доллар всегда доллар. Во внутреннем обращении пусть ходят только наши деньги. Желаешь что-то купить — обменяй доллары на российские рубли, не веришь в устойчивость рубля — храни сбережения в долларах. Успех будет зависеть от стабильности обменного курса: червонец за доллар и сегодня, и через год. Доверие к правительству России пока достаточно для того, чтобы ввести такую внутреннюю конвертируемость собственного рубля.

Конечно, на всю жизнь не напасешься заграничных товаров и долларов. Но нам и не надо навечно. При насыщенном рынке и связанных сбережениях Россия относительно безболезненно проведет рыночные реформы, а там и своя экономика станет работать на человека. Прошу заметить, что при таком маневре Россия защищает свои интересы не за счет других республик. Недавно Белоруссия обратилась за кредитами к Италии, рассчитывая погасить их своими товарами. Парламент Узбекистана постановил отчислять Союзу не более четверти своей валютной выручки.Тенденция к валютной самостоятельности неодолима, все равно, осуждаем мы ее или одобряем.

Осталась сущая мелочь: выиграть валютную войну у центра. Конфликт между президентскими указами и республиканскими законами может занять годы. Такого запаса времени у нас нет. Есть, однако, простой способ выиграть кампанию. Я изложил его в ноябре на Учредительном съезде движения «Демократическая Россия», где присутствовало больше двух тысяч делегатов из всех регионов республики. По моим наблюдениям, многочисленные мелкие партии, участвовавшие в съезде, поодиночке серьезной угрозы для всевластия КПСС не представляют, а слить их в одну немыслимо, да и не нужно. Практичнее всего им объединяться во временные блоки ради конкретных дел. Предположим, такой блок сформирован в Тюменской области. В контакте с рабочими комитетами он ставит центру ультиматум: с такого-то числа выручка от экспорта нефти и газа должна поступать в российскую казну, а нет, так перекроем заслонки. Вокруг такой акции нетрудно будет сплотить не только оппозицию, а всех россиян, от кондового аппаратчика до безоглядного радикала, путь к оздоровлению экономики будет открыт.

Тем самым мы как бы походя решаем еще одну задачу — упреждаем распад самой Великороссии, обеспечиваем согласие между ее народами. Прошлым летом по приглашению нефтяников я побывал в Нижневартовске — отговаривал их от забастовки. Конфликт там был крутой. Четверть века страна живет сибирской нефтью, на долю же добытчиков, на долю коренного населения досталась испохабленная природа, отвратительное жилье, пустые магазины. Забастовочные комитеты потребовали от союзного правительства права продавать за рубеж от себя три процента добытой нефти. Союзная команда и того не позволила — просто купили заморского мяса, заткнули людям рты.

Мы бы рассудили не так. Господь знал, что делал, когда клал нефть именно в тюменскую землю. Но, с другой стороны, местные оленеводы и пахари своими силами не освоили бы этот дар, так что давайте торговаться. Возможно, поладили бы на таком раскладе: 30 процентов дохода как в валюте, так и в рублях — ваши, остальное принадлежит России в целом. За счет своей доли стройте дома, школы, больницы, развивайте культуру, сохраняйте в добром здравии среду обитания. Вы часть Российской Федерации, и, обустраивая свой край, вы возрождаете и общую нашу республику. Так же станем налаживать отношения с Татарстаном, Якутией, с любым регионом, не обязательно национальным. Из общего пая Россия отстегнет толику на нужды Союза, пока он существует, если и другие суверенные республики внесут свой вклад. Не откажем и в помощи соседям, только напрямую, а не через центр — ему доверия нет, .он, чего доброго, вбухает дары в перестройку тайной полиции, в спецназы и прочие институты своей власти. Была нужда финансировать сотворение ярма на свою шею.

В противостоянии центру интересы республик опять совпадают. Однако общей кассы на все про все больше не будет. А значит, предстоит менять и порядок наполнения касс, то есть систему налогов.

ФИНАНСОВАЯ ВОЙНА

По проекту союзного бюджета расходы на оборону в нынешнем году составят 63,9 миллиарда рублей, а с учетом обесценения денег, как сообщил тогдашний министр финансов В. Павлов,— 98,6 миллиарда. Из сопоставления этих цифр видно: запланированная на год инфляция — свыше 54 процентов. В жизни она, возможно, будет и значительнее, но чтобы в план ее заложили на таком уровне? Что-то тут не так. Ведь по другим расходным статьям бюджета не запроектирована столь быстрая инфляция. Быть может, в оборонном комплексе она пойдет с другой скоростью, чем во всем народном хозяйстве? Пожалуй, только в пользу этого комплекса. Выделенные ему деньги у нас всегда лучше обеспечивались ресурсами, нежели в других отраслях, «военный» рубль по традиции весомее рубля «штатского». Скорее всего под предлогом инфляции уже в проекте бюджета предусмотрен рост оборонных расходов.

Но проект учитывает не все траты. Члены плановой и бюджетной комиссии Совета Союза справедливо приплюсовали сюда скрытые статьи и получили уточненную цифру оборонных расходов — 132 миллиарда. Весь союзный бюджет запроектирован в размере около 270 миллиардов. Стало быть, половина бюджета уйдет на оборону, что несколько превышает предельно допустимую величину даже в военные времена.

Однако и это еще не окончательные данные. В прошлом году мы, группа советских экономистов, вместе с американскими коллегами провели в Вашингтоне научную конференцию — сравнили по укрупненным показателям американскую экономику с нашей. Среди прочего сличили и военные расходы. С Америкой все ясно — там данные публикуются с расшифровкой по статьям. С нашими тратами полный мрак. Их не знают даже профессиональные разведчики. (Это не шутка. Исследователи из ЦРУ, участвовавшие во встрече, допускали поразительные ошибки в оценках советской экономики.) Применив изощренные способы счета и основываясь исключительно на открытой информации, крупнейшие специалисты сошлись на цифре советских военных расходов — 200 миллиардов рублей. Эту же сумму независимо от них огласили в печати академики Ю. Рыжов и Г. Арбатов. Значит, почти каждый третий рубль национального дохода страны уходит на оборону, что исключает какое-либо оздоровление экономики,— армия съест ее с потрохами.

А маршалам, черным полковникам, военно-промышленному комплексу все мало. Они слышать не хотят о разоружении. На наших глазах они выгнали лучшего в советской истории министра иностранных дел в конечном счете именно за договоренности о взаимном сокращении вооружения и армий. В сущности, сам Президент стал их заложником. И это тот случай, когда его стоит вызволять, если, конечно, тут имеет место пленение, а не добровольная сдача в полон.

Демилитаризировать экономику, умерить аппетиты военно-промышленного Молоха посредством парламентских голосований — безнадежная затея. Силы слишком неравны. Но если реальная власть перемещается из центра в республики, то логично через республики же решать и эту проблему. По теперешним законам действует так называемая двухканальная система налогов: примерно половина их прямиком поступает в союзный бюджет, другая половина — в республиканские и местные бюджеты. Следовательно, в важнейшем вопросе республики полусуверенны. Ведь суверенитет предполагает простую вещь: доходы целиком принадлежат республикам, и только по договоренности между собою они скидываются на общие нужды.

31 октября Российский парламент принял Закон «О формировании бюджетов в РСФСР в 1991 году». Отныне все предприятия на территории России, независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности, обязаны платить налоги не в союзный, а в республиканский и местные бюджеты. То же правило распространяется и на граждан. В ту пору это решение мало кто принял всерьез. Бомба взорвалась в конце декабря, когда Россия утвердила собственный бюджет и выделила на союзные нужды только 23,4 миллиарда рублей, или на 119 миллиардов меньше, чем в 1990 году. Все мы видели, какой скандал вспыхнул, когда эта весть обсуждалась на Съезде народных депутатов. Деятели центра были в шоке. Привыкшие делить и распределять пироги по своему усмотрению, они впервые поняли, что делить-то особенно нечего, что центру нанесен удар прямо-таки поддых.

Растерянный Президент начал выдвигать жалкие, не идущие к делу возражения. Вроде такого: чем теперь платить учителям, врачам, пенсионерам? Да ведь республики и будут платить из своих доходов, при чем тут центр? Мы услышали далее нечто новенькое про налог с оборота: мол, если он останется в республиках, сырьевые регионы будут ущемлены. Тут нужны пояснения. Налог с оборота есть надбавка к цене на потребительские и только на потребительские товары. Этот косвенный налог взимается при продаже. Иначе говоря, абсолютно безразлично, где, в какой республике продукт произведен,— важно, где он продан. Когда налог поступает в местные бюджеты, сырьевые республики были бы ущемлены лишь в том случае, если через их торговлю проходит меньше потребительских товаров в расчете на душу. Но мы-то знаем, что, к примеру, в текстильном краю население покупает не больше, чем в центрах тяжелой промышленности. Скорее наоборот, ведь в сырьевых и базовых отраслях зарплата повыше. В действительности наибольший налог с оборота образуется в сильно пьющих республиках, в частности в России, поскольку на спиртное он установлен по максимуму. Однако — перераспределять из центра этот горький доход в пользу менее пьющих регионов? Не будут ли получатели наживаться на чужой беде?

Ладно, возражения Президента могли бы быть и поосновательнее, дело не в этом. Можно поторговаться и о конкретных суммах, выделяемых в союзный бюджет. Суть вопроса в том, кто будет определять взносы на общие нужды — центр или сами республики. Второй вариант явно предпочтительнее. Допустим, Россия выделит на оборону 20 миллиардов, пусть остальные республики соберут столько же. Тогда хозяевам военно-промышленного комплекса бесполезно станет трясти Президента страны — вот общая сумма, больше у него нету. Мало? Идите просить у республик. Военный переворот в центре не поможет, вам придется свергнуть пятнадцать президентов и разогнать пятнадцать парламентов, что технически затруднительно.

Величину предположительных военных расходов (40 миллиардов) я назвал, исходя из общеэкономических соображений — это максимум, что может позволить себе страна в теперешнем состоянии. На деле траты будут меньше. Нападать на нас желающих не видно. По слову живого нашего классика, поглядел бы на эту страну Батый, он бы ее и завоевывать не стал. Но по крайней мере в одном качестве армия нам необходима. Мы ядерная держава, и ни одну ночь не уснешь спокойно, если ракетно-ядерные силы будут растащены по республикам. Собрать их в России? Однако, во-первых, на кой ляд они нам, во-вторых, что это будет за сообщество, где одна республика обладает ужасной убойной силой, а другие — нет. Убежден: сегодня все республики охотно согласились бы поставить это оружие под общий контроль. Хорошо оплачиваемые профессионалы имели бы одну задачу: не подпускать к ракетам народных умельцев, которые соединят какие-то проводки да и запузырят в белый свет как в копеечку. Можно помечтать еще о совместных силах быстрого реагирования — в случае региональных конфликтов с согласия враждующих сторон такое войско разнимало бы драчунов. А это опять расходы. Общую сумму их определят сами участники договора, но не военно-промышленный комплекс.

ПО ПРОЕКТУ СОЮЗНОГО БЮДЖЕТА РАСХОДЫ НА ОБОРОНУ В НЫНЕШНЕМ ГОДУ СОСТАВЯТ 63,9 МИЛЛИАРДА РУБЛЕЙ, А С УЧЕТОМ ОБЕСЦЕНЕНИЯ ДЕНЕГ, КАК СООБЩИЛ ТОГДАШНИЙ МИНИСТР ФИНАНСОВ В. ПАВЛОВ,— 98,6 МИЛЛИАРДА. ИЗ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЭТИХ ЦИФР ВИДНО: ЗАПЛАНИРОВАННАЯ НА ГОД ИНФЛЯЦИЯ — СВЫШЕ 54 ПРОЦЕНТОВ. В ЖИЗНИ ОНА, ВОЗМОЖНО, БУДЕТ ЗНАЧИТЕЛЬНЕЕ.

При одноканальной системе налогов сразу же обнаруживаются подступы к оздоровлению финансов в целом. Центр довел финансы до катастрофы: дефицит всех бюджетов страны равен всему союзному бюджету. Чтобы прикрыть этот срам, союзное правительство реквизирует теперь у предприятий фонды экономического стимулирования, по второму разу вводит налоги на покупки (наряду с налогом с оборота), короче, обдирает как липку товаропроизводителей и граждан. А в итоге год начался — бюджет не сверстан, чего не наблюдалось даже в годы военного коммунизма. Так отдайте финансы республикам, отдайте добром, пока не поздно, пусть те сами стыкуют расходы с доходами. Подарок не такой уж завидный. В расчете на бездонную союзную казну местные деятели успели наголосовать и в Верховном Совете СССР, и в республиканских парламентах неподъемные расходы, особенно на социальные нужды. Пусть теперь выкручиваются, вперед наука. Пусть сами принимают непопулярные решения и несут за них ответственность. Только при одноканальной системе налогов и национальных валютах в принципе возможно укротить беспардонную эмиссию. Накачка денежного обращения пустыми бумажками республике ничего не даст: немедленно будет падать их цена при обмене на другие валюты, и в конце концов партнеры вообще перестанут их покупать. Мало проку от них и во внутреннем обороте.

ВОЙНА БАНКОВ

При таком раскладе республиканские банки станут эмиссионными, а нынешний Госбанк Союза потеряет право выпускать в обращение какие-либо деньги. Однако у банков есть еще одна функция: аккумулировать и использовать денежные резервы. В рыночной экономике государство напрямую финансирует из бюджета лишь бесприбыльные дела — просвещение, оборону, частично медицину, выплату пенсий и т.п. Производители же товаров и услуг кормят себя сами и сверх того платят налоги в бюджеты. Но, допустим, вы хотите в одиночку или компанией создать собственное предприятие, а денег у вас нет. Придется брать в долг. Где? На сей случай давно изобретены коммерческие банки. Учредители их объединяют свои свободные деньги (образуют уставной капитал), затем привлекают вкладчиков, выплачивая им процент с каждого рубля, и ссужают денежки клиентам под больший процент. Разница между платой за вклады и платой за кредит — доход банка (маржа).

В сущности, вся рыночная экономика держится на коммерческом кредите. Финансирование товаропроизводителей из бюджета — редчайшее исключение. Вместе с тем даже в странах классического рынка государство управляет кредитами, а значит, и развитием экономики. Коммерческие банки обязаны там бесплатно сдать часть своего капитала на хранение в государственный резерв (в Америке он называется Федеральной резервной системой). Из этого резерва центральный банк дает свои платные кредиты, но никоим образом не предприятиям и не частным лицам — только коммерческим банкам. Намерено государство стимулировать в стране деловую активность — снижает плату за кредит из резерва, и тогда коммерческие банки имеют возможность одалживать деньги товаропроизводителям под меньший процент. Экономика перегрета, рубль (доллар, фунт, марка) начинает обесцениваться — плату за кредит из резерва поднимают. Впрочем, это лишь грубая схема, в действительности игра тоньше, но смысл резерва, полагаю, ясен.

Подобная двухуровневая система (резервная система — коммерческие банки) запроектирована в союзной программе перехода к рынку. Однако если реформы пойдут через республики, новинка будет нежизненной. На уровне нынешнего Союза достаточно иметь межреспубликанский банк для финансирования общих программ, а функции резервной системы переместятся в центральные банки республик. Вкупе с одноканальной системой налогов эта мера обеспечит суверенным республикам финансовую самостоятельность.

Союзное правительство костьми ложится, чтобы не допустить такого развития событий. Оно привыкло рассматривать банки как продолжение своего аппарата: распределяет кредиты, устанавливает за них плату, списывает долги. Тогда кредитные деньги мало чем отличаются от бюджетных, купли-продажи денег как не было, так и нет, а следовательно, и рыночные реформы остановлены. Не смирившись с этим, Россия объявила о создании независимого Центрального банка РСФСР с перспективой превращения его в собственную резервную систему. Центр не признал конкурента и правопреемника.

Началась натуральная банковская война. Даже письма в новое учреждение адресуются так: «Республиканскому банку РСФСР Госбанка СССР». Россияне возвращают нераспечатанными конверты с припиской: «Такого банка не знаем». Ситуация патовая — создание резервной системы в республике заблокировано, однако и сам центр никого не может соблазнить прелестями общей кассы. В ответ Россия национализирует все банки на своей территории с прицелом преобразовать их в коммерческие. Союзные структуры действуют по правилу «погибаю, но не сдаюсь». Первыми всполошились могучие монополисты вроде Промстройбанка, который концентрирует у себя 55 процентов кредитных ресурсов страны. Но самый сильный удар по коммерческому кредитованию нанес Президент своим Указом от 25 октября о сбербанках. Цель вроде бы благая: поднять плату за хранение денег в сберкассах и тем защитить наши сбережения от инфляции. А что на деле?

Кто бывал в развитых странах, тот, несомненно, заметил: там банки чуть не на каждой улице. Между ними жесткая конкуренция. Можно сказать, идет охота за денежками вкладчиков. Если я плачу за хранение денег мало, клиент отнесет их к соседу. А заплачу дорого — сумею ли продать деньги заемщикам с выгодой для себя? Да надо еще навести справки о заемщике — вдруг не вернет, прохиндей. Сколько же лет нам понадобится, чтобы создать подобную инфраструктуру? А нисколько, она у нас есть — разветвленная, четко действующая система сберегательных банков. Их довольно просто преобразовать в коммерческие

Окончание на стр. 31.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Ведет рубрику Владимир ПОТРЕСОВ

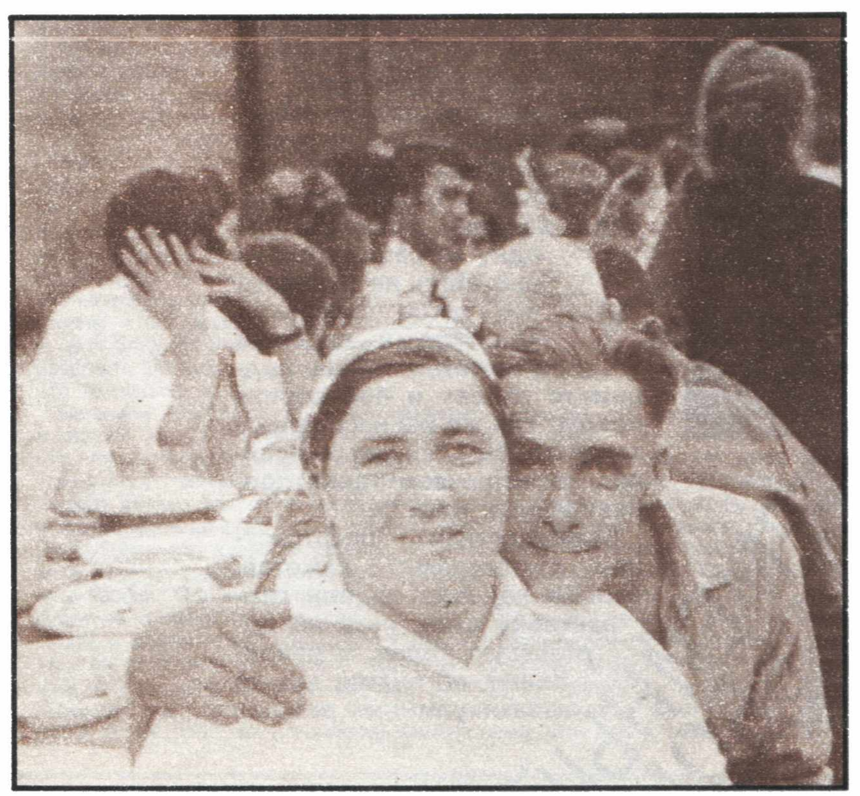
Так вот незаметно годы те стали историей. Недалекой, но историей...

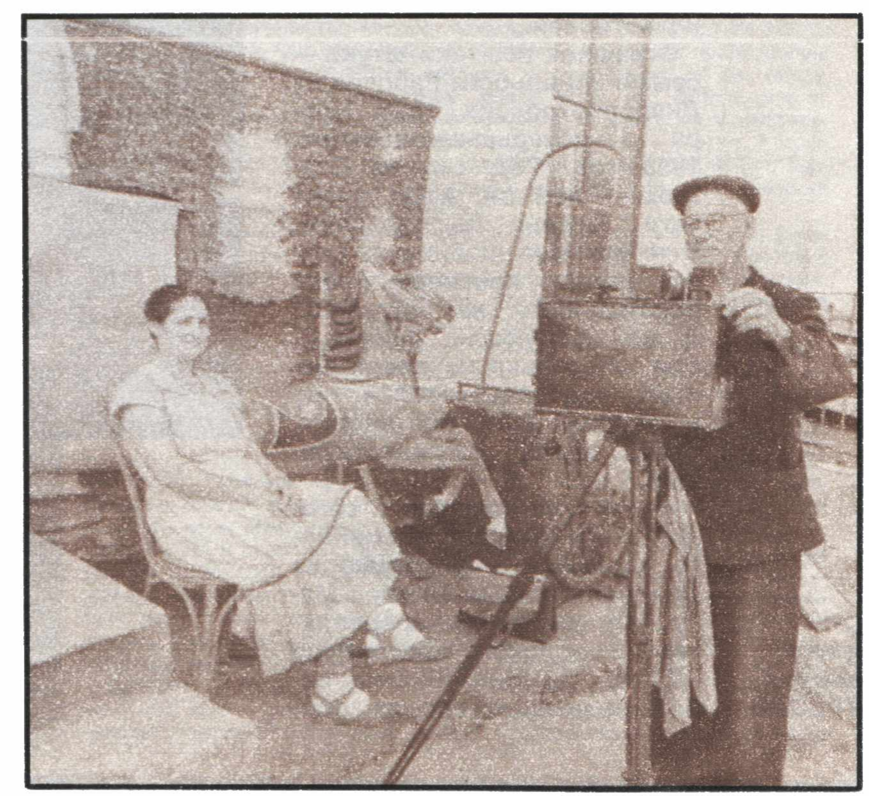
Страшная все-таки штука — семейный альбом. Рабочая из Днепропетровска тетя Клара с дочерью-школьницей. 1953 год. Год смерти Сталина — вон он, из-за виска тети Клары выглядывает. В те времена любили из цветов разные красивые слова выкладывать на клумбах... А на следующем снимке — они же, только на дворе шестой год перестройки, ну и задник этой постановки, стало быть, соответствующий.

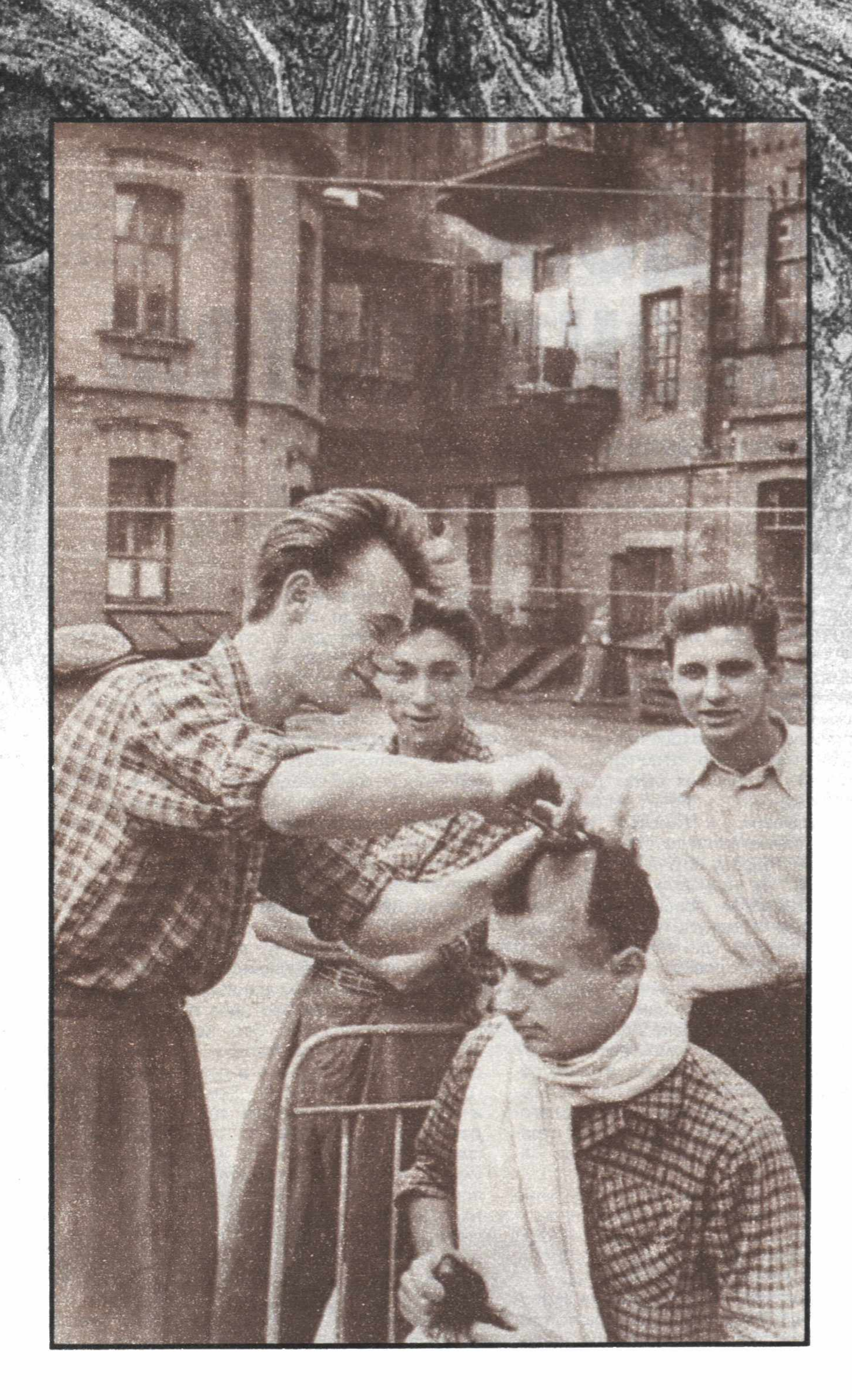
Автор фотографий сегодняшнего выпуска «Семейного альбома» — фотограф из Днепропетровска Марлен Матус. Он любитель, председатель городского фотоклуба «Днепр», выставлял свои работы в разных городах страны, учит кинофотоискусству ребятишек.

Коллекция фотографий М. Матуса из серии «Страницы старого альбома», которую мы публикуем, относится в основном к пятидесятым годам. Прошу вас, вглядитесь в глаза этих людей, недавно переживших одну из самых страшных войн, не знающих, что такое отдельная квартира и садовый участок, а теперь поднимите голову и посмотрите вокруг: где же мы насосались такой злобы? Почему мы сейчас не встречаем таких просветленных лиц?

Безжалостная, бесстрастная фотография: кажется, совсем недавно надели гимнастерку отца, чуть не достающую колен, с майорскими погонами, как-то затянули ремень,

сверху — фуражку, и дядя-фотограф — тогда он казался дядей — щелкнул затвором. Так и остались: тонкая шейка в стойке-воротничке, серьезная улыбка, когда сказали: «Улыбнись!», лихо вскинутая к фуражке правая рука и левая, тревожно сжимающая подол,— не часто, видно, приходилось фотографироваться.

Конечно, сейчас многое из того, прежнего, выглядит наивно. Вот уличный фотограф с самодельным деревянным ящиком-аппаратом и его нехитрая «завлекательная» атрибутика, тележка на велосипедных колесах для реквизита, на ступенях — рамочка с образцами... А вот «военная» семья на фоне коленопреклоненного воина — казалось бы, классический снимок того времени, однако в правом углу — руки в карманы — парнишка в кепке рядом с гипсовой вазой, а это уже рассказ, пойманный автором снимка сюжет.

Возможно, упрекнут меня читатели за отсутствие вкуса, но, ей-Богу, нравится мне эта «Палатка» с резным подзором, связками бубликов в окне, с рядом бутылок с чередующимися этикетками. И компания хороша. Тот, лопоухий, справа, весь там, среди взрослых, но ему не наливают: мал еще. А этот, в шляпе, только что вышел из калитки, над которой «Держфото № 4», смотрит вроде бы осуждающе, но, помоему, очень хочет присоединиться...

Приходится слышать: удачный снимок получился. Да нет же, фотографию делает мастер, будь он любитель или профессионал. Тогда она и живет, и рассказывает о времени, и доносит мельчайшие детали ушедших лет.

О ПЛЕМЕНИ МЛАДОМ И НЕЗНАКОМОМ

ОПЫТ СИСТЕМНОЙ ЭПИТАФИИ ВЗРОСЛОМУ МИРУ

Если положа руку на сердце отвечать: что создала, а не порушила перестройка? — то, помимо гласности с демократизацией, назовем: новую молодежь. Мальчики-девочки какого-нибудь 1964 года рождения еще успели вскочить в брежневский поезд, с ужасом глядя, как за ними зажигаются стопари семафоров и опускаются шлагбаумы, и укатить по перестроечным рельсам. Но младшие не кинулись вслед.

Они разбили бивак по ту сторону шлагбаумов, расцветив города «ирокезами» панков, затанцевав на рок-концертах прямо в залах, сбившись в банды городских окраин, заиграв в подземных переходах несовершеннолетними скрипочками, выбросив флаги всех цветов над своим разношерстным Стебалово — Разгуляево. Не только многодетные матери или участковые милиционеры — все взрослые, не знавшие в молодости ни свободы, ни воли, напряженно замерли, наблюдая за парадом всех этих металлистов, хайрастов, рокеров, люберов, пацифистов, бог знает кого. Естественно было предположить, что такое быстрое самоосознание молодых вызовет волну, даже шторм, который, с учетом русской традиции и пространств, превзойдет и парижскую «студенческую революцию» 1968 года с ее баррикадами, подожженными автобусами, ранеными и убитыми.

Ждали зря. Волна, поднявшаяся с началом перестройки, вместо шторма принесла штиль. Где теперь буйные газетные обсуждения неформалов? Где теперь все эти драные, в сувенирах-«фенечках», с чаем без сахара хиппующие «системщики»? Где шипованные «металлисты», истеричные «фаны», сексуал-, черт их возьми, революционерки в юбках-трусиках? Любая партия зовет молодых бунтарей, но где хоть у Полозкова, хоть у Травкина молодые партийцы? «Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли?» — как пел Гребенщиков.

Волны исчезли, хотя море осталось. Но когда успокоившиеся взрослые пытаются сегодня найти с молодыми общий язык, нырнуть в глубину, вдруг неизменно оказывается, что море покрыто стеклом. Вежливо улыбаясь или издевательски скаля зубы, молодые не допускают в свой мир взрослых. И то, что в прошлом году лишь 12 процентов молодых людей сказали, что их отношение к перестройке улучшилось (опрос «Общественное мнение», Ленинград), тому одно из доказательств. Но и этим двенадцати процентам вряд ли можно верить, потому что при опросах наши тинейджеры в огромном числе случаев уклоняются от ответов, а отвечая, несут откровенно глумливую ахинею. Поэтому, даже добыв из-под стекла стакан воды, мы вряд ли что сможем сказать о ее составе и пропорциях. Можем лишь кое-что предположить о тенденциях. Почему они отгородились от нас? Что происходит там, внутри? И не опасно ли их молчание?

ПРИВАТИЗМ. ВОРОБУШКИ, КОТОРЫЕ НЕ ЧИРИКАЮТ

С незапамятных времен на Пушкинской площади в Москве или на Невском, у Гостиного Двора, можно было встретить группки небрежно фланирующих, прекрасно одетых молодых людей, неуловимо отличающихся от прочей публики. Манеры их были уверенны, стрижки безупречны, и речь английскими фразами пересыпана. А главное, во всем этом сквозило такое наплевательство к простому советскому образу жизни, что становилось не по себе. Их невозможно было представить принимающими повышенные обязательства, сдающими макулатуру или Ленинский зачет — словом, делающими то, что Солженицын называл словом «чирикать». Конечно, воробушек, отказывавшийся чирикать в стае, при нашей жизни был заметен не хуже белой вороны, и потому только два слоя могли позволить себе такое: «мажоры» и «хайлайфисты». Первые жили фарцой, вторые потрошили выездных родителей, и обе категории одинаково отгораживались личным благополучием от поступательного движения страны к коммунизму, находя вкус в жизни частной, приватной.

И ровесники, и взрослые вслух заученно ругали «золотых мальчиков» («мещанство», «вещизм», «бездуховность»), но втайне нередко завидовали, понимая, что медь и золото — материалы все же разного достоинства.

Когда Горбачев чуть отпустил вожжи экономики и ослабил узду идеологии, всеобщая тяга к частной, приватной жизни из скрытой сделалась явной. Мальчик из ПТУ, подрабатывающий изготовлением кооперативных вафель, мог получить в месяц под тысячу — больше оклада министра, больше двухгодичной стипендии! Молодые нувориши растворили в своей массе вчерашних пижонов, заняли такси, сауны, столики ресторанов и кафе — это мы наблюдаем и по сей день. А те, что не смогли устроиться так удачно, по крайней мере перестали играть в комсомол, предпочитая просто посидеть компанией, послушать музыку — без претензий и философии. «Ласковый май» убедительнее школьного учителя, потому что помогает красиво переживать жизненные драмы, а учитель врет, потому что боится дать объяснение происходящему в стране. Приватизм — это, в общем, не более чем надежный замок в двери, и они дорвались до права запираться на ключ.

Тяга к приватизму стала иначе лепить и половую жизнь подростков. Ее раннее начало (14—15 лет в большом городе) и раньше не было новостью, хотя и передавались детали в соседское ушко, минуя прессу. Нынешней же молодежью секс воспринимается не как запретный, с горчинкой наказания, плод, а как нормальное яблоко, которое почему бы и не сорвать, раз созрело. Это, конечно, кажется диковатым даже нестарому поколению тридцатилетних, которые и в постели нет-нет да поругивали Политбюро. Прибавьте к этому и бо́льшую откровенность сексуального поведения молодых да ранних: ведь девчонки без смущения забирались на колени мальчишек уже в то время, когда коммунист еще мог поплатиться карьерой за официальный развод. Девственность не значит ровным счетом ничего. Именно это пугает взрослых, и, боясь не столько половых проблем, сколько их обсуждения, они нередко поднимают знамена антиразвратного газавата — не понимая, что авторитет взрослого мира разрушился вместе с официальными взрослыми идеалами. Да и с чем бороться? По нашим наблюдениям, девочки легкого поведения сегодня осуждаются сверстниками еще больше, чем раньше; слово «любовь» имеет огромный вес, а старшеклассники называют своих девушек «женами» с гордостью.

Александр ФАЙН,
психолог

Дмитрий ГУБИН,
собственный корреспондент «Огонька»

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

Бедные мы, взрослые. Все спорим о политике и экономике и ведать не ведаем, что подростки всего Союза читают под партами опубликованную журналом «Ровесник» книгу американской звезды Ди Снайдера «Кодекс выживания подростка», причем лидер группы «Твистед Систер» — это, кажется, сегодня единственный взрослый в СССР, ничем не поучающий, а просто как бы треплющийся о том и о сем. Ну и дающий попутно необходимую информацию о способах контрацепции и проблемах абортов, о детском онанизме и подростковом гомосексуализме. (Наивно, конечно, мечтать, что «Кодекс выживания...» умная голова переиздаст на правах школьного учебника...)

У нас все боятся не того, чего бояться следует. Да, не желающих чирикать, в меру эгоистичных подростков не слишком заботит, что кто-то живет лучше. И, может быть, именно из сегодняшних приватов и будет сформирован будущий средний класс, устойчивый балласт, не дающий раскачаться государственному кораблю.

Если, конечно, они перебраться на корабль захотят.

ЭКСТРЕМИЗМ. МАЛЬЧИКИ С БОМБОЧКАМИ

Да, мы все боимся не того, чего нужно, и ищем там, где светлей. Пугающий взрослых приватизм — род молодежной партии, целое движение сегодня. Хорошо жить мальчику, вставшему под его привлекательные знамена. А как быть заведомым аутсайдерам, мальчикам и девочкам из ПТУ с пьющими отцами и бьющими отчимами? Что чувствует ребенок, у которого дома всегда избыток выпить, но недостаток поесть, как приспосабливаются к нашей чертовой жизни его невршики, уловившие из всех идей в счастливом детстве элементарное: все богатые — воры и сволочи, а все бедные — гегемоны?.. Так формируется колоссальная подростковая армия, вырывающаяся сегодня на свободу в ярой жажде реванша и социального самоутверждения.

Эта армия провела разведку боем все с той же середины восьмидесятых. Узнавали об этом непоследовательно и глухо. В восемьдесят шестом ленинградский журналист Андрей Цеханович возвратился из Казани с сенсацией, собравшей вокруг него коллег. «Представьте,— так примерно говорил Андрей,— что там среди бела дня останавливаются на площади... э-э-э... два автобуса, выпрыгивают казанские пацаны лет, э-э-э... пятнадцати и стреляют друг в друга. И убивают, э-э-э, друг друга, и никто не удивляется». Рассказ о диких драках, о детях-бомбовиках попахивал больше Голливудом, чем правдой. Феномен Казани казался дитятей-уродом в ряду «нормальных» дворовых потасовок, а не звоночком о росшем, росшем и выросшем внутри общества насилии.

Это сейчас о ней — больше символе, чем городе — знают все. На Казань — 64 молодежные группировки, 17 отнесены к «откровенно агрессивным и особо жестоким» — каково? Мы перелистали подшивки провинциальной российской прессы — не менее чем в 30 городах глубинки ныне действует сеть молодежных группировок, банд и полубанд, в которые, если верить специалистам, входит до 20 процентов школьников и до 50 процентов учащихся ПТУ. А как не верить, когда вот они, перед глазами — люберецкие подвалы для «качания»; ивановские многосотенные драки по танцсадам (один граничит со зданием УВД — в нем дерутся чаще всего), воркутинские кровавые «разборки» за право ходить по району... О, городские экстремисты сегодня — это уже отнюдь не рыцари девиза: «Гони, пацан, двадцать копеек». Они все чаще объединяются в полублатные-полувоенные структуры, способные в любой момент с четочков драк обрасти ягодками массовых бесчинств, что и доказали кровавые события в южных республиках.

Цветение и колошение молодежного экстремизма не случайно пришлось на перестройку. Она удобрила его, поскольку убила страх, вязавший прежнее общество, но не дала новых идей, способных соединить его вновь. Расплывчатые «демокра-плюра-гласность» привлекли и утешили образованную публику зрелых возрастов, давно уже соорудившую из своих кухонь корабль «Последняя иллюзия», но наивно было махать этим знаменем перед юными волчатами, жаждущими романтики, и боя, и риска. И не мог же шагнуть в этот темный лес румяноликий братец-комсомол? Тут бы еще была перспектива для каких-нибудь скаутов, но каких же скаутов можно было провести в начале перестройки сквозь пограничное ушко соцплюрализма? Ку-ку, Супермен, Батмен, Зеро! Вспомните: тогда мы, взрослые (это менторствует тот соавтор, который старше), со страхом поняли, что нашим словам никто не верит. В ответ на прежние слова молодежь пустила «пулю» про Павлика Матросова — «пионера, закрывшего амбразуру телом родного отца», а новых слов не было.

И вот тогда в ужасе от хулы и ерничества взрослые стали втихаря поощрять тех молодых, что встали на страже «идеалов», пусть и сжимая кулаки. Знаменитые «любера» — только одно идейное экстремистское образование из длинного списка коммунистических «красных бригад», или, по сленгу, «рембригад», бригад «ремонтников», взявшихся отремонтировать мозги своим безыдейным сверстникам. Взрослые у власти, чуть морщась, стали мирволить и «гопникам», и «отрядам активных действий», и «фурагам», а тем более «большевикам» и «ленинцам», оравшим: «Бей врагов Советской власти». Последняя группа, объединявшая «ремонтеров» одного ленинградского ПТУ, силовым, так сказать, путем заставляла инакомыслящих разучивать Гимн СССР, давая непокорным по шее (чем выгодно все же отличалась от настоящих большевиков, прибегавших к товарищу маузеру)*.

Юные ревнители идеалов били панков, «металлистов» — всех, кто не вписывался в идею. Года четыре назад в Пскове «пожилой» хиппи с женой-«металлисткой» сколотили не то чтобы лагерь хиппующих, но что-то вроде коммуны. И тут же возникшая идейная группа, назвавшая себя на англизированный манер «Queen», при деятельном науськивании местных властей принялась травить коммунаров как выскочек и буржуя, пока окончательно не заставила тех убраться из города.

По мере перестройки и разрушения основ идейный экстремизм, даже поощряемый, сошел на нет — но джинн экстремизма вылез из бутылки. Банды оказались живучи. Столкновения между ними и близко не напоминают кулачные бои времен купца Калашникова — в них если и ждать появления «калашникова», то автомата. Это драки, в которых нет ни правил, ни кодекса чести. Вот пригоршня примеров.

В Новосибирске несколько лет как воюют студентки пединститута, живущие в общежитии, и местные «девочки». «Девочки» из новосибирских веселеньких микрорайончиков, сбиваясь в кодлы, совершают на пришлых налеты. В декабре 1988 года это вылилось (цитируем «Вечерний Новосибирск») в «массовые беспорядки» с участием сотен человек, что в застойные годы было непредставимо. Как непредставимы были нападения групп подростков на милицию. Тот же год, сентябрь, Нефтекамск: двести парней разгромили милицейские машины, избили милиционера — разгоняли пожарными машинами. Июль — в крохотном Моршанске толпа молодежи погромила райотдел милиции, один подросток убит в перестрелке... Подсыпать примеров еще? Мода последних полутора лет: практикуемые молодежными бандами из Поволжья короткие набеги на Москву и Ленинград — шастают на день-два «пощекотать» своих богато (по сравнению с ними) выглядящих одногодков. Режут, избивают, могут все это проделать в толпе, в метро — впрочем, об этом уже писалось, в том числе и в «Огоньке».

По прикидкам некоторых исследователей, до миллиарда рублей проходит сегодня через руки подростков в результате групповых грабежей, и глупо думать, что эти деньги тратятся лишь на коммерческую водку и 20-рублевые «Мальборо». Глумливое «грабь награ-

*** Любопытно, что в пику «красным» ленинцам хайлайфные «приваты» ответили образованием «ильички». Они там ходили в кепочках, костюмах-троечках и все без исключения картавили: «Эволюция п'олета'иата сове'шилась — а тепей дискотека!» Мол, отвалите и не мешайте жить...**

бленное» — все, что осталось от «идейного» экстремизма, но и это хорошо прикрывает действия советской Коза Ностра, давно прибравшей молодежь к своим рукам. А рост преступности из года в год показывает, что наши «крестные отцы» свою перестройку провели более удачно, чем мы — свою.

ПАССИВИЗМ. ВЫПАВШИЕ ИЗ ГНЕЗДА

Мы вынуждены вновь, рискуя набить оскомину, просить читателя вспомнить минувшие дни. Что поделаешь, такой, видимо, период мы переживаем, когда обращение к памяти — основное лекарство, и не потому, что лучшее, а потому, что других нет.

Так вот, в те глухие годы, когда журналисты через конфликт в производственной бригаде намекали на развал в промышленности, многие газеты вдруг заговорили о так называемых «немотивированных» преступлениях. Писали о подростках, загоняющих насмерть лошадей, о пэтэушниках, идущих на немыслимые зверства без всякого на то повода, не ради никакого самоутверждения — им это было «по фигу». Журналисты спрашивали: «Да как у вас рука поднялась?» Малолетние преступники тупо отвечали: «А чо?»

Не стихло и ныне. Перелистаем хотя бы ленинградскую «Вечерку». Три пэтэушника (вежливые, предупредительные, нормальные — из характеристик) грабанули 60 квартир, подсобок, детских садов, загребая черт-те что, любую дрянь: подшлемники, носки и майки б/у, книгу «Острая печеночная недостаточность». Другой ленинградский подросток, Костя И., убил сверстника в скверике возле «Леннаучфильма»: случай бы не попал в газету, если бы годом ранее возле той же киностудии Костя не спас из полыньи малыша. А знаменитые угоны лошадей? «Уральский рабочий», недавнее лето: подростки привязывали лошадей к рельсам, чтобы посмотреть, как будут отрываться у них головы — ну как детсадовцы, кладущие родительский будильник под молоток.

Гигантская цифра подростковой преступности включает немало тех, кому просто все «по фигу». Эти пофигисты совершают преступления за компанию с той же легкостью, с какой могут их не совершать, если компании не находится. И если «приваты» отлично знают, что такое преступление, и потому стараются его не совершать, а «экстремисты» по тем же самым причинам — совершать, то эти молодые люди даже не задумываются, преступление это или нет. И даже не задумываются, что по этому поводу можно задуматься. Имя им дадим пассивиты.

Пассивизм — сон при жизни и целая тенденция в сегодняшнем молодежном море. Пассивизм не опишешь через внешние приметы: как процесс он скорее отсутствие всякого процесса. Пассивиты — подростки из вечной категории «лохов», не могущие «въехать», «врубиться» в самые простые вещи и потому вечно обреченные на роль люмпенизированного арьергарда. Ну, посмотреть «телек», ну под вечер погулять лениво в компании таких же «нормальных» ребят — таков выраженный через вековечное нашенское «ну» образ жизни маленьких сомнамбулят. Не случайно при Брежневе заметить пассивизм как явление было невозможно: мертвые в мертвом царстве не бросались в глаза. Выраженьице «трудный подросток» прикрыло всех: и юных профессионалов-воров, и бунтовщиков-неформалов, и наших лохов. Андрей Малахов из нашумевшей повести Валерия Аграновского «Остановите Малахова!» — в сущности, просто несчастный лох. Никто не думал, что это струя! Марионетки все же двигались: «как все» играли в «морской бой» на последних партах плохо проветренных классов; ковыряли жирными ложками мерзейшие котлеты; подымали рваненькими кедами пыль на дворовой спортплощадке. Часто мимикрировали под положительного героя, прилежного комсомольца.

Перестройка разорила гнездо школы — семьи — комсомола, и «пассивиты» кувырком полетели вниз. Бедные ребята, они не смогли, как «приваты», залезть в дупло комфортного приспособления и не смогли, как «экстремисты», усесться на ветке с грозным карканьем. Они выпали в никуда, их несет ветром, от которого они зябко ежатся, прикрывая глаза, втягивают голову в плечи — ходячие трупики, голы, заметны ныне всем. Вот и социологи подсчитали, что около 60 процентов учащихся ПТУ не читают совсем, а круг чтения оставшихся 40 процентов — «дюдики», фантастика и «про войну». И учителя в бессилии говорят, что если раньше на два класса один человек мог равновероятно пойти в школу и в кино, выучить и не выучить урок, то теперь таких — два, три, пять человек на класс!

О великий советский народ! Пассивизм — зеркало, которое хорошо отражает нас. Не умеющие и не желающие работать, хнычущие, тихо недовольные, что кто-то есть, кто лучше ест,— песок, сыпучий балласт в трюме. Но он может превратиться в страшный груз в дни политической качки. Ведь кровавые события в южных республиках, Закавказье и Средней Азии вряд ли опирались на массу экстремистов, которые лишь входили в них, как в арбуз — косточки. Основу составляла мякоть местных лохов. С ними говорить? Бесполезно: это представители доисторического сознания, дикарята. Экстремизм среди них мгновенно обрастал мясом толпы, потому что брошенная идея кровной, религиозной или национальной мести стреляла и будила местных лохов... Детсадовцы после раскуроченного будильника добрались до автомата.

ВЫХОД. НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Подытоживая наше наблюдение за молодежным морем, отлитым в стакан статьи, мы не можем не сделать крайне тревожных для взрослого мира выводов. Море давно уже превратилось в такой отечественный Солярис, который даст по рукам, а то и оторвет их каждому, кто в него бездумно сунется. Это первый относящийся к технике безопасности вывод. Мы молодежи не нужны, и нечего тешить себя иллюзиями, что она без нас сгинет и не туда попадет — это мы без нее пропадем. Она же плевать хотела и на перестройку, и на всю политику, и на взрослых, которым на нее отнюдь не наплевать,— и это можно считать вторым выводом. Третье: ничьим идейным влиянием этого не объяснить, ибо от любых идей молодежь шарахается, доверяя не им, а личному опыту. Следовательно, четвертое: во всем происшедшем виноваты мы, взрослые. Виноваты хотя бы в том, что в начально-романтический период перестройки именно взрослые учинили дикий разгром всех проявлений молодежной независимости. Именно тогда разгоняли школьников-демонстрантов, тогда закрывали ленинградский «Сайгон», тогда громили рок-музыку, американскую символику, хиппи и кришнаитов, подравнивая, подрезая, укорачивая,— что же теперь удивляться, отчего на нас плюют?

Мы между тем не честнее, не умнее и не храбрее идущих на смену поколений, а учитывая печальный перестроечный опыт — и не опытнее. Эти вислопузые, мало зарабатывающие, бесконечно обсуждающие Ельцина — Горбачева — Полозкова мужчины; эти злобнолицые, требующие повышения зарплат, неряшливо одетые и по любому поводу кричащие женщины, что составляют в глазах младших взрослую массу, не имеют никакого кредита доверия. Им — учить? Им — воспитывать? Им — оценивать?

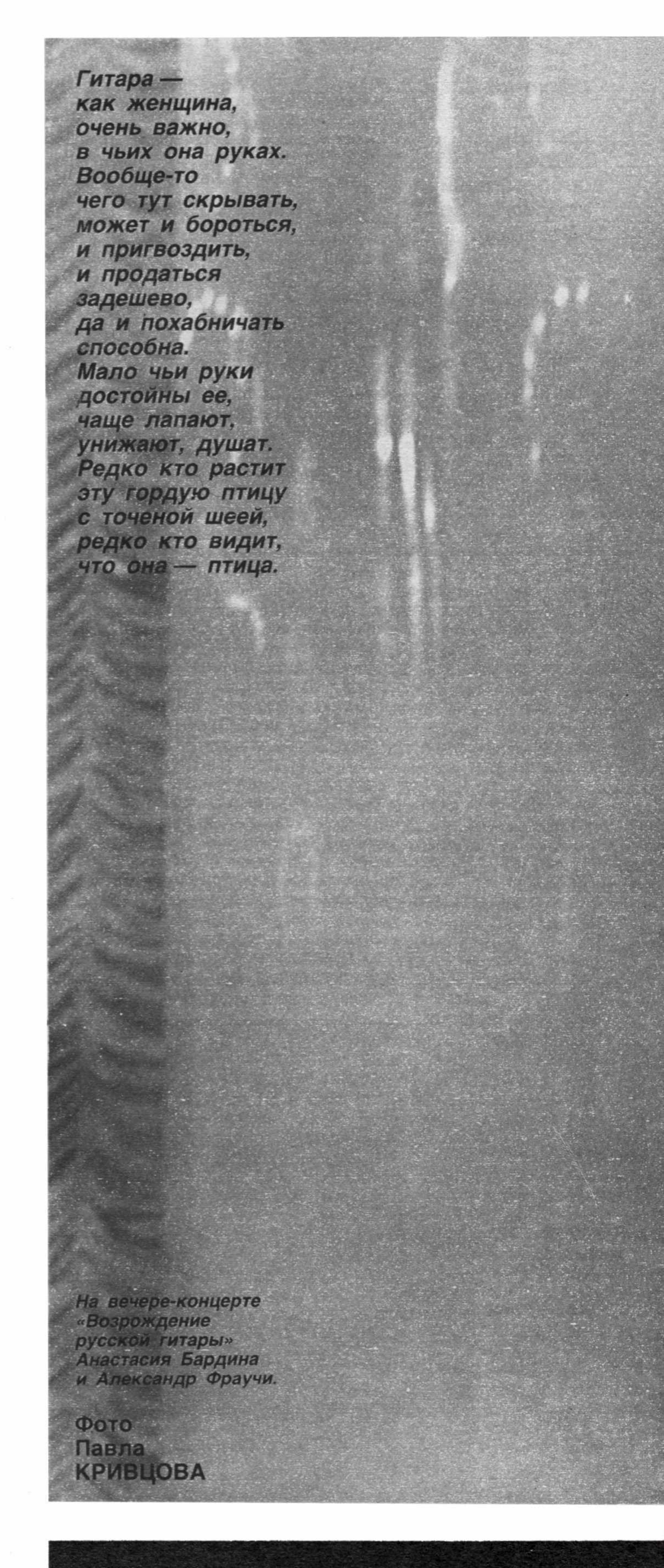
Требовать от подростка носить стрижку определенной длины, петь песни определенной мелодии и жить и учиться по-ленински у взрослых нет больше прав.

Воспитывать молодежь взрослые не могут тоже. Они могут предложить условия для совместного дела, которые должны быть не хуже тех, что предлагаются в подобных случаях другим взрослым. Если, конечно, взрослым есть еще что предложить.

На этих условиях мальчики и девочки смогут безболезненно пройти политическую и социальную адаптацию как процесс, естественно сопутствующий взрослению.

Как-то перевернуто у нас все. Ведь, что ни говори, спорить за бесплатно до хрипоты о принципах, бдеть во имя идеи ночи напролет приличествует больше юному возрасту. Зрелым людям открываются другие жизненные перспективы: бизнеса, брака, культуры, любой работы, а если политики, то уж как профессии. И то, что молодые предпочитают жить, а не перестраиваться, не показывает ли, что не такие уж они молодые? И то, что взрослые в нашей стране митингуют вместо работы шестой год, не показывает ли, что они впали надолго в молодость? Тогда название нашей статьи обретает второй и даже третий смысл, но мы все-таки не будем менять его.

Ленинград.

На вечере-концерте «Возрождение русской гитары» Анастасия Бардина и Александр Фраучи.

Фото Павла КРИВЦОВА

ОСТАЕТСЯ МУЗЫКА

Плохое зрение у нас, мы люди близорукие.

Конечно, трудно видеть вершины, дорасти с рабоче-крестьянских кровей до опененных белой лепниной залов и казни суеты — затихают шаги, успокаиваются кресла, выдыхается кашель, и каблуки ведущей наконец-то глотает занавес — и растет дыхание, как дерево из каждого, вытягиваясь, переплетаясь ветвями, срастаясь, густея, в небо с крапинами звезд, и единственные пальцы макают-

ся в ручейки струн — и все это начало, мы прозреваем, мы видим дальние сны.

А жизнь — она как дождик на ветру: непонятно, кто нанес его на наши головы, выбрал же, угораздило, а вдруг ветер дунет и — нету, надо же, и голова еще мокрая, и ведь только еще недавно, а уже солнце парит, земля подсыхает и раскрывается навстречу — и что же может остаться... От плохих музыкантов остаются деревяшка и струны. От хороших — инструменты, бескорыстные и слепые, как иконы, которые вбирают всех и для всех.

А от людей остается музыка, которую они смогли разглядеть своими глазами. Нас всех вберет нотный стан и запрет скрипичным ключом.

И когда мы слушаем музыку — мы примеряем ее по себе, по росту. И она обнимает нас, разная — которая лишает грязной ползучей чешуей и которая дарит крылья.

Вообще-то разница невеликая: все равно в землю. Но все же лучше быть павшим, чем падшим.

Ради этого стоит развивать зрение.

Ради этого стоит послушать!

Александр ТЕРЕХОВ

УТРО В ГОРАХ

Галактион ТАБИДЗЕ

ЛАЗУРЬ, ИЛИ РОЗА В ПЕСКЕ...

Матерь Божия, солнце, Мария!
Словно роза на влажном песке,
жизнь моя — небеса голубые,
сон глубокий, мираж вдалеке...

На закате померкнут ущелья.
Когда утро настанет, я сам
приплетусь, непутевый,
с похмелья,
как паломница, к образам.

После тягостного опьяненья
прислонюсь я у двери во храм.
Луч ворвется, и облаченья
засияют священные там.

И скажу я в сверкании белом:
посмотри, вот я весь на виду,
скорбный ликом, измученный телом,
лебедь, раненный в горнем саду!

Посмотри! Насладись! Мои очи,
в коих отсвет божественный есть,
после этой разнузданной ночи
источают лишь слезы и месть.

И скажи мне: другие поэты
все ли так — в ожиданье тебя
мотыльками слетаются к свету
и у ног умирают, любя?

Научи: как восполнить потери?
Как заблудшую душу найти?
Побывавший в раю Алигьери
должен в ад беспросветный сойти?

И когда на проклятой дороге
смерти тень померещится мне,
ты не явишься в дом мой убогий
к причащающемуся во мгле.

Перекрестьем сложу я ладони,
и похмельного быстро помчат,
понесут непутевого кони
прямо в яму могильную, в ад!

Матерь Божия, солнце, Мария!
Словно роза на влажном песке,
жизнь моя — небеса голубые,
сон глубокий, мираж вдалеке...

***

Тринадцать лет тебе. И я пленен
тобою.
Хоть сердцем сед, в любви
признаться не боюсь.
Подряд тринадцать пуль кидай
передо мною —
тринадцать раз подряд я тут же
застрелюсь!

Тринадцать лет пройдет...
И двадцать шесть настанет.
Как ирисы, взойдут, и время
скосит их...
А верстовых столбов в два раза
больше станет.
Заплачет время, и заплачет стих.

О, как уходит молодость! Желанья
неутолимых, львиных, юных лет!
Как все нежней становится
пыланье,
все мягче солнечный поры
осенней свет...

ОМНИБУСОМ

Помню каждую минуту
той дороги в летний день.
Помню липу, помню туту
и от туты помню тень.

Если хочешь, нарисую
домик со смешной козой,
иву старую, косую,
перевитую лозой.

Напрягу воображенье:
вдоль ручья взойдет трава.
Словно павшая в сраженье,
в ней валяется айва.

Ветерки, как прежде, дуют,
вишни зреют, как тогда,
и Риони именуют,
как и в прошлые года.

Повернуло поле спину,
залетел кулик во взор.
Волк приходит драть скотину
по ночам на скотный двор.

Только роща одичала,
затуманились поля,
опустела Мепис Чала —
тень осенняя моя...

Помню звяканье уздечки,
бубенцы и стук подков.
Помню в стареньком местечке
стену в струйках родников...

Ты скитаешься по свету
вдоль полей и жизни всей...
Ты везешь, везешь газеты
с грузом старых новостей...

Перевел с грузинского
Герман ПЛИСЕЦКИЙ

Роберт ЕСАЯН

***

Все тяжести мира растворились
в моей слезе,
все солнца скатились на дно
моего злосчастья,
впервые, Господи, я по себе
убиваюсь,
мужаю от страха за будущие
потери.
Когда небеса догорали в тумане
боли,
вершины дремали в изножье
вселенской бездны,
я осязал ожиданье потерь, что
билось
теплыми волнами, точно крыло
подранка.
Но мир обагрился моим ожиданьем
страха,
исторг ядовитую желчь
из подземной глотки,
взревел, зашатался и рухнул
в кровавой пене
и раны зализывает... не узнаю —
чужой!
Как же так, Господи,
в необозримой вселенной,
просторной такой, всеохватной и
вездесущей,
страх умещается в страхе уже
утоленном,
грех умещается в неискупленном
грехе?
Все тяжести мира растворились
в моей слезе,
все солнца скатились на дно
моего злосчастья,
впервые, о Господи, я по себе
убиваюсь,
мужаю от страха за будущие
потери...

Перевела с армянского
Надежда КРЕМНЁВА

Марика КОБЕРИДЗЕ

ЧТО ОБ ЭТОМ...

Я с рожденья была отмечена
Божьим знаком, волшебным светом,
И в молитвах с утра до вечера
Я росла... Ну да что об этом!..

Злые всадники ночью лунною
Налетели однажды летом
И в Стамбул, привязав к седлу
меня,
Увезли... Ну да что об этом!..

И в змеиную клетку бросили,
И пыталась уйти — да где там!..
И со змеями вместе продали
Азиату... Да что об этом...

Днем — одна... Только небо ясное,
Только птицы над минаретом...
Ночью — турку с глазами красными
Отдавалась... Да что об этом!..

И подушка — навеки мокрая,
И Месхети — виденьем, бредом...
Знаю: скоро умру, как многие
До меня... Ну да что об этом...

Свет от пламени — гиблый,
трепетный...
И к вершинам, в туман одетым,
С южным ветром несчастный
пепел мой
Улетит... Ну да что об этом!..

Перевел с грузинского
Юрий ЮРЧЕНКО

Грачия БЕГЛАРЯН

НАШЕ ТЕРПЕНИЕ

Мы терпели тысячу лет,
и еще, и еще терпели,
уподобившись вечной горе,
осыпанной пеплом снега,
обветренной с трех сторон.
А теперь,
а теперь
оживает потухший вулкан,
раскаляется магма
и хочет излиться лавой,
воплем,
содрогающим сердце мира.

Перевела с армянского
Надежда КРЕМНЁВА

Бенедикт САРНОВ

Р

I

Давным-давно, читая замечательно интересную книгу Лидии Чуковской «Записки об Анне Ахматовой», я наткнулся на такой поразивший меня диалог. Речь шла о В. В. Розанове.

Лидия Корнеевна сказала:

— Я так его люблю, кроме...

— Кроме антисемитизма и половой проблемы,— закончила Анна Андреевна.

Далее Лидия Корнеевна с нескрываемым удовлетворением говорит о том, как подивилась она такому (уже не впервые проявившемуся) совпадению своих и ахматовских «нелюбвей».

Меня это совпадение тоже удивило. Но совсем по другой причине.

«Вот те на! — озадаченно подумал я.— Что же в таком случае они у него любят? Ведь если отсечь от Розанова то, что Анна Андреевна назвала антисемитизмом и половой проблемой, много ли останется? нет, останется, конечно, немало. Но это будет уже не Розанов!»

Это свое недоумение я припомнил, читая (много позже) письма М. О. Гершензона В. В. Розанову. «Вас можно любить только как целое,— писал Михаил Осипович Василию Васильевичу,— а отдельных черт в Вас множество таких, что за каждую отдельную Вас можно и должно ненавидеть (что и делают по неразумению многие)». Люди «только тем и держатся в любви,— объяснял далее эту свою мысль умница Гершензон,— что ценят друг друга как неразложимое целое, и чем человек мне равнодушнее, тем легче мы сбиваемся на расценку (рассудочную) его отдельных черт».

Прочитав эти строки, я обрадовался. Не совпадению этих мыслей с моими, хотя всегда приятно, если твоя мысль совпадает с мыслью умного человека. Приведенные слова Гершензона обрадовали, потому что они помогли понять мое собственное отношение к Розанову.

Я Розанова люблю давно. С того самого времени, как впервые прочел его «Итальянские впечатления», «Среди художников», «Уединенное», «Опавшие листья». Не могу сказать, чтобы этой своей любви я стыдился. Нет, конечно! И все-таки... Что-то в ней было и для меня самого не вполне ясное.

О Розанове всегда, еще при жизни его, все в один голос твердили, что он циник. И он не спешил опровергать это всеобщее мнение. Отвечал: «На мне и грязь хороша, потому что это — Я!»

О нем говорили, что он беспринципен. И он подтверждал: «А убеждения? — Равно наплевать!..»

Говорили, что он аморален. Он не возражал: «Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали».

Что же притягивало меня так властно к этому человеку? Что заставляло закрывать глаза на его беспринципность, на его цинизм, на его аморализм? Что, наконец, заставляло не замечать, в упор не видеть его, столь ненавистного мне в других антисемитизма?

Объяснить это можно просто: Розанов безмерно талантлив. Ахматова даже говорит о нем (в том самом разговоре с Л. Чуковской, который я привожу): «Это был человек гениальный».

Но тут возникает такой вопрос. Ну

да, талантлив. Даже гениален. Но почему, собственно, даже у гениального писателя непременно надо любить **все**?

Любить «все», конечно, необязательно. Да и невозможно. Но, любя писателя, мы любим его **всего**, любим таким, **каков он есть**.

На примере Розанова эта неделимость, неразложимость на отдельные черты и свойства **цельной души** художника, запечатленной в слове, видна особенно ясно.

Мысль Гершензона, что «люди только тем и держатся в любви, что ценят друг друга как неразложимое целое», относится, конечно, не к одному Розанову. Но не случайно, я думаю, эту свою мысль он обратил именно к Розанову, именно **ему** сказал: «Вас можно любить только как целое».

Отношения Розанова с миром, с разными явлениями и сторонами человеческой жизни можно определить модным словом — «амбивалентность». Прочно вошедшее в последние годы в интеллигентскую речь, употребляемое к месту и не к месту, слово это уже набило оскомину, и лучше, конечно, нам было бы обойтись без него. Но в данном случае другого, более точного слова, пожалуй, не подберешь. Тем более что тут у нас как раз есть повод вернуть этому слову его первоначальный смысл. Смысл этот связан с Фрейдом, с психоанализом. «**Амбивалентность** (чувств),— читаем мы в «Кратком словаре психоаналитических терминов», приложенном к книге З. Фрейда «Психология бессознательного», — наличие «нежных» и враждебных чувств, одновременно испытываемых человеком по отношению к одному и тому же лицу».

Применительно к Розанову тут следует только добавить: и к одному и тому же явлению.

Амбивалентно отношение Розанова к России, к русской интеллигенции, к революции, к христианству, к евреям...— к любому явлению действительности, на которое обращалась его мысль, всегда очень чувственная, я бы даже сказал, опаленная чувством.

Вот почему любить «филосемита» Розанова, отвергая его «антисемитизм», или ценить «христианина» Розанова, отбрасывая его жгучую неприязнь к христианской аскезе,— это значит не принимать главное в Розанове, самую суть его отношений с миром.

Вот несколько цитат, недвусмысленно и, казалось бы, исчерпывающе рисующих отношение Розанова ко всем революционным, демократическим и даже либеральным течениям русской мысли:

«Отвратительная гнойная муха — не на рогах, а на **спине** быка, везущего тяжелый воз,— вот наша публицистика, и Чернышевский, и Благосветлов...» («Опавшие листья»).

«Пришел вонючий «разночинец». Пришел со своею ненавистью, пришел со своею завистью, пришел со своею грязью. И грязь, и зависть, и ненависть имели, однако, свою силу, и это окружило его ореолом «мрачного демона отрицания»; но под демоном скрывался просто лакей. Он был не черен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина» (там же).

«О, какие уездные чухломские умички они, эти наши СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ, все эти знаменитые МАРКСИСТЫ, все эти «ПИСЬМА БАКУНИНА» и вечно топырящийся ГЕРЦЕН. Чухлома, Ветлуга, пошлая попадья — и не более, не далее. Никому они не нужны. Просто, они — НИЧЕГО.

Эта потная Чухлома проглядела перед своим носом АЛЕКСАНДРА II и КЛЕЙНМИХЕЛЯ, которые создали ЭРМИТАЖ, создали ПУБЛИЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ, создали АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ, создали как-никак 8 УНИВЕРСИТЕТОВ, которые если говенные, то уж никак не по вине Клейнмихеля и Александра II, которые виновны лишь в том, что не пороли на съезжей профессоришек, как следовало бы.

— ВО ФРУНТ, ПОТНОЕ ОТРОДЬЕ,— следовало бы им скомандовать.

— Вылезайте из-под одеяла, окачивайтесь студеной водой и пошлите делать С НАМИ ИСТОРИЧЕСКОЕ ДЕЛО и освобождения славян и постройки элеваторов» (там же).

Этот безапелляционный приговор кажется особенно весомым, потому что ненавистны Розанову не только поступки, даже не только намерения колебателей устоев, и даже **не столько** поступки и намерения, сколько **стимулы**, движущие их намерениями и поступками. Стимулы же у них у всех, как ему

кажется, одни и те же: зависть, злоба, самолюбие.

Иными словами, не мысль, не идея отвращают его от них (мысли, идеи могут измениться), а **чувство**. Даже не чувство — инстинкт. Душевная несовместимость, такая же мощная, как несовместимость разных групп крови.

И тем не менее:

«Везде люди ссорятся, ненавидят, завидуют; везде нации, веры. Но когда я вижу русских людей в простых рубахах, в рабочих блузах, косоворотках, с умным задумчивым лицом мыслящего человека,— я думаю: вот в ком умер «жид» и «русский», где нет рабов и господ, нет мусульманина и православного, нет бедного и богатого, нет дворянина и крестьянина,— но единое «всероссийское товарищество»...

Во многих местах есть республика, в Аргентине, Соединенных Штатах, Швейцарии, Франции: но нигде нет республиканцев. Ибо республика — это братство, и без него ей не для чего быть. У нас же под снегами России, в Москве и Вильне, Одессе, Нижнем, Варшаве — зародились подлинные республиканцы,— «живая протоплазма», из коей (слагается) вырастает республиканский организм. Я верю: вы уже скоро выйдете из тюрем. И тогда пронесите это товарищество с края до края света: ибо в этом новом русском братстве, без претензий, без фраз, без усилий, без самоприневоливания, природном и невольном — целое, если хотите, «светопреставление»: это — новая культура, новая цивилизация, это — Царство Божие на земле».

Это тоже Розанов.

Тут, правда, надо отметить, что отвращение свое к «колебателям устоев» Розанов выражал в книге, помеченной 1913 годом, а восхищался ими в письме 1906 года. И наверняка найдутся (и находились) умники, склонные объяснять это противоречие тем, что восхищался он «русскими республиканцами» на волне общественного подъема, связанного с революцией 1905 года, а проклинал их, когда революционный подъем сменился глухой реакцией.

Соображение это кажется довольно убедительным, но оно — увы! — не в силах объяснить многие другие противоречия розановского мировосприятия, ничуть не менее разительные, не менее кричащие, чем это.

2

Вот два небольших отрывка из двух статей Розанова, написанных в одно время и даже по одному и тому же поводу:

«...если особый характер русского царения, особый тип и дух русского царя составляет,— как учили славянофилы,— оригинальную и важную особенность духа русской истории, то эту особенность Александр III выразил с большою глубиною, сделал видимою для всего света и признанною всем светом... «Россия для Русских» — произнес он лозунг для внутренней жизни России; но с переменами этот лозунг читался и во внешних отношениях: «Россия никого не теснит: но требую,— говорил он как Русский Царь,— чтобы и Россию никто не теснил». Он встал стражем и властелином на ее границе, как на известной картине Васнецова — «Русские богатыри на заставе». Всем, даже и ростом, он походит на среднего из богатырей Васнецова: и поднесенная ко лбу рука этого среднего богатыря как-то передает даже физические приемы безвременно скончавшегося нашего северного тронного богатыря...

Смотри же с любовью сверху, из «той жизни», на русскую землю, наш добрый и любимый Государь. Мы же будем вечно хранить твою память. А сегодня все пойдем посмотреть на бронзовое напоминание тебя, и все, все перенесемся воображением и мыслью к благородному живому прообразу монумента».

Это из статьи Розанова «К открытию памятника Государю Александру III», написанной в 1909 году. А вот из другой статьи, помеченной тем же годом. (Временной разрыв между этими двумя статьями, я думаю, не более нескольких дней.) Во второй статье речь идет об **этом же самом памятнике**:

«Конь уперся... Голова упрямая и глупая... А хвоста нет, хвост отъеден у этой умницы. Между хвостом — или, лучше сказать, «недостатком хвоста» — и злой, оскаленной головой помещено громадное туловище с бочищами, с ножищами, с брюшищем, каких решительно ни у одной лошади нет... Именно так и нужно было: ну, какой «конь» Россия,— свинья, а не конь. «Чудище обло»... Зад,— главное какой зад у коня! Вы замечали художественный вкус у русских, у самых что ни на есть аристократических русских людей, приделывать для чего-то кучерам чудовищные зады... Что за идея? — объясните! Но, должно быть, какая-то историческая тенденция, «мировой» вкус, что ли... «Задом (надо бы сказать грубее) живет человек, а не головой...» Бог — знает — что... Помесь из осла, лошади и с примесью коровы... Тут и Петру Великому «скончание», и памятник Фальконета — только обманувшая надежда и феерия...»

Вот из-за этой, пожалуй, только ему одному присущей способности по одному и тому же поводу высказывать совершенно несовместимые, полярно противоположные суждения возникло и постепенно стало расхожим почти никем и никогда не оспаривавшееся мнение **о двуличии Розанова**. Мнение это опиралось не на пяток-другой какихнибудь вот таких казусов, а, по существу, на **всю** его биографию, на **всю** его литературную жизнь.

«Был постоянным сотрудником «Нового времени», где работал до революции 1917,— читаем о Розанове в Литературной энциклопедии.— Одновременно Р. под псевдонимом В. Варварина сотрудничал в либеральном «Русском слове» и развивал идеи, совершенно противоположные нововременским. Двуличность, цинизм и писательская распущенность, присущие Р., вызывали отвращение к нему даже и у правой критики, давшей ему меткую кличку Иудушки Головлева».

Фактическая сторона этой констатации не вызывает сомнений. Но даже и оценочная ее часть тоже не может быть пренебрежительно отринута как неизбежная для тогдашних времен (том энциклопедии, где помещена статья о Розанове, вышел в 1935 году) дань вульгарной социологии. Ведь с Иудушкой Головлевым Розанова сравнил не автор советской энциклопедии, а не кто иной, как Владимир Сергеевич Соловьев!

И тем не менее расхожую оценку эту, я думаю, пора пересмотреть.

Объясняя пресловутое «двуличие» Розанова его цинизмом, духовной и интеллектуальной распущенностью, мы невольно пришли бы к предположению, что сотрудничество в двух противоположных по направлению газетах было для него чем-то вроде бездушной интеллектуальной игры. Такая игра была бы возможна лишь при полном отсутствии искренности. Но уж в чем другом, а в **неискренности** Розанова не заподозришь.

Наиболее проницательные современники его никогда в этом и не подозревали.

Вот, например, Д. Мережковский. Прочитав статью Розанова о памятнике Александру III (вторую), он испытал не столько даже негодование, сколько растерянность:

«Самооблличение — самооплевание русским людям вообще свойственно. Но и среди них это небывалое; до этого еще никто никогда не доходил. Тут переступлена какая-то черта, достигнут какой-то предел.

УРОКИ РОЗАНОВА

Россия — «матушка», и Россия — «свинья». Свинья — матушка...

Полно, уж не насмешка ли? Да нет, он, в самом деле, плачет и смеется вместе: «смеюсь каким-то живым смехом «от пупика» — и весь дрожит, так что видишь, кажется, трясущийся кадык Федора Павловича Карамазова.

— Ах вы, деточки, поросяточки! Все вы — деточки одной Свиньи Матушки. Нам другой Руси не надо. Да здравствует Свинья Матушка!

Как мы дошли до этого?»

Статья Розанова, о которой тут речь, была напечатана в «Русском слове» под псевдонимом В. Варварин. Но Мережковский ни на секунду не усомнился в том, кто ее автор. Он «по когтям узнал его тотчас», о чем и оповестил читателя в соответствующем примечании: «я не хочу раскрывать псевдонима, но ex unque leonem — один только человек в России пишет таким языком». Мережковский прекрасно знал, на какие неожиданные душевные изгибы способен этот единственный на всю Россию человек. Но «такого злого хулиганства» он не ждал даже от него.

Однако в предельной искренности Розанова даже и тут не усомнился ни на секунду.

Потрясающая искренность, доходящая до некоего духовного эксгибиционизма, едва ли не главная отличительная черта Розанова-писателя. В ней более, чем в чем-либо другом, выразилась уникальность его писательского дара. Ни в малейшей степени его не смущает, что разные его утверждения, мысли, соображения окажутся непоследовательными, нелогичными, никак не стыкующимися, противоречащими друг другу, даже взаимоисключающими. Только одним он озабочен: выразить правду. Не какую-то там объективную правду, которой, может быть, даже вовсе и не существует, а правду своей души, правду вот сейчасного, сиюсекундного ее состояния. Душа «дохнула»,— говорил он. И что ему за дело, если при каждом своем «выдохе» душа его «выдыхала» разное. Вот, захлебываясь ненавистью, он записывает о Щедрине, что тот — как «матерой волк» наелся русской крови и сытый отвалился в могилу». И тут же, рядом: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. «Пренесносный Щедрин»... Между тем я бесспорно и презираю русских, до отвращения».

До такого и сам Щедрин, кажется, не договаривался.

Такая «амбивалентность чувств» в отношении ко всему отечественному была свойственна не одному Розанову. Такую же «и страсть, и ненависть к отчизне» испытывал Александр Блок. Да и не только он. Но Розанову в отличие от всех его собратьев по перу была присуща маниакальная потребность эту «амбивалентность чувств» постоянно проявлять, выражать. «Всякое движение души,— говорил он,— у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это — инстинкт».

Именно этот инстинкт, эта маниакальная жажда самовыражения, я думаю, и побудили его одновременно сотрудничать в двух противоположных по направлению изданиях. В том-то и состоит парадокс Розанова, что он был предельно искренен, печатая одно в суворинском «Новом времени» и совсем другое, противоположное, в либеральном «Русском слове». Это свое «уродство» он прекрасно сознавал. Но, как видно, ничего не мог с собою поделать:

«Почему я так сержусь на радикалов?

Сам не знаю.

Люблю ли я консерваторов?

Нет.

Что со мною? Не знаю» («Уединенное»).

В этом неодобрении себя и в твердом сознании своей неспособности стать другим — все та же уникальность Розанова.

Сам он эту свою уникальность сознавал. Говорил, что тайна его писательской индивидуальности, «граничащая с безумием», состоит в том, что он сам с собою говорит «настолько постоянно и внимательно и страстно», что вообще, кроме этого, ничего не слышит. И утверждал, что «больше этого вообще не сможет никто».

Но если это действительно так, если весь опыт его и в самом деле уникален, о каких же уроках Розанова в таком случае может идти речь?

Сам Розанов на какую бы то ни было учительскую роль не претендовал:

«Хочу ли я, чтобы очень распространилось мое учение?

Нет» («Уединенное»).

«Хочу ли я действовать на жизнь? Иметь влияние?

Не особенно» (там же).

Все так. И тем не менее я думаю, что из забытых «уроков Розанова» мы можем извлечь для себя немало ценного. Особенно насущными эти «уроки» могут оказаться для нас именно сейчас, сегодня.

3

У Людвига Берне есть небольшая статья «Искусство в три дня стать оригинальным писателем».

«Возьмите несколько листов бумаги,— говорится в ней,— и в течение трех дней пишите,— но без всякой фальши, без всякого лицемерия! — все, что приходит вам в голову. Пишите, что вы думаете о себе самом, о вашей жене, о турецкой войне, о Гете, о ваших начальниках,— и по истечении трех дней вы будете вне себя от изумления, какие у вас новые, неслыханные мысли. Вот в чем искусство в три дня стать оригинальным писателем».

Тут нет и тени иронии. Совет этот простодушен, лишен и капли лукавства. Но тем не менее каждому известно, как недосягаемо трудно стать оригинальным писателем, даже не в три дня, и даже обладая тем сложным и редким сочетанием разнообразнейших способностей и дарований, которое в повседневности зовется писательским талантом. Видимо, не так-то это просто — без всякой фальши, без всякого лицемерия выразить себя, свое отношение к людям и к миру, «до того развратительно действует на человека всякое литературное занятие, хотя бы и предпринимаемое единственно для себя» (так не без раздражения говорит герой романа Достоевского «Подросток»).

Помимо этого «развратительного действия» (желания в чем-то потрафить читателю, да и невольного, инстинктивного стремления понравиться, выглядеть в глазах читателя лучше, умнее, великодушнее, чем ты есть на самом деле), тут мешает еще и другое. Человеку, берущемуся за перо, часто просто и в голову не приходит, что какой-то глубинный пласт его жизненных впечатлений может представлять интерес для других. Он стыдится себя. Он уверен: это никому не интересно, это только мое, одного меня касающееся, а писать имеет смысл лишь о том, что коснется всех или по крайней мере многих. Трудно человеку поверить, что самое сокровенное, самое интимное в нем может оказаться нужным другим людям. Переступить через этот барьер, пожалуй, труднее всего (Розанов переступил, и в этом — главный из его «уроков»).

Писатель,— учил Горький,— тот, кто в своем личном, субъективном находит общезначимое, объективное. Это соображение, некогда представлявшееся мне бесспорным, сейчас кажется весьма сомнительным. На самом деле истинная цель писателя состоит в том, чтобы выражать именно свое, личное, субъективное. Лишь потом в конечном счете окажется (или не окажется!), что в этом субъективном содержится нечто общезначимое. Недаром подлинным художественным откровением часто оказывается то, что автору представлялось просто шалостью, озорством, легкомысленным и несерьезным сочинением, предназначенным для узкого приятельского круга («Декамерон» Боккаччо). Или же сугубо личные, интимные, дневниковые записи, предназначенные для одного себя. (Те же «Опавшие листья» и «Уединенное» Розанова.)

Утверждение Горького, что писатель должен выражать в своих книгах лишь общезначимое, оказалось убийственным для литературы.

Горький, положим, исходил из того, что писатель должен находить общезначимое в личном, субъективном. Это было еще, как говорится, полбеды. Настоящая беда началась, когда литераторам было предписано выражать вообще не свои, а общезначимые, то есть официально узаконенные, мысли и чувства. Практика эта впоследствии была закреплена теорией, принципиально запрещающей самовыражение (даже в лирической поэзии). Само слово это было объявлено крамолой. Опубликованная в 1953 году, уже после смерти Сталина, статья В. Померанцева, утверждающая, что писатель имеет право быть искренним, была воспринята как потрясение основ.

В 1911 году Валерий Брюсов хотел издать отдельной книгой свои «статьи, исследования, наблюдения» о Пушкине. Будущую книгу эту он озаглавил «Мой Пушкин». И Цветаева тоже самую большую, главную свою работу о Пушкине назвала «Мой Пушкин». Ни в малейшей степени ее не смущало, что ее Пушкин, по всей видимости, будет иметь очень мало общего с Пушкиным Брюсова или еще чьим-нибудь. Это было в порядке вещей.

Советский писатель ни при какой погоде не мог бы так озаглавить свою книгу. Решив написать о Пушкине или собрать в книгу в разное время написанные им на эту тему статьи, он мог представить ее читателю только под рубрикой «Наш Пушкин». Именно «НАШ», а отнюдь не «МОЙ».

Очень хорошо написал недавно об этом В. Непомнящий («ЛГ», 5.09.90 и 12.09.90).

«Слова «Наш Пушкин» стали почти термином»,— точно сформулировал он.

Резкими ироническими штрихами набросав силуэт этого официально узаконенного «нашего Пушкина», Непомнящий противопоставил ему написанный щедрыми, широкими мазками портрет... Чуть было не написал «своего»... Если бы своего! В том-то вся и штука, что не своего, а тоже «нашего Пушкина». Только не тогдашнего, а теперешнего.

Этот теперешний «наш Пушкин» во всем являет полярную противоположность тому, над которым Непомнящий справедливо глумится. Если тот Пушкин был убежденным революционером, другом и сподвижником декабристов, вольтерьянцем, материалистом, атеистом и, уж само собой, интернационалистом, то этот — убежденный монархист, человек глубоко религиозный, свято блюдущий христианские заповеди и превыше всего почитающий национальные святыни. Новый «наш Пушкин» оказывается, таким образом, вывернутым наизнанку старым «нашим Пушкиным». Ничего не изменилось, кроме перемены знаков: все плюсы поменялись на минусы. Или, если угодно, все минусы на плюсы (это в зависимости от того, что считать плюсом, а что минусом).

Операция эта выглядит до того простодушно-наивной и плоско-примитивной, что даже не верится: как-никак, автор статьи — серьезный литератор, отдавший изучению Пушкина десятки лет упорного труда. Тем не менее я ничего не преувеличиваю и не заостряю. Чтобы не быть голословным, напомню читателю основные тезисы этой статьи:

«Сегодня уже непостижимо, что до самого последнего времени вопрос о Пушкине как явлении глубоко национальном, в частности как о преемнике семисотлетней допетровской культуры (я имею в виду не только мирскую, а и церковную...), даже и не ставился в сколько-нибудь заметных масштабах».

«Пушкин воплощает бытие и жизнь как дар Божий, мир — как Творение, человека — как Божье дитя...

Это полностью соответствует основной теме и духу древнерусской культуры, религиозной по сущности и назначению. Здесь и национальная историческая преемственность — через голову петровских реформ, и истинная духовная родословная Пушкина...»

«Есть книга, которую Пушкин дерзнул сравнить с Евангелием: это христианское сочинение, и оно называется «Об обязанностях человека»... Обязанности Человека — вещь внутренняя, религиозная, они связаны с исполнением Христовых заповедей...»

«...зрелый Пушкин не подвергал сомнению монархический принцип в современной ему России и понимал народную традицию религиозной сакральности царской власти».

В последнем утверждении есть, правда, стыдливая оговорка: речь идет как бы только о зрелом Пушкине, то есть о Пушкине, как бы уже раскаявшемся в республиканских заблуждениях своей юности. Но тут же выясняется, что никаких таких заблуждений у него вовсе и не было. Даже знаменитый ответ Пушкина на вопрос царя, с кем был бы он 14 декабря, окажись в этот день в Петербурге, Непомнящий цитирует и объясняет так:

«...все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога!»

То есть непременно участвовал бы, но — по причинам исключительно этическим (дружба важнее расхождений в идеологии и политике)».

Это — чтобы ни у кого, не дай Бог, не мелькнула мысль, что Пушкин хоть сколько-нибудь сочувствовал политическим идеям декабристов.

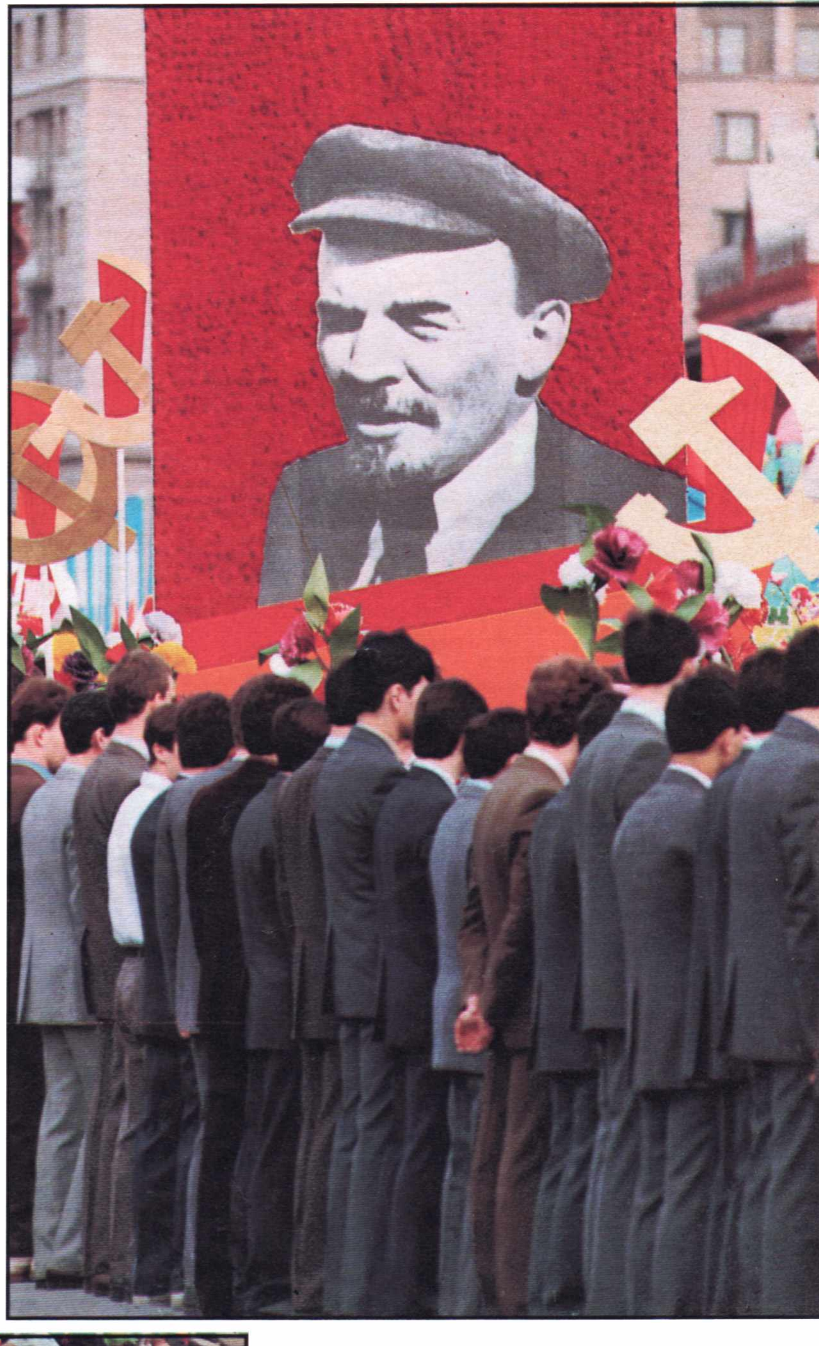
Нельзя сказать, чтобы этот новый «наш Пушкин», на скорую руку слепленный Непомнящим, был так уж нов. Если перевести все это на простой и ясный язык родных осин, получится нечто до чрезвычайности напоминающее тот хрестоматийный образ «гимназического» Пушкина, над которым семьдесят лет назад зло издевался Александр Блок: «Пушкин — наша национальная гордость». «Пушкин обожал царя». «Люби царя и отечество». «Если не будете исповедоваться и причащаться, вызовут родителей и сбавят за поведение».

Вряд ли есть нужда в развернутом доказательстве той самоочевидной истины, что «новый» портрет Пушкина, нарисованный Непомнящим, представляет собой такое же грубое искажение реальности, как и тот, на котором Пушкин изображался пламенным революционером, без пяти минут большевиком. Настоящий, реальный Пушкин антиномичен. Мысль в сознании Пушкина неразрывно связана со страданием («Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...»), потому что живая, страдающая мысль его постоянно мечется между двумя полярностями, двумя непримиримостями: стремлением верить в Божественный Промысел и невозможностью этой веры («Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана?..»), сыновней привязанностью к родине и отталкиванием от нее («...Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество...», «Черт догадал меня родиться в России!..»), восторженно-патетическим отношением к славе и блеску империи и неизменной приверженностью духу Свободы. (Последняя антиномия была подробно рассмотрена в свое время Г. П. Федотовым в замечательной его статье «Певец империи и свободы».)

Неужели Непомнящий всего этого не знает?

Знает, конечно.

Нарисованный им образ «нашего Пушкина» вышел таким упрощенным

КРАСКИ РЕПОРТАЖА

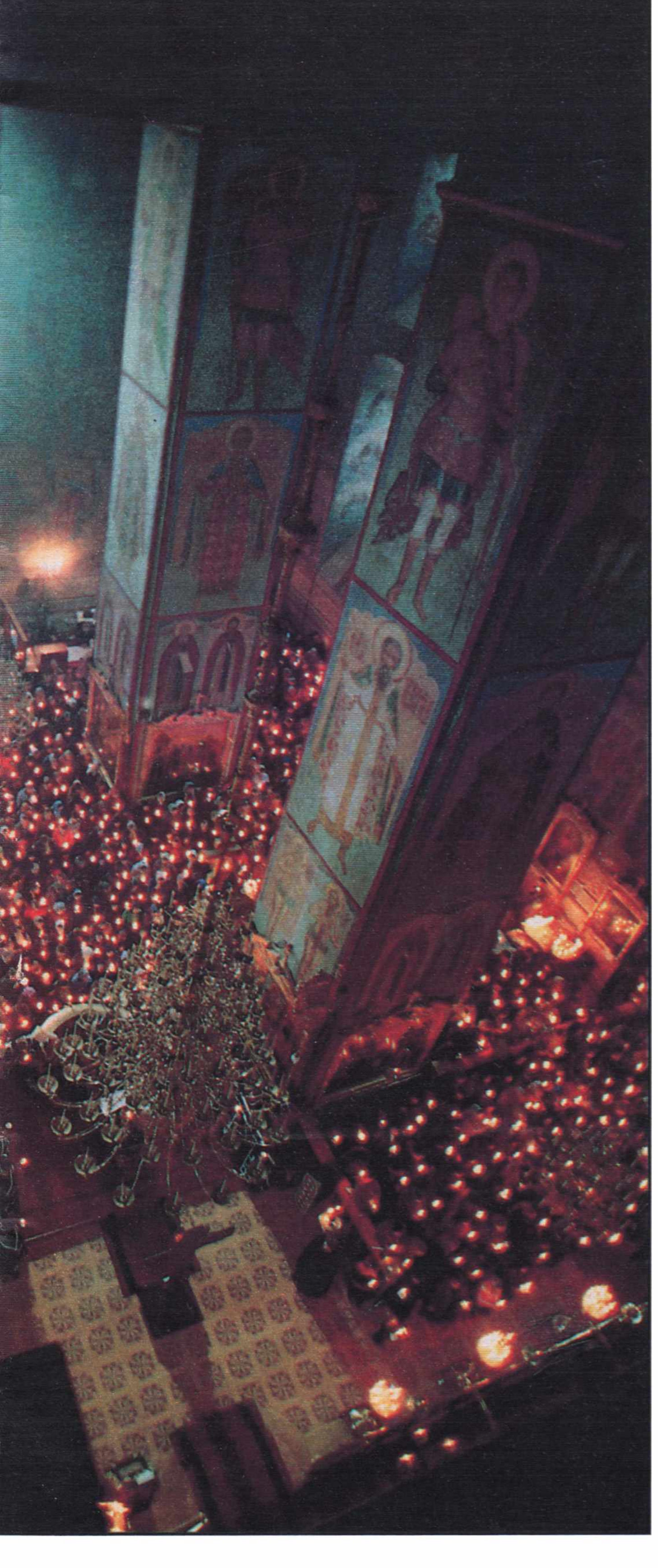

Лет двадцать тому назад Борис Бабанов был известен как «крепкий» фотолюбитель — высокая техника, филигранная отделка отпечатков, выбор интересных направлений в жанрах фотографии: портрете, пейзаже, натюрморте, фотографике. Немало было у Бориса и снимков обнаженной натуры, но они оставались невостребованными. Заказчиков не было, а Борис их не искал. Для многих было неожиданностью то, что

некоторое время спустя Борис Бабанов стал профессиональным фоторепортером, и не где-нибудь, а в престижном АПН, где тогда были сосредоточены лучшие силы нашей фотожурналистики. Было чему удивиться: не так легко переключиться с чисто художественной салонной светописи на репортерскую, с информационным уклоном фотографию, к тому же выполненную в цвете. Раньше Борис почти не уделял цвету внимания. Сегодня Бабанов — профессионал высокой марки, репортер универсальный и по тематике съемок, и по приемам. Кадры, снятые на государственных и партийных форумах, запечатлевшие острейшие, поворотные моменты истории нашего государства. Портреты общественных деятелей, артистов, художников, ученых, рабочих, сельских тружеников, спортсменов, военных... Бабанов объездил всю страну, побывал в творческих командировках в Нигерии, Конго, на Кипре, во многих европейских странах, в том числе и со

своими выставками. Бабанов работает на границе между фотожурналистикой и фотоискусством. Его фотографии просто красивы, и уже одним этим притягивают многих. В любые времена, даже самые тяжелые, человеку свойственно тянуться к красоте. В этом легко убедиться, постояв у витрин АПН, где часто бывают выставлены работы Бориса Бабанова, яркие, зазывающие и очень честные.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ ТОЛЬКО

ЗА РУБЛИ ПО ЦЕНАМ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ С ОПЛАТОЙ ПО ФАКТУ

широкий выбор импортных (Западная Европа, США, Южная Корея и Япония) компьютеров, совместимых с IBM PS AT/XT с любой периферией (лазерные принтеры, плоттеры, сканнеры и стриммеры), и оргтехники (автоответчики, ксероксы и телефаксы).
В течение 10 дней вам поставят продукцию известных торговых марок: Canon, Newlett-Packard, Mita и Hyundai.

Адрес для заявок: Москва, ул. Газгольдерная, 10.
Тел. 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.
Объединение «МММ»

и уплощенным не из-за того, что в поле его зрения по какой-то случайности не попали те или иные — общеизвестные или не слишком известные — факты.

Дело тут не в небрежности или поверхностности взгляда, даже не в увлеченности одними фактами и невольном забвении других, а в совершенно сознательном, обдуманном нежелании считаться с теми фактами или обстоятельствами, которые ему не нужны. Не нужны же они ему по причинам, весьма для него основательным. И не только для него.

4

В том же номере «Литературной газеты», где появилось окончание статьи Непомнящего, меня поразила небольшая реплика Андрея Василевского — «Беспредел». То есть это только так говорится — реплика. На самом деле никакая это была не реплика, а подлинный вопль души. Автор явно писал это свое сочинение, как однажды выразился по сходному поводу Михаил Зощенко, в минуту сильного душевного волнения.

Сильное волнение это было вызвано двумя-тремя фразами из повести Валерии Нарбиковой, героиня которой на присущем ей языке неосторожно выразилась в том смысле, что Адам и Ева в раю, по-видимому, «трахались через святой дух, как потом бог с Марией».

Боже ты мой! Чего только не понаписал по этому поводу Андрей Василевский! И Салмана Рушди вспомнил. И непримиримость аятоллы Хомейни в этом вопросе одобрил. И право европейских христиан на поджог кинотеатров, где шел фильм Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа», признал. И объявил, что «в истинно благоустроенном обществе» святотатство, подобное тому, которое совершила Валерия Нарбикова, уж наверняка не прошло бы ей даром.

Я не стану вступаться ни за Салмана Рушди, ни за Мартина Скорсезе. Не стану даже опровергать предположение автора насчет того, как обошлись бы с Валерией Нарбиковой «в истинно благоустроенном обществе», хотя, честно говоря, сомневаюсь, чтобы там ей пришлось особенно круто. Не стану даже напоминать о существовании некой поэмы под названием «Гавриилиада», в сравнении с которой наивные «кощунства» Нарбиковой выглядят трогательным детским лепетом.

Больше всего поразил меня не смысл реплики Василевского, не причудливая ее логика, а тот мощный эмоциональный накал, который вызвало у автора происшествие, в сущности, довольно ничтожное (во всяком случае, в сравнении с другими событиями, происходящими в нашей стране повсеместно и ежедневно).

Эта, выражаясь ученым языком, неадекватная реакция не только изумила меня, но и в какой-то мере заставила с несколько неожиданной стороны взглянуть на весь круг рассматриваемых мною проблем.

Статье В. Непомнящего, напечатанной в той же газете, эта неадекватность реакции тоже присуща. И никак не в меньшей степени.

«Два месяца назад,— так начинает он свою статью,— закаленный, кажется, ежедневным чтением в свободной печати об ужасах нашей непостижимой уму жизни, я от одной-единственной фразы вздрогнул».

Фраза, заставившая его вздрогнуть, вырвалась у Бориса Васильева. «Приходится с глубокой горечью признать,— написал тот,— что духовная мощь России погибла».

Честно говоря, меня эта фраза тоже слегка покоробила. Слишком уж она категорична. Слово «погибла» как бы полностью исключает всякую надежду на воскресение духовной мощи России. Я бы на месте Бориса Васильева, вероятно, не отважился произнести такой окончательный приговор.

То, что на Непомнящего эта фраза подействовала сильнее, чем на меня, что она даже заставила его вздрогнуть, меня не удивило. Он, может быть, натура более нервная, впечатлительная, легковоспламеняющаяся. Ну, вздрогнул. Ну, оскорбился. Ну, ужаснулся даже.

Но этим дело не кончилось.

Вздрогнув, Непомнящий стал заводиться, стал, что называется, все больше и больше себя накачивать и в конце концов впал в так называемое «парадоксальное состояние». (Этим термином академик И. П. Павлов обозначал состояние человека, на которого слова действуют сильнее, чем реальные жизненные впечатления.)

«Пусть не посетуют на меня тени расстрелянных,— пишет далее Непомнящий,— замученных, погибших в мясорубках войн и иных побоищ, жертвы Афганистана и Чернобыля, калеки, брошенные дети и все уничтоженные, униженные и обездоленные России, но более страшной фразы я давно не читал».

Я, как уже было сказано, человек более уравновешенный, чем Непомнящий, но тут пришел черед и мне вздрогнуть.

Моря пролитой крови, миллионы убитых, замученных, обманутых, заморпованных людей. Очереди за сахаром, за сигаретами, даже вот уже за хлебом. Всеобщая озлобленность, неверие в завтрашний день. Ежедневный страх за жизнь детей... И все это не страшнее злополучной васильевской фразы? Как же надо оторваться от реальной жизни своего народа, в каком вымышленном, призрачном, выдуманном мире жить, чтобы произнести такое!

Однако, поостыв, я решил: дай-ка все-таки дочитаю статью до конца. Окончание статьи пришло через неделю. За неделю эту я остыл еще больше и вторую половину статьи читал уже совершенно спокойно, без какого бы то ни было раздражения и возмущения. И кое-что в природе этой неадекватной реакции мне разъяснилось.

«Духовная сила страны,— заключает свою статью Непомнящий,— которая, по выражению Пушкина, своим мученичеством, растерзанная и издыхающая, спасла христианскую цивилизацию от нашествия «варваров»; которая своим подвигом спасла Европу и от иных нашествий; которая, претерпев семидесятилетнюю Голгофу, принесши себя в неслыханную жертву и сделав это в устрашившем весь мир облике, тем самым, быть может, предостерегла его от подобного пути и сходной участи,— такая сила погибнуть не может. Без России миру быть нельзя».

Чем-то мне это было очень знакомо. Что-то такое напоминало, хорошо известное, давным-давно и неоднократно читанное. Даже не по смыслу напоминало, а скорее интонационно.

И вдруг я вспомнил: Достоевский! «Бесы»! Разговор Ставрогина с Шатовым:

«— Не смейте меня спрашивать такими словами, спрашивайте другими, другими! — весь вдруг задрожал Шатов.

— Извольте, другими,— сурово посмотрел на него Николай Всеволодович,— я хотел лишь узнать: веруете вы сами в Бога или нет?

— Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую...— залепетал в исступлении Шатов.

— А в Бога? В Бога?

— Я... я буду веровать в Бога».

Совершенно как Шатов, у которого язык не поворачивается прямо сказать, что он верит в Бога (по совести он может лишь пообещать, выразить надежду, что будет верить),— вот так же и Непомнящий не в силах произнести: «Нет! Не погибла духовная мощь России!» — а только повторяет: не может погибнуть, потому что «без России миру быть нельзя». Говорится все это на очень высокой, патетической ноте. И именно нота эта (как и повышенный эмоциональный накал реплики Андрея Василевского) невольно заставляет вспомнить древнюю поговорку: Юпитер, ты сердишься, значит... Значит, есть в твоей с виду такой непоколебимой вере какая-то слабина. Если человек действительно верит во что-то и если вера его крепка, разве сможет какая-нибудь одна фраза, пусть даже и в самом деле кощунственная, так его уязвить?

По правде говоря, так ужаснувшая Непомнящего фраза Бориса Васильева внушает гораздо больше надежд на духовное возрождение России, чем любые испуганные заклинания по этому поводу. Потому что, как сказано в одном стихотворении Н. Коржавина: «Кто осознал пораженье,— того не разбили!». Чтобы произнести вслух: «Духовная мощь России погибла»,— необходимо мужество. Ведь только почувствовав всем сердцем, что такое может случиться, может быть, даже уже случилось, еще и можно попытаться что-то спасти. А заклинаниями («Не может погибнуть! Чур, чур меня, нечистая сила!») ничего не спасешь и ничему не поможешь.

«Кощунственная» фраза Бориса Васильева свидетельствует, что человек, осмелившийся ее произнести, не боится быть собой, не боится подлинных своих мыслей, какими бы ни были они неудобными, шокирующими, «святотатственными».

Спросят:

— Уж не хотите ли вы сказать, что Непомнящий, в отличие от Бориса Васильева, высказывает не свои, а значит, чьи-то чужие, кем-то подсказанные ему мысли?

Нет, этого я сказать не хочу. У меня нет ни малейших сомнений в его искренности. Но есть два рода искренности. Один — это когда человек стремится «кем бы ни стать — ощущать себя только собою», как выразился тот же Коржавин. Другая — это когда человек живет иллюзиями о самом себе. Последнее — неизбежный удел тех, кто — сознательно или бессознательно — ограничивает свою духовную жизнь жесткими рамками идеологии (все равно какой!).

Прошу прощения за цитату из немодного автора.

«...тот, кто строит системы,— говорит Энгельс,— должен заполнять бесчисленное множество пробелов собственными измышлениями, т. е. иррационально фантазировать, быть идеологом».

Поскольку автор этих строк и сам был идеологом, он, надо полагать, хорошо знал, о чем говорил.

Впрочем, я далек от того, чтобы уподобить Непомнящего Энгельсу. Одно дело — быть идеологом, и совсем другое — не хотеть поступаться принципами, то есть изо всех сил стараться защитить созданный другими и даже порядком уже обветшавший идеологический бастион.

Непомнящий, я думаю, искренне убежден, что защищает истину. Но кто из нас может поручиться, будто он знает, что есть истина. Значит... Значит, есть только один выход, один путь: честно пытаться выражать свою истину, свою правду, правду своей души, думать, не думая ни о каких «символах веры», ни о каких доктринах, ни о каких догматах.

«Миллион лет прошло,— говорит Розанов,— пока моя душа была выпущена погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали». Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй, как сама знаешь...»

Эта розановская «беспринципность» и сегодня многим, вероятно, покажется возмутительной. Но разве не то же утверждал Пушкин?

Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там...

По прихоти своей... Вы только вдумайтесь! Собственную прихоть Пушкин объявляет высшей духовной ценностью. Розанов только лишь расширил пушкинскую формулу, распространив ее на область духовных скитаний.

Розанов демонстративно объявляет, что не собирается водить свою душу на моральном (или еще каком-нибудь) поводке, а позволяет ей «по прихоти своей скитаться здесь и там» не для того, чтобы утвердить или оправдать свой так называемый аморализм, а потому, что он очень хорошо знает свойство своей (да и любой, наверное) души в разные моменты бытия по-разному отзываться на одни и те же явления жизни. Этой декларацией он отстаивает право выражать, не смущаясь, правду своего сиюминутного чувствования, пусть даже совсем недавно он мыслил и чувствовал иначе.

«Год прошел,— отмечает он в «Опавших листьях»,— и как многие страницы «Уединенного» мне стали чужды: а отчетливо помню, что «неверного» (против состояния души) не издал ни одного звука...»

В другой раз он с гордостью записывает:

«...там, может быть, я и «дурак» (есть слухи), может быть, и «плут» (поговаривают): но только той широты мысли, неизмеримости «открывающихся горизонтов» ни у кого до меня, как у меня, не было. И «все самому пришло на ум»,— без заимствования даже йоты».

Это не тщеславие в нем говорит, а законное чувство удовлетворения от сознания своей духовной «самостийности», независимости от чьих бы то ни было (пусть самых великолепных) доктрин и идеологий.

Что же касается отношения Розанова к морали, то оно (как ни странно!) сродни отношению к этому щекотливому предмету такого сурового моралиста, как Л. Н. Толстой.

«На днях,— записал Лев Николаевич у себя в дневнике 23 ноября 1888 года,— была девушка, спрашивая (такой знакомый фальшивый вопрос!),— что мне делать, чтоб быть полезной? И, разговорившись с ней, я сам себе уяснил: великое горе, от которого страдают миллионы, это не столько то, что люди живут дурно, а то, что люди живут не по совести, не по своей совести. Люди возьмут себе за совесть чью-нибудь другую, высшую против своей, совесть (например, Христову — самое обыкновенное) и, очевидно, не в силах будучи жить по чужой совести, живут не по ней и не по своей, и живут без совести. Я барышню эту убеждал, чтобы она жила не по моей, чего она хотела, а по своей совести. А она, бедняжка, и не знает, есть ли у нее какая-нибудь своя совесть. Это великое зло. И самое нужное людям это выработать, выяснить себе свою совесть, а потом и жить по ней, а не так, как все — выбрать себе за совесть совсем чужую, недоступную и потом жить без совести и лгать, лгать, лгать, чтобы иметь вид живущего по избранной чужой совести».

Розанова роднит с Толстым именно то, что он не хотел «лгать, лгать, лгать, чтобы иметь вид живущего по избранной чужой совести», чьей бы ни была эта «чужая совесть», пусть бы даже совестью самого Иисуса Христа.

Главная беда многих сегодняшних наших искателей истины, стремящихся «сиять заставить заново» утерянные нами «высшие ценности», заключается в том, что они хотят обрести и навязать нам эти «высшие ценности», так сказать, в готовом виде.

Вот В. Непомнящий приводит знаменитые слова Достоевского: «Правда выше Пушкина, выше России, выше всего...» И тут же добавляет: «Правда

не была для него абстракцией. Достоевский веровал в Христа...»

Так, уже не только Пушкин, но и Достоевский загоняется в прокрустово ложе идеологии. Давно ли еще нам и про Достоевского твердили, что в глубине души он до конца дней оставался петрашевцем, революционером, без пяти минут большевиком? Но то, что делает с Достоевским (или с Пушкиным) Непомнящий, ей-Богу, не лучше.

Мне совершенно все равно, в какое прокрустово ложе станут загонять Пушкина — в интернационально-марксистское или в национально-православное.

Дело, впрочем, не только в Пушкине или Достоевском. Дело в том, по какому пути мы пойдем, стремясь к тому, чтобы духовная мощь России не погибла. Само собой, каждый волен тут выбирать свой путь. Но меня лично крестный ход на Красной площади, в котором участвует Председатель Верховного Совета СССР, умиляет ничуть не больше, чем ежегодный ритуал торжественных заседаний, посвященных дню рождения Ленина.

И когда прут на меня с телевизионного экрана все эти золоченые купола, кресты, ризы, панагии, благолепные бороды священнослужителей, меня охватывает то же чувство беспросветной тоски, какое охватывало меня при лицезрении мертвого ритуала былых партийных съездов с хорошо срепетированными выкриками с мест и бурными аплодисментами, переходящими в овации.

И это вовсе не потому, что я такой уж закоренелый атеист, «воинствующий безбожник». Отнюдь нет.

Просто все эти пышные церковные церемонии, призванные укрепить некогда мощную, но давно уже работающую вхолостую машину государственной пропаганды, видятся мне чем-то ненастоящим, бутафорским на фоне реальной нашей жизни — людей, мающихся в бесконечных очередях, ютящихся в хрущевских пятиэтажках и говорящих на языке, похожем на язык старой России не больше, чем румынский на древнюю латынь.

Отрекшиеся от веры отцов, говорит Непомнящий, мы должны «осознать свое отступничество — осознать и отвергнуть». То есть вернуться вспять...

В годы нэпа однажды при Ахматовой кто-то сказал, что появившиеся новые буржуа одеваются, живут, ведут себя точь-в-точь так же, как это делали богатые люди раньше, до революции.

— Вот именно как,— буркнула Ахматова.

Она хотела этим сказать, что то была жизнь. Какая ни на есть — хорошая ли, плохая, но — жизнь. А это имитация жизни. А ведь от дореволюционного времени до нэпа прошло всего несколько лет. Еще живы были прежние представления, традиции, обычаи, нравы. Еще живы и даже сравнительно молоды были люди, которые жили той жизнью и прекрасно помнили все ее оттенки, цвета, запахи, мельчайшие условности и подробности быта, любимые словечки... А сейчас, спустя семьдесят лет, и каких лет!..

Попытка вернуться в прошлое, возродить его в былых формах обречена. Того, что случилось, не избыть, не перечеркнуть. Такова правда, и никуда нам от нее не деться.

Правда выше Пушкина, выше России, выше всего, не побоялся вымолвить Достоевский.

По видимости, к нему присоединяясь, Непомнящий тут же его подправляет, потому что самая основа мысли Достоевского для него неприемлема: в ней ведь никак не меньше «кощунства», чем в злополучной фразе Бориса Васильева.

А вот Розанову это «кощунство» Достоевского пришлось (не могло не прийтись!) по душе. И он повторил его. Но по-своему, по-розановски:

«Правда выше солнца, выше неба, выше бога: ибо если и бог начинался бы не с правды — он не бог, и небо — трясина, и солнце — медная посуда».

Сергей МИКУЛИК

КАК КУЗЬМИЧ МЕСЬЕ ВАЛЕРИ ПОБЫЛ

Для начала у Кузьмича ограбили виллу. Он в принципе знал, что это может произойти, не знал только, что так скоро. Так уж было заведено в этом аристократическом квартале Яунде — заезжий миллионер обязан был обзавестись сторожем-африканцем. (Это Кузьмич-то, с его семью сотнями долларов в месяц! Сторож высасывал бы из них треть, не меньше — так эти чертовы аристократы разбаловали местное население.) Но, задерганный делами, сразу этого не сделал, и ему вскоре намекнули, по-африкански, что он не прав. Кузьмич намек понял, и в Камеруне это оценили. Признали за умного человека.

Затем он заболел малярией, но болеть ему было катастрофически некогда, и он перенес ее на ногах. Желтый весь, нашпигованный лекарствами, он мотался по стадионам страны, высматривал нужных игроков, проводил тренировки, ругался с ассистентами, согласовывал сроки сборов — все как ни в чем не бывало. И это тоже не могли не оценить. Признали за человека трудолюбивого.

Потом он собрал-таки команду, в которой играли только те, кого в ней видел он сам. Ни президент страны, ни министр по делам молодежи и спорта, ни председатель футбольной федерации, дававшие ему массу настоятельных рекомендаций,— только он. Признали жестким и принципиальным.

Ну а когда он с этой командой начал все выигрывать — сначала в Африке, а потом размахнулся и шире,— признали уже талантливым. Фантастически талантливым человеком.

Африканцам на распознание этого букета замечательных качеств Валерия Кузьмича Непомнящего понадобился ровно год. Мы же начисто отказывали ему в этом много лет и, насколько я могу судить, мало изменили свое мнение и теперь.

На итальянском чемпионате мира летом прошлого года он произвел со своей командой фурор, равный которому не сразу припомнили и старожилы футбольного мира. Шутка ли, команда маленького африканского государства, где с трудом наберется два десятка стандартных футбольных полей и на матчи национального первенства люди выходят играть босиком, вошла в восьмерку лучших и была в полушаге от попадания в четверку! Сборную Камеруна ввел парадным шагом в элиту мирового футбола человек, о котором на его родине не слышали ровным счетом ничего. Свои первые в жизни интервью он давал на французском языке.

А не будь в его жизни Камеруна, так бы запросто всю жизнь и промолчал. Кто б у нас его, интересно, интервьюировал, какого-то провинциального детского тренера? Есть же Лобановский, Бесков. Малофеев всегда что-нибудь свеженькое про искренность футбола скажет — ну и достаточно. Это же бумаги не хватит — всех по футбольным деревням опрашивать. Что он сделал-то такого, этот Непомнящий, к сорока пяти своим годам?

Но он совершал, между прочим, поступки. Дважды подавал в отставку с поста старшего тренера команды «Колхозчи» из Ашхабада, что выступала и выступает во второй лиге нашего футбола. Сам уходил, хоть и уговаривали его остаться. Первый раз — в Выс-

Фото Анатолия БОЧИНИНА

шую школу тренеров, второй и последний — к детям своим, в секцию, где мальчишки совершенно еще не знали, как пишется слово «коррупция».

Взрослый футбол толкового детского тренера отпугивал. Девятая зона второй лиги, в которую входили команды Кавказа и Средней Азии, как-то не вполне соответствовала его принципам. Ибо игры в ней большей частью не игрались, а «расписывались». Футбол ведь — как жизнь, бал на которой правят богатые. И когда Кузьмич вслед за мальчишками пришел-таки во взрослую игру, из бедных он никого выше себя не пропустил. Только «Гурию» из Ланчхути, «Котайк» из Абовяна да динамовские команды Сухуми и Батуми. С такими акулами тягаться Кузьмичу с его неиспорченной ребятней было никак не под силу.

Пробился в Высшую школу, уговорив перед отъездом в Москву ребят не разбегаться за те два года, что он будет учиться, но в школе ведь игровым премудростям — не финансовым — учат, и, вернувшись, поработав еще год, благословил повзрослевших своих мальчишек на отъезд туда, где денег наверняка не меньше, а футбола явно побольше, и набрал себе новых пацанов. И их тоже вырастил.

На это у него ушло двадцать два года жизни. Я спрашивал Непомнящего, не чувствовал ли он, что она проходит, и проходит мимо, а он отвечал, что нет. Если дважды обжегся на другой жизни — значит, она не его. А в этой, окончательно как будто избранной, он чувствовал себя на своем месте. Учил людей тому, что умел сам. И выучивал. Агашков, Анашкин, Мухадов — фамилии достаточно известные. И то, что фамилию их первого тренера никто, за редким исключением, не знал, самого тренера отнюдь не смущало. Вовсе не чувствуя себя обиженным или обделенным, он был настроен еще кое-кого нам вырастить. Но тут его взяли и отправили за границу.

Постойте-постойте. У нас же есть Лобановский, Бесков, Малофеев. Им вроде бы и карты в руки. Как же за кордоном оказался Непомнящий? А по разнарядке. Пришло «место» на республику — отправить кого-нибудь в какую-нибудь из развивающихся стран, помочь там таланты местные порастить-поискать. Задарма — а то из других стран спецы для третьего мира сильно дороги. Вот Кузьмичу и предложили скататься на пару лет помочь. Он сначала согласился, а потом спросил, куда. Жди, ответили. Наша-твоя помощь в самых разных странах понадобиться может. Учи язык и будь готов.

Он добросовестно учил. Английский, как было рекомендовано. И его, как водится, отправили через всего-то три года сидения на чемоданах во франкоязычную страну. Вместе с другим таким же незадачливым тренером, но футболистом в прошлом поизвестнее, Львом Броварским из Львова, полетели они тренировать, как было оговорено принимающей стороной, молодежную сборную Камеруна. Но то ли оговорили что-то не четко, то ли оформляли что-то не быстро — на момент их прилета бесхозной оказалась национальная сборная. И наш дуэт вместе с местным трио бывших помощников не оправдавшего надежд и расходов француза по фамилии Ле Руа с ходу бросили на работу с ней. Пять дней они впятером готовили команду к крупному международному турниру, в котором Камерун занял затем второе место. Все те игры наблюдал лично президент страны, он же частью следил и за тренировками, и он же специальным декретом назначил вскоре одного из пятерых — Непомнящего — техническим директором национальной сборной, а чтобы семьсот долларов не показались тому слишком высокой платой — еще и координатором всех сборных команд страны.

А судьбе следует покоряться. Что уж тебе на роду написано... На второй буквально день по прибытии в экзотическую страну Кузьмичу безудержно захотелось ущипнуть себя побольнее — это надо же было пролететь полмира, чтобы приземлиться аккурат в той же системе, где ни шагу нельзя ступить без подношений и где каждый мнящий себя начальником считает своим святым долгом на общественных началах руководить футболом. Камерун оказался до безобразия похож на ту страну, из которой Кузьмича выпроводили за ненадобностью. Первым словом, выученным им по-французски, было **«cadeau»** — подарок. Воистину от судьбы не уйдешь.

Кузьмич с его натурой был обречен на конфликты на новом месте. И он не уклонялся — искал их. Конфликт номер один вышел у него с генеральным секретарем президента страны — так в Камеруне именуется должность второго в государстве человека.

Непомнящий провел к тому времени уже одну игру отборочного итальянского цикла — дома против ангольцев, где едва «уполз» от поражения в самом конце игры. И второй матч — с Габоном на его поле — надо было выигрывать, ибо третий, самый главный соперник по группе — нигерийцы, стартовал очень резко и отпускать его далеко было никак нельзя. И вот за три дня до той игры Кузьмича вызвали на ночное (!) совещание под предводительством генсека, где второй человек лично продиктовал ему восемь фамилий, которые должны быть в стартовом составе. Остальных Кузьмич, он же месье Валери, мог запросто добавлять по своему усмотрению.

Не учел генсек, что месье из той же системы прибыл. А то ему в Ашхабаде состав никогда диктовать не пытались. И всегда он в ответ называл свой. Как и на этот раз. Уязвленный его строптивостью второй в Камеруне человек перенес совещание по тому же вопросу на следующую ночь, любезно предоставив Кузьмичу сутки на размышление. Непомнящего в этой ситуации беспокоил лишь один момент — как бы команда не застоялась, ведь из-за этих дурацких и таких знакомых вмешательств отлет переносился на день. А профессионалы — те, что играют во французских футбольных дивизионах,— прямиком должны прибыть в Габон, теперь уже, получается, раньше. И когда их всех «состыковывать»...

Другой ночью упертый месье Валери вконец разозлил генсека, и тот пообещал лишить его всех семисот долларов довольствия, случись только что в Габоне. Возвращенный к команде, месье сказал игрокам: «В нас не верят, поэтому мы должны выиграть». И игроки вышли биться насмерть за себя и того человека, который отстоял их перед начальством — и каким! Выиграли.

Потом месье Валери, обыгравший уже и нигерийцев и ставший немножечко великим, пошел на конфликт с народом. Да-да, взял и совершенно сознательно восстановил против себя весь Камерун.

Для окончательного попадания на финалы в Италию ему требовалось пройти команду Туниса, победителя другой отборочной африканской группы. Дома камерунцы выиграли — 2:0 — и теперь отправлялись в гости. Собрались накануне утреннего отлета в гостинице, и бдительный месье Валери засек, что два человека из команды, едва появившись, куда-то исчезли. Не ночевали. Утром они появились и, поняв, что отлучка их уже не тайна, принялись наперебой рассказывать месье, как поехали они отдать в прачечную свою форму, та оказалась закрытой, поехали искать другую — заблудились, да и машина еще сломалась. Забыли, словом, что месье из той же системы, вырос в стране восточных сказок и в Ашхабаде от ребят такого понаслушался, что камерунская версия беглецов не показалась ему даже смешной. Выпроводил грешников, вызвал ассистента и объявил, что эти двое могут возвращаться домой. Ассистенту стало дурно. Ведь один из двоих был великим М'Бидой.

Сборная Камеруна уже раз участвовала в финалах мировых первенств. Было это в 82-м. Не проиграв ни одного матча, камерунцы не прошли дальше первого этапа лишь благодаря худшей, чем у других, разнице мячей — на редкость удачно обороняясь, в трех играх провели они лишь один мяч. И забил его именно М'Бида. В ворота великого итальянского вратаря Дзоффа. Гол, правда, был плохонький, случайный — М'Бида бил после розыгрыша штрафного в правый угол. Дзофф среагировал, но мяч задел ногу защитника и тихонечко вкатился в левый, мимо беспомощного уже вратаря. Такое исполнение удара не помешало, впрочем, стать М'Биде национальным героем и оставаться им на протяжении восьми лет, пока не будет забит следующий гол. М'Бида олицетворял в стране футбол, и вот этого человека-легенду Непомнящий гнал сейчас из команды.

Придя в себя, ассистент попытался прояснить непонятливому (а еще слывущему за умного) русскому ситуацию. М'Бида — это уже не человек, это не принадлежащий самому себе, а только нации символ. Тысячи школьников писали восемь лет сочинения, в которых обещали вырасти и быть похожими на М'Биду. Полнацеления страны носит прически под М'Биду. М'Бида звонит президенту, как к себе домой, к генсеку открывает дверь ногой, а министры считают за честь побывать у него дома. Сейчас он как раз позвонит, и его оставят, а выгонят как раз нас. Это Африка, месье, и у нее свои законы. «Будем их переписывать...»

Команда съежилась от страха. Если пошарили самого, страшно сказать, М'Биду... Все знали, что человек-легенда звонил-таки президенту, а тот затем попросил к телефону месье Валери. Но команда с Непомнящим вылетела в Тунис, а великий М'Бида остался в Камеруне. «Раз мы делаем общее дело, у нас не должно быть случайных попутчиков...» В Тунисе они сделали его блестяще. И месье Валери удержался на пьедестале великого — результат-то он дал. Правда, страна еще надеялась, что тренер и игрок помирятся. И внимательно следила за развитием их отношений. Если не пол-Камеруна, то уж пол-Яунде точно видело, как М'Бида подходил к охраняемой не хуже, чем у людей, вилле Непомнящего. Чего бы не отдал любознательный народ, чтобы оказаться в тот момент внутри ее! Сторож передал затем соотечественникам слова их божества.

— Спасибо за урок, Коуч. Я все понял. Но Массинг, который был со мной, ни в чем не виноват. Это я втянул его в авантюру. Я вас прошу, попробуйте его еще раз — футболист-то с головой. Он пригодится вам в Италии, вот увидите. Дай вам всем Бог там удачи...

С того дня М'Бида и Непомнящий начали потихоньку меняться местами под камерунским солнцем.

Команду — разными, как видите, методами — месье Валери сплотил. Легенды низверглись, работа продолжалась. А с ней и конфликты. Следующий из них вышел именно с командой. Звали конфликт Роже Милла.

Первый раз Непомнящий заговорил с ним в самолете, который вез команду с Кубка Африки, из Алжира. Милла проводил там свой отпуск. Было это прошлой весной, и питомцы месье Валери отнюдь не вселили своим выступлением радости в сердца своих почитателей. Непомнящий, впрочем, считал, что невпечатляющий результат на этом этапе не страшен, он даже планировал место, далекое от пьедестала. Но вот сама игра родила некоторые сомнения. И Непомнящий поделился ими с подсевшей к нему еще одной легендой камерунского футбола. «У вас классная команда, Коуч,— услышал он в ответ на свои размышления вслух.— Не хватает двух вещей: не держится мяч при переходе к атаке и нет второго нападающего. Один Омам Бийк чемпионат мира вам не вытянет — не тот турнир, Коуч».

Каких-нибудь два-три года назад оба недостатка можно было исправить одним махом — вот он, второй форвард, рядом сидит. От Бога. При нем бы и мяч держался, и острота бы в атаке появилась. Но сейчас Роже уже тридцать восемь, еще, правда, поигрывает — но уже в общем-то для себя, последний год провел на атоллах Реюньона, а тамошний чемпионат — что первенство какой-нибудь нашей области.

Но как помощник Роже, конечно же, был хорош. И Непомнящий чуть не с трапа самолета отправился к генсеку. И узнал, что Милла в знак признания выдающихся его футбольных заслуг перед Камеруном включен в состав делегации, отправляющейся в Италию. Так что проблем нет. Кроме одной — второго нападающего. «Неужели наш Омамчик будет в одиночку биться против этих волков-защитников из Аргентины, Румынии и — ничем не хочу обидеть, месье Валери — вашей страны? Мальчику едва за двадцать. Ему бы дядьку какого-нибудь в пару... А что, по-вашему, Роже совсем уже разучился играть?..»

Два человека, отвечавшие на тот момент за камерунский футбол, решили попробовать. В тот же день Непомнящий объявил своим ассистентам, что на предитальянский сбор в Югославию поедет Роже Милла. И услышал, что это никак невозможно, потому что тогда Роже поедет один. Без команды.

Потому что футболист он, конечно, великий, хотя и это, похоже, в прошлом, но человек совершенно невозможный. Эгоист до мозга костей. Когда он был в сборной, она всегда делилась на тех, кто с ним, и тех, кто против него. Интриги, склоки, скандалы. Мы же с таким трудом создали сегодняшнюю атмосферу работы и взаимопонимания. И вы в одночасье хотите ее разрушить? Ради чего? Призрачной надежды на то, что прошлое обратимо? Кстати, тренеров он тоже ни в грош не ставит.

Непомнящий все это выслушал и повез Миллу в Югославию. Вместе с Массингом. Команда перед первой же тренировкой предъявила ему ультиматум — вместе с заносчивым Роже они на одно поле не выйдут. Уехал он в свой Реюньон — туда ему и дорога. Не надо искусственно оживлять эту скандальную мумию.

— Искусственно ничего не будет. Если этот человек — как игрок! — нам не подойдет, это будет первая и последняя его тренировка с нами. Но то, что он нам не подходит, вы должны мне доказать не разговорами, а на поле. Идите и готовьтесь. Сегодня у нас по плану двусторонняя игра — первый состав на второй,— так он сказал команде.

«В худшем случае, если ничего с Роже не получится, проверим лишний раз нашу защиту,— так думал про себя Кузьмич-психолог.— Старый он, конечно, но неординарный игрок. Да и их я раззадорил — на полную отработают».

Милла вышел вместе с другими на поле — тихий, скромный. Встал во второй состав. И — разорвал защиту первого. «Месье Валери, он, конечно, неудобный человек,— пришли повечеру ходоки.— Но, похоже, он нам очень нужен...»

Роже Непомнящий сказал, что тот отныне — один из них, но не более. И работать будет на общих основаниях. Они ударили по рукам.

С неделю Роже держал слово. Но как-то раз Непомнящему нужно было срочно уехать с тренировки, и не успел он дойти от центра поля до бровки, как услышал зычный лидерский голос. Месье Валери достаточно хорошо уже знал французский, чтобы понять, что и кому говорит его с президентом протеже. Обернувшись, он подозвал Роже жестом к себе, и между тренером и игроком состоялась педагогически изумительная беседа.

Непомнящий: «Как ты мог сказать такое тренеру, Роже?!»

Милла: «Помилуйте, Коуч, я ничего вам не говорил!»

Непомнящий: «Но мои помощники — такие же тренеры для тебя, как и я».

Милла: «Они не тренеры, Коуч. Они жалкие, завистливые люди, которые всю жизнь держались в футболе тем, что чистили мне бутсы и стирали трусы. И вот теперь, когда я чуть состарился, один из них выговаривает мне, что я дал неточный пас. А я не даю неточных пасов, Коуч. И через две недели, даст Бог, я это докажу. А если нет — извинюсь перед ними...»

...Маленькое воспоминание для футбольных гурманов. В матче Камерун — Румыния выходит на замену Милла (такая у них была с Непомнящим договоренность — усталость во втором тайме защиты уравнивала ее со старым Роже в «физике», и его превосходство в мастерстве плюс невыразимые амбиции должны были сказать свое слово) и с ходу забивает классный гол. В одиночку. Если сохранить теперь достигнутое преимущество, то Камерун первым из всех мировых футбольных стран досрочно выходит в одну восьмую. Фантастика! Но румыны бросаются отыгрываться.

В один из моментов мяч отбивается на их половину поля, и его подхватывает Милла. Вытягивает на себя одного защитника и набрасывает высокую навесную свечку на Омама Бийка. Но того в момент прыжка чуть осаживает защитник. Грамотно, профессионально — ровно настолько, чтобы он не достал мяча. И передача получается неточной.

Полмгновения Роже смотрел за мячом и понял, что Омам его не достанет. А потом побежал. Это невероятно, невозможно, нереально, но это было, и все это видели. Обогнув длинными вкрадчивыми шагами своих и чужих, он успел к собственной передаче, лишь раз дав мячу коснуться земли. Элегантный вратарь румын Лунг и по сей день не может объяснить, откуда взялся перед его воротами этот старый негр. И пробил так, будто в воротах и не было никого. «Роже, наш великий Роже!» — завопили ассистенты. Непомнящий в этот момент потирал левое плечо — уж очень сильно отдавало в нем колотившееся сердце.

Все остальное вы, собственно, видели. Видели, как работал на чемпионате с десяток команд, как пыталась работать, да жалкими оказались потуги, сборная Советского Союза и как **играла** команда Непомнящего. И на нее хотелось смотреть и думать, что жив еще футбол, что рационализм может быть отброшен в сторону, что можно радоваться на поле и радовать других. И полземли плясало ламбаду вместе с Роже Миллой.

Мы оказались в затруднительном положении. Ведь творцом этого неповторимого чуда был наш человек, о котором мы ничего не знали. Кто он, откуда? Сначала телекомментаторы сказали, что из Самарканда. Как мне объяснил сам Непомнящий, на Центральное телевидение оттуда позвонил кто-то руководящий и пожурил за незнание. Ну, как же, это же наш, самаркандский тваарищ. Ведущий в прошлом нападающий ведущей команды, отличный семьянин, любит животных, за что и был послан за границу. Передайте ему привет с исторической родины. Передали. Эфирно. На следующий день ЦТ забросали телеграммами истинные земляки Непомнящего из города Кизыл-Арвата, что под Ашхабадом: «Не отдадим! Наш, ведущий...»

И вообще, чем выше взбирался со своей командой Валерий Кузьмич, тем значительнее, героичнее становилось его прошлое. К самаркандскому «Динамо» его близко не подпускали — ну что поделаешь, если его уровня хватало лишь для армейской команды по имени «Спартак»! Но о ней же никто никогда ничего не слышал, а это не укладывалось в схему. Мало того, что Непомнящего задним числом ввели в состав — само «Динамо» в первую лигу вывели, где оно в жизни не играло! Ну, и Туркмения, надо отдать ей должное, не отставала.

Непомнящий и проиграл красиво. С каким великолепным самомнением вели камерунцы игру против англичан! И в счете вели, и наверняка удержали бы его, если бы тем только и озаботились. Но они играли. И месье Валери не мог, не смел им помешать. Он сидел сбоку и тихонечко гордился — футболом, командой, собой. Они вместе переживали звездные минуты. Холодные, рациональные англичане на этом их и поймали. Но какой бы настоящий игрок не отдал многих своих побед за такое вот прекрасное поражение?..

Погодите-погодите. А как же результат? Что для нас, советских спортсменов и их почитателей, какая-то там игра?! У нас на такие крупные турниры не играть, а обеспечивать результат люди посылаются. При помощи технико-тактических взаимодействий. Не слышали, что ли?

Да слышали, слышали. Потому-то и чуть ли не единственный неубитый наш романтик работал на том первенстве с командой другой страны. Пусть зеркально во многих ракурсах отражающей, как выяснилось, нашу, но все-таки другой. Вы помните, одного из больших футбольных начальников спросили, может ли Непомнящий взять под свое начало сборную нашей страны, благо этот пост был на тот момент вакантным. «Он никогда не тренировал команду высшей лиги» — был ответ. И комментариев он, пожалуй, не требует. Куда ему, вправду, до высшей, если он со второй два раза соскакивал! Детей, видишь ли, учить уходил. И африканцы его как дети были. Ни жестких схем тактических, ни четких построений. Так, просто в футбол играли...

«Повезло, фортуна, их недооценивали, он и сам не объяснит, как это получилось», — суммирую я общее мнение о Непомнящем в нашем советском футбольном мире, где так не любят выскочек, тем более необъяснимых. «Посмотрим,— это с явным злорадством,— что-то он дальше сотворит. Два раза камешек счастья ведь в одну воронку не заскочит». Что ж, вполне по-нашему. Когда в ноябре у Кузьмича закончился контракт и он, перестав быть месье Валери, отбыл в Союз, где до конца февраля может наслаждаться законным за два феерических года отпуском, никаких конкретных предложений в стране ему не последовало. Ни одного. Так, намекнули в российском Управлении футбола (хотя живет он, напомню, в Ашхабаде): «Приходите, коли проблемы будут. Чем-нибудь поможем».

К счастью, за границей удачливым людям не столько завидуют, сколько пытаются чему-то у них научиться. И сейчас Непомнящий в стране, где его талант (который, как выяснилось, надо еще объяснять) никому не нужен, прорабатывает кое-какие предложения. Конкретно он их пока не расшифровывает, больше из суеверия, чтобы не спугнуть удачу. Но скоро вновь уедет от нас, это точно.

И правильно сделает.

P. S. За выступление на чемпионате мира Валерий Кузьмич Непомнящий сверх причитающихся ему по контракту семисот долларов в месяц не получил ничего (кроме почетного ордена, который дает массу льгот тем, кто живет в Камеруне) — такой уж у него был контракт, в котором премиальные не оговаривались — нашей, между прочим, стороной. Правда, когда президент с генсеком давали в честь месье Валери прощальный прием, они посоветовали ему оставить в посольстве доверенность на получение своей доли от тех отчислений, что скоро должны прийти в их страну из Международной федерации футбола: они попробуют найти лазейку — кабальные условия контракта к тому времени ведь уже закончатся. Дисциплинированный месье Валери отнес бумагу в посольство, где человек, ставивший на нее печать, успокоил: «Раз контракт истек, все деньги пойдут в доход государства. Вы настоящий патриот, Валерий Кузьмич...»

КОГДА СЫТЫЙ ГОЛОДНОГО

Германия еще не знала общественного движения такого размаха. Вот уж поистине люди всех возрастов и профессий участвуют в нем: школьники и пенсионеры, рабочие и банкиры.

Только основная «тройка» — крупнейший в Европе иллюстрированный журнал «Штерн», 2-я программа телевидения — ЦДФ и самая большая благотворительная организация «Кэр-Германия»,— выступая под девизом «Поможем России!», собрала внушительную сумму: 140 миллионов марок. В Москву, в города, больше всего пострадавшие от гитлеровского нашествия — Ленинград, Киев, Минск, Харьков, Смоленск, Волгоград, Псков, Новгород, Львов, Курск,— устремились многотонные автопоезда, самолеты, корабли с продовольствием и медикаментами.

Кому предназначена гуманитарная помощь? Наиболее нуждающимся нашим согражданам: пенсионерам, получающим меньше 70 рублей в месяц, инвалидам, ветеранам войны и труда, особенно одиноким, многодетным семьям, интернатам для больных детей, детским домам, больницам, поликлиникам.

Речь идет прежде всего о «Кэр-пакетах», каждый весом 11,5 кг — 42 тысячи калорий, у немцев все точно подсчитано. В «пакете» — кофе (1 кг), какао в порошке (0,5 кг), шоколад, сахар (1 кг), рис (1 кг), сухое молоко (2 кг), растительный маргарин — 1 кг (он гораздо вкуснее и полезнее, чем наше сливочное масло), овсянка, тушенка (0,9 кг), копченая колбаса (0,5 кг), тунец в масле, сыр (0,5 кг), фруктовые консервы (1 кг)...

Что это? Неожиданный порыв души? Порыв — да, неожиданный — нет. Тут слилось все: и чувство вины за 41-й год, за зверства и опустошение огромных наших территорий; и чувство благодарности Советскому Союзу за поддержку им объединения Германии, за новую обстановку в Европе, когда можно спокойно спать и не бояться за жизнь сыновей, мужей, братьев.

— Не забывайте еще одно: немцы и русские — люди одной истории, одной культуры. Разве мало мы сделали для русской науки, а русские писатели, композиторы — для немецкой литературы и музыки? Мы искренне хотим помочь перестройке, помочь Горбачеву... И не обеднеем, слава Богу! — заявил президент «Кэр-Германия» Клаус Нёльднер.— Говорят, помощь России — что слону дробина. Мы и сами понимаем: наши посылки составят ничтожную часть ваших потребностей. Но дорог не подарок — дорога любовь, как говорится в русской пословице.

Да, дружески протянутую руку в Германии встречаешь теперь даже в... полиции. В конце декабря прошлого года, в своем репортаже из Германии, опубликованном в «Неделе», я рассказывал об эффективной работе всего-навсего семи сотрудников МВД, организовавших специальную службу — «Информационную биржу». Сотни немцев звонят сюда, предлагая свои услуги в качестве водителей конвоев, медработников, спрашивая, кому можно отправить деньги, посылку, как это лучше сделать, как пригласить русскую семью погостить. Репортаж я закончил саркастическим вопросом:

«Интересно узнать: есть ли в МВД СССР и в МВД РСФСР (России прежде всего предназначен поток помощи) подразделение, отдел, пусть даже отделение, которое занималось бы поставками продовольствия и медикаментов из-за границы, гарантируя их безопасность и неприкосновенность? Ведь уже прибыли первые самолеты, корабли, грузовики — в Ленинград, Курск, Смоленск, Москву...»

Сейчас должен признаться: впервые за многие годы своей журналистской работы я поддался настроению толпы. Ее голос звучал достаточно громко. «Иностранная помощь для России оскорбительна»,— гневно заявила группа избирателей в письмах, направленных в адрес сессии Верховного Совета СССР. «Негоже великой державе стоять с протянутой рукой!» — гневно восклицает известный политический обозреватель.

Но и страстные патриоты, и люди, трезво оценивающие роль зарубежной помощи, нередко разделяют общее настроение: «Сейчас все у нас так плохо, что посылки наверняка заполучат партсовбюрократы или дельцы теневой экономики, а тем, кто действительно остро нуждается, не достанется ничего!».

Вот примеры. Вашингтонский корреспондент весьма солидной и популярной центральной газеты пишет: «Среди американских должностных лиц существует опасение, что пожертвованное продовольствие... может не попасть к нуждающимся, а осесть у спекулянтов». И тут же читатель из Ярославля в своем письме-отклике подхватывает эту мысль: «Я думаю, что они (американские должностные лица.— **Прим. ред.**) правы. У нас многие такого же мнения». Значит, присылать продукты пенсионерам, детям не надо?

Читатель из Московской области другой солидной, но менее популярной центральной газеты тоже абсолютно уверен в своей правоте. Охарактеризовав подарки как «милостыню», он заявляет: «Не говорю за весь советский народ (за него и так говорят очень и очень многие), но лично я процентов на девяносто девять уверен, что эти «подарки» простым советским людям не попадут».

Так здоровый скепсис превращается в массовый психоз недоверия, в комплекс подозрительности. Честно говоря, этому психозу поддался и я сам, потому и задал МВД ядовитый вопрос. Но перед второй поездкой в Германию — в январе — решил все же побывать в МВД СССР, чтобы удостовериться в своей правоте. И... был посрамлен!

Провел я в министерстве несколько часов. Принимали меня поочередно генералы Иван Шилов — первый заместитель министра, Вячеслав Рунышков — начальник Главного управления БХСС, и Николай Соболь — первый его заместитель. Они представили весьма убедительные документы. В стране установлен четкий и строгий «Порядок приема, учета, транспортировки, охраны, складирования и распределения товаров и медикаментов, поступающих в СССР из зарубежных стран в виде гуманитарной помощи» — так называ-

ПРОШУ СЛОВА

ется документ, утвержденный еще 7 декабря прошлого года распоряжением Совета Министров СССР.

В образованный при правительстве Оперативный штаб вошли представители всех министерств и ведомств, причастных к этому важному делу: внутренних дел, Комитета госбезопасности, здравоохранения, путей сообщения, гражданской авиации, таможенной службы и других. Оперативные штабы созданы в МВД СССР и министерствах союзных республик.

Каждый конвой автопоездов с гуманитарной помощью, как и каждый корабль, самолет, встречают на границе и сопровождают до места назначения транспортная милиция, оперативники других служб и КГБ, журналисты. Как эстафету от одной области к другой, конвой берут под охрану местная милиция, журналисты областных газет и телевидения. Сведения о поступлении и прохождении грузов закладываются в компьютер, ежедневная сводка докладывается министру внутренних дел. К 15 января сотрудниками милиции проконтролированы 1244 партии грузов общим весом более 42 тысяч тонн.

А распределение происходит под контролем не только милиции и КГБ, но и общественности, депутатов местных Советов, представителей Комитета ветеранов войны и труда, общества Красного Креста, Советского детского фонда...

Наиболее подготовленным к приемке и справедливому распределению помощи оказался Советский фонд милосердия и здоровья (президент — академик А. Н. Яковлев, председатель правления — народный депутат СССР профессор В. В. Меньшиков). Это основной партнер благотворительной организации «Кэр-Германия». 13 республиканских фондов милосердия, отделения во всех краевых и областных центрах, группы содействия почти в 4000 районных центрах, тысячи инициативных групп на предприятиях, в учреждениях, институтах, 60 тысяч добровольных помощников — словом, сеть внушительная и, что особенно важно, объединяющая не просто энтузиастов, а компетентных людей.

Ну а что же милиция, КГБ, журналисты? Эффективны ли их усилия? Да, на этот вопрос можно ответить утвердительно.

Со 2 декабря прошлого года по 10 января этого зарегистрировано 11 корыстных преступлений, половина краж — на совести несовершеннолетних.

Во Владимир из Германии доставили 249 коробок с одеждой и 42 — с продуктами. Все свалили в неохраняемое подвальное помещение школы № 33, куда через окно проникли семь подростков — учащихся техникума, СПТУ и др. Украденные ими вещи и продукты изъяты. Ведется расследование.

В Ленинграде учащиеся ПТУ через форточку пробрались в здание школы, где хранились посылки с вещами и продуктами, и четыре коробки утащили.

Во Львове восьмиклассник и шестиклассник, взломав дверные запоры, похитили со склада дома для престарелых разные товары и продукты, поступившие из Германии, на сумму ни много ни мало — около 4500 рублей. Похищенное изъято, возбуждено уголовное дело.

По линии гуманитарной помощи в НИИ медицинской радиологии, что расположен в поселке Аксаковщина Минской области, прибыл ценный груз. Дежурный кочегар института, перепилив решетку окна, проник в склад и выбросил на улицу несколько коробок с промтоварами и продуктами. Кочегар был застигнут на месте совершения преступления нарядом милиции. Проводится проверка, решается вопрос о возбуждении уголовного дела (сумма похищенного незначительна).

Рабочий совхоза «Семково» и 14-летний подросток из автомашины Э. Цельмер, которая в составе группы немецких христиан-баптистов доставила подарки в Минскую евангелистскую церковь, украли 200 марок, четыре магнитофонные кассеты, фонарик и документы — всего на 450 марок. Похищенное изъято и возвращено Э. Цельмер.

Выделяются два хищения с использованием служебного положения. Дело было так.

В Перовском районе Москвы председатель отделения общества Красного Креста, две медсестры и другие работники — всего более 10 человек — украли продукты, поступившие в порядке гуманитарной помощи. В ходе обысков изъяты кофе, печенье, шоколад, мясные консервы. Расследование продолжается.

В Пскове возбуждено уголовное дело в отношении председателя Общества инвалидов одного из микрорайонов. Получив для инвалидов 107 посылок с вещами из Германии, председатель (женщина) похитила 6 курток, 14 пар брюк, 6 юбок, 20 рубашек и другое — всего 146 вещей. Похищенное изъято при обыске и оценено более чем в пять тысяч рублей.

Обнаружена и одна «недостача». Представитель газеты «Житомирский вестник» получил для доставки на складе аэропорта «Шереметьево-2» сухое молоко из Японии. Согласно накладной должно было быть 172 места общим весом 1549 килограммов. Фактически же выдали 134 места — 1010 килограммов. По другой накладной числятся 93 места — 909 килограммов, а отпущено со склада аэропорта 24 места — 210 килограммов. Таким образом, «недостача» составила 107 мест общим весом 1238 килограммов. Надо вообще отметить — пресса уже не раз писала об этом,— что в «Шереметьево-2» и вокруг него криминогенная атмосфера.

И все же, все же на фоне лавинообразного, катастрофического роста преступности в стране цифра «11» вполне «благополучна», хотя даже одно-единственное хищение позорит нас, наносит моральный ущерб государству и его правоохранительным органам.

Правда, не только голь на выдумки хитра. Так, в результате вмешательства органов внутренних дел пресечена попытка контрабандного провоза в СССР мужской и женской одежды и обуви на сумму 47 тысяч долларов. Товары эти следовали из Польши под видом гуманитарной помощи для латвийско-панамского совместного предприятия «Импульс-Ми» в Риге. В итоге за груз импортных товаров, доставленных по контракту, уплачена таможенная пошлина в размере 87 тысяч рублей. Хороший импульс для «Импульса-Ми»! Впредь не будет залезать в и без того тощий государственный карман.

Появились и спекулянты, которые жаждут нагреть руки на импортных товарах, присланных бесплатно. Иностранные одежда и обувь, продукты в яркой упаковке раскупаются словно горячие пирожки. Стоимость одного «Кэр-пакета» — 50 германских марок, по курсу «черного» рынка в Москве — примерно 550—700 рублей. Может, кому-то из пенсионеров, инвалидов и выгодно продать часть продуктов...

Досадно, конечно, и стыдно. Но не будем судить бедствующих, все это — лишь мелкие камни на широкой дороге от немцев к русским, от человека к человеку, от сердца к сердцу.

В заключение еще несколько слов о том, как воспринимается иными урапатриотами иностранная помощь.

Стыдно нам за нее? Нет, скорее обидно, что такая держава не может прокормить сама себя — и это-то при наших земельных и прочих богатствах. Но пренебрежительное, высокомерно-шовинистическое отношение к гуманитарной помощи свидетельствует лишь о невежестве и групповом эгоизме.

Один видный государственный деятель, занимающий ключевую позицию в средствах массовой информации, отозвался о помощи так:

— И чего об этих посылках шуметь на всю страну? Подумаешь, какая важность! Сколько, говоришь, поставили уже? 42 тысячи тонн? Да одна Москва съедает за сутки 21 тысячу тонн. Так что «пшик» вся эта помощь, жест, глаза нам замазать хотят...

А ведь трагично, что у нас такие деятели, которые не умеют считать ни как экономисты, ни как политики!

«21 тысячу тонн съедает за сутки Москва». Не знаю, верна ли цифра, но если даже верна — что́ съедает? Хлеб, картошку, капусту или копченую колбасу, тушенку, сыр, молоко, шоколад, растительный маргарин? Знает ли наш барин, что, например, в подмосковном Томилине на человека в месяц положено 150 граммов сливочного масла? Так что, по данной позиции, одного «Кэр-пакета» хватит на полгода, а если сравнить с другими нормами, то «Кэр-пакет» — это питание месяца на три. При нашей-то продуктовой бедности бросаться таким добром преступно.

Но еще важнее эта помощь как добрый, еще 5—10 лет назад невозможный сигнал сердечного, соседского отношения к нашей стране, которого не надо бояться, но надо помогать. И уже не возопит шпрингеровская пресса о том, что всякая помощь нам означает «стратегическое усиление красных», «позволяет выделить больше средств для гигантской военной машины России».

Теперь прежде печально известная шпрингеровская «Бильд» (тираж — 6 миллионов экземпляров, самый большой в Германии) вместе с 1-й программой телевидения — АРД и журналом «Хёр цу» сама проводит акцию помощи под девизом «Сердце для России». «Новое мышление», видно, доходит до сознания миллионов людей на Западе гораздо раньше, чем до закосневших государственных деятелей у нас, живущих старыми представлениями, исповедующих догматические взгляды.

«Если тебя хвалит противник...» — любят такие догматики приводить слова немецкого политика. Да в том-то и дело, что миллионы немцев (немцев, а не французов!), участвующих в беспрецедентном общественном движении помощи России,— уже нам не противник. Как и Советский Союз не противник объединенной Германии, а сосед по общеевропейскому дому, партнер, в чем-то компаньон, друг, которому временно нужна помощь. И простые немцы это хорошо понимают. Во всяком случае, лучше, чем некоторые наши государственные деятели.

Виталий СЫРОКОМСКИЙ,
председатель Комиссии по связям с советскими и зарубежными средствами массовой информации Советского фонда милосердия и здоровья

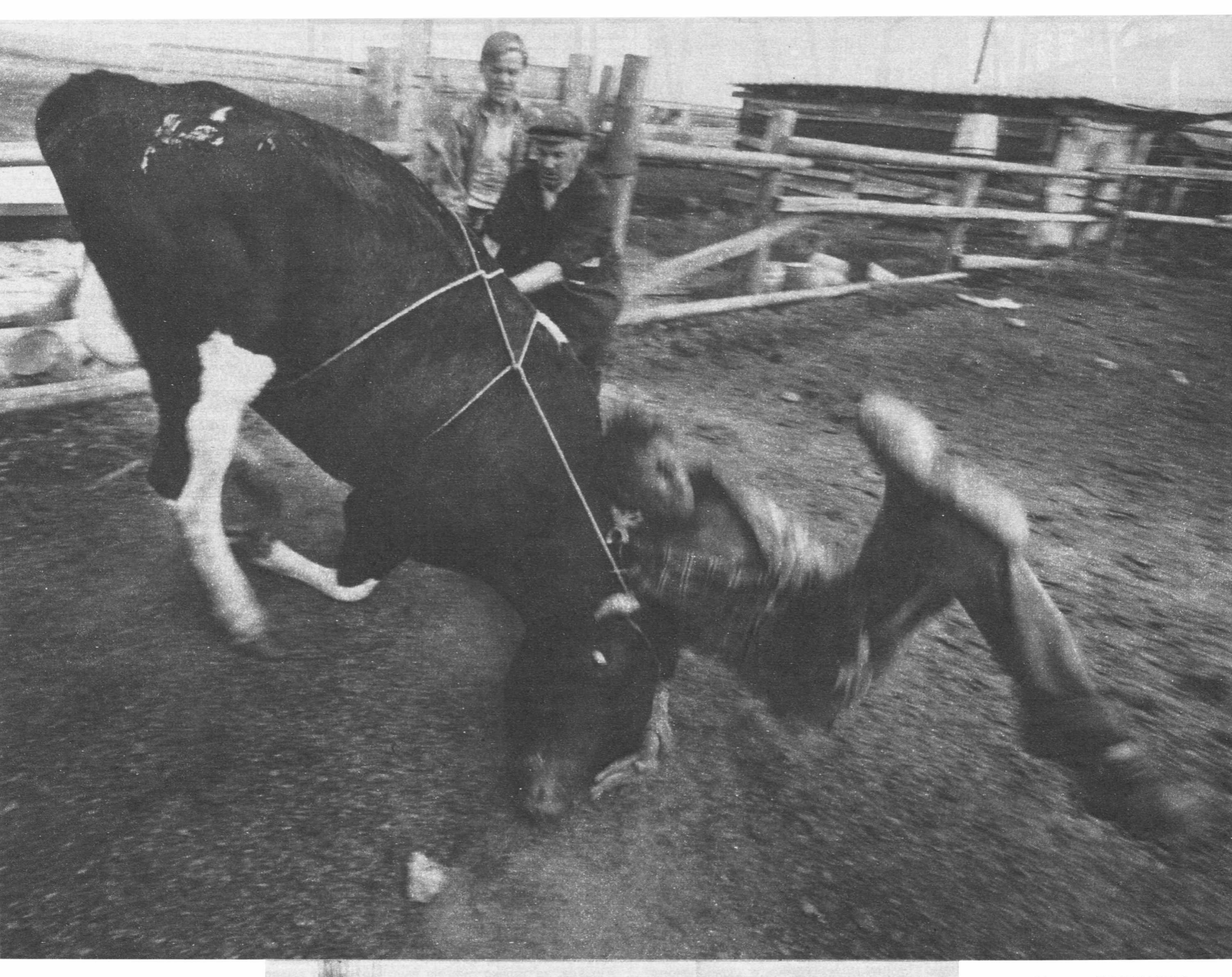

Фото Игоря ЛАГУНОВА

СЕЛЬСКИЙ ТОРЕАДОР

СТОП-КАДР

Тореадор, смелее в бой! Пусть на тебе мятая ковбойка из сельпо и разбитые боты и никто на тебя не смотрит и не аплодирует тебе — ты-то знаешь, что у всех быков в мире норов одинаковый. А у этого еще и покруче...

Юлия ВЕРНИКОВСКАЯ

ВСЕ У НАС ПОЛУЧИТСЯ

Начало на стр. 12.

банки. Естественно, каждый из них стал бы покупать и продавать деньги на свой риск и страх, кредитные и депозитные ставки зависели бы от спроса на деньги. Однако своим Указом Президент сам определил плату по вкладам, а Госбанк СССР в развитие Указа установил и единую плату за кредит. Денежный рынок кончился, не начавшись. Кстати, и наши с вами сбережения теперь худо защищены: лишь через много лет вкладчикам будут платить 9 процентов годовых, тогда как деньги обесцениваются на глазах. Коммерческие же банки вынуждены увеличивать плату по вкладам в меру инфляции. Иначе кто им доверит свои наличные — сдал дорогие деньги, а получил побольше, но дешевых, в итоге проиграл.

В довершение банковских лжереформ «в исключительных случаях» Президент может разрешать краткосрочные кредиты из Госбанка СССР для бюджетных нужд. Так не годится, при нынешних-то дефицитах бюджета исключение быстренько станет правилом, а Госбанк опять будет филиалом Министерства финансов. Если бюджет не стыкуется, пусть Минфин, союзный или республиканский, берет ссуды в коммерческих банках как обычный клиент по договорной плате.

Наконец, еще одна импровизация: центр вводит «льготные кредиты для стимулирования хозяйственной деятельности в интересах государства». Но коммерческие банки знать не знают каких-то клиентов с особыми правами — этот, видите ли, аграрий, тот намерен выпускать потребительские товары. Для банка все равны, у него одна цель — делать деньги. А желает государство поддерживать кого бы то ни было, пусть возмещает коммерческим банкам не сам кредит, а плату за него, частично или полностью.

Как видим, каждым пунктом своей финансовой политики центр препятствует формированию рынка денег, рынка капиталов. Трудно предположить, что с такой программой он выиграет у республик банковскую войну.

СУДЬБА ИДЕЙКИ-ПОДКИДЫША

Это было удручающее зрелище, хоть телевизор вырубай. Обычно подтянутого, ровного в обращении Сергея Станкевича было трудно узнать. Мешки под глазами, измотанный бессонницей, он уговаривал депутатов: не чинитесь, смирите гордыню, идите и сопровождайте каждую машину с продуктами — пусть при вас загрузят на базе и разгрузят в магазине, а не то все разворуют. Сергей Борисович, дорогой наш Сережа (по возрасту я, наверное, могу вас так назвать), да что же вы делаете с собою, с депутатами, со всеми нами? Если магазинная цена мяса два рубля, а на соседнем базаре оно стоит тридцатку, то никакая сила не остановит перекупщика. Неужто не ясно?

Нет, оказывается. В конце декабря Моссовет установил предельную цену мяса на рынках столицы — 15 рублей за кило. Где директора восприняли приказ всерьез, там продают с прилавка 15-рублевые кости, а мякоть — тайно. Нажмете еще — товар исчезнет. Все это уже было. Лет двадцать назад Госкомцен в порядке эксперимента вводил на ленинградских рынках предельные цены и получил пустые торговые ряды. От продолжения опыта тогда благоразумно отказались.

По новому закону о борьбе со спекуляцией перекупщикам грозит тюрьма до десяти лет с конфискацией имущества, за сокрытие товара от покупателей — до трех лет. Опять не новость. По ленинскому декрету 1918 года спекулянтов расстреливали на месте, а вслед за тем голод довел страну до случаев людоедства. Из глубины веков дошло до нас мудрое предостережение: в те времена и у тех народов, где существовали самые свирепые законы, совершались и самые бесчеловечные преступления, ибо дух жестокости, который водил рукою законодателя, направлял и руку разбойника и отцеубийцы.

Но что нам чужие мыслители и собственный опыт? Каждый новый правитель начинает словно бы с нуля. Перед ним огромная страна с древней историей, мучительными поисками и неудачами, а для него это всего лишь табула раза, чистые скрижали — забудьте, что было до меня, теперь я буду законы писать и всех осчастливлю, а кто не будет счастливым, того в бараний рог.

На отлов спекулянтов мобилизованы тайная полиция, МВД, создаются какие-то «временные подразделения» (надеюсь, пока без тактического ядерного оружия). Но Президент ставит вопрос шире: «Товары уходят на сторону. Надо повести с этим решительную борьбу, подключив к ней весь народ». Не совсем, правда, понятно, кто же станет производить товары, когда «весь народ» будет занят борьбой.

Делайте со мной что хотите, но я открою одну государственную тайну: товары исчезли не оттого, что внезапно испортилась человеческая порода,— просто правительство напечатало слишком много денег. И пока масса денег, умноженная на их оборот, не уравновесится с массой товаров, помноженных на их цену, вы можете ставить страну хоть на уши, а торговать будут из подсобок. Вот такой у меня могучий дар предвидения. А сверх того я наделен исключительными организаторскими способностями — берусь за один день обеспечить изобилие мяса в магазинах без подмоги экономистов в штатском. Не верите? Напрасно. Назначу цену по сто рублей за килограмм — пожалуйста, наслаждайтесь достатком. Вот чего не умею, так это определить в точности, в каком городе, в какой день и час цена станет равновесной, то есть чтобы товар не расхватали мгновенно и в то же время он не протух на прилавках. Это умеет только рынок. Так выпустите цены на свободу, и товары появятся. Как появились они в поверженной Германии, когда по плану Эрхарда там либерализовали цены, замороженные гитлеровским руководством в ноябре 1936 года. Как появились они в Польше в результате знаменитой шоковой терапии.

Да, не вся мудрость в свободных ценах. Нужны приватизация собственности, свобода предпринимательства, антимонопольные законы и многое другое. Я хочу лишь сказать, что либерализация цен должна предшествовать всем прочим мерам или хотя бы идти ноздря в ноздрю с ними.

ЛЮДИ, ЗАНЯТЫЕ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЕ, МОГУТ И ОБЯЗАНЫ ЗАЩИЩАТЬ СЕБЯ САМИ, СВОИМ ТРУДОМ. ВСЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЗАРПЛАТЫ ЗДЕСЬ НАДО СНЯТЬ, ЛИШЬ БЫ ДЕНЬГИ БЫЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗАРАБОТАНЫ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ МЫ УСИЛИМ СПАД ПРОИЗВОДСТВА. РЫНОК ПОБУЖДАЕТ К ТРУДУ. НЕ УМЕЕШЬ — НАУЧИТ, НЕ ЗАХОЧЕШЬ — ЗАСТАВИТ. И ДЕЛАЕТ ЭТО УСПЕШНЕЕ, НЕЖЕЛИ «ЖЕСТКИЙ КОНТРОЛЬ ЗА МЕРОЙ ТРУДА И МЕРОЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ».

А не так, как рассудил центр: давайте сперва оздоровим финансы, стабилизируем экономику в целом и торговлю в частности, а после на досуге подумаем и о ценах. Еще в позапрошлом году академик Л. Абалкин брался таким способом за пятнадцать месяцев вывести экономику из кризиса. Не вывел. Не преуспеет в том и Президент с его почти ленинским девизом «Все на борьбу со спекулянтом!».

На экономическом совещании в ноябре 1989 года М. Горбачев упрекнул меня: «У Селюнина все проще. Он говорит, что рынок сам за месяц все поставит на место». Положим, таких глупостей я не говорил, а вот дальше будущий Президент возразил по существу: «Я знаю лишь одно, что за две недели такой «рынок» выведет весь народ на улицы и сметет любое правительство, как бы ни клялось оно в верности народу». Прошло время, и кто же был прав? Сегодня не какие-то там вшивые экстремисты, а заместитель председателя Госкомцен СССР А. Комин признает: «С реформой цен мы запоздали на три года». На те три года, когда мы начали, по любимому присловию М. Горбачева, подбрасывать ему идейки на сей счет. С негодованием отметая их, правительство все равно впало в паралич, но, раньше чем потерять бразды правления, успело напечатать новые груды пустых денег. Теперь отпускать цены труднее, потому что в согласии с классическим законом равновесия денежной и товарной массы рост цен будет много круче. А когда завершится пшиком крестовый поход на спекулянта, условия для либерализации цен будут еще тяжелее. Отвечать за свою некомпетентность центру так и так предстоит, а потому надо ли жить по правилу «день, да мой»?

Ведь в запасе и дня нету. Вопрос стоит ребром: что для страны, для правительства, для Президента опаснее — пустые магазины при формальной стабильности цен или насыщенная торговля при их росте? Табачные и голодные бунты ответ дали, а то ли еще будет...

Отлично сознаю, сколь невыгодна моя позиция — ратовать за меры, ведущие к дороговизне. Что ж, популярности не ищу, но одно знаю твердо: рост цен необязательно снижает уровень жизни — раньше надо посмотреть, в каком темпе прибывают денежные доходы и оправданы ли они. Это понимают немногие. Вот Б. Ельцин со своей командой сделал на удивление мало ошибок, и все в общем-то поправимые, однако с ценами уперся: рост их недопустим. Тогда дела не будет. Действительно, средняя зарплата по стране — около 210 рублей. Подсуетившись, я заработаю и триста, и пятьсот, только зачем, когда на них нечего купить? Лучше я буду бегать по очередям, авось что и отхвачу по дешевке. Но дешевизна-то мнимая. Государство недоплачивает усредненному работнику около 80 рублей ежемесячно и расходует эти деньги для поддержания низких цен на продукты. Изловчился купить товар по госцене — вот тебе за это премия из дотационного фонда. Убей меня Бог лопатой, но нельзя платить человеку за то, что он ест много мяса и пьет много молока. Кто работает, тот пусть получает за результаты труда. Тогда — вон он в витрине посверкивает, красненький «Жигуленок», хочу такой. Стоит 60-месячную среднюю зарплату? Все равно хочу, буду день и ночь работать. А экономике того и надо: отец богатства — труд.

Иначе будут разговоры в пользу бедных. Вы заметили, читатель, как партсугубо народа сменили тон? Раньше оберегали подопечных от собственности (самим нужна), сегодня остерегают от рынка. Кто горше всех плачет об участи трудящихся? Кто грудью встал на защиту сирых и убогих? Они, родимые. Столько слез и соплей напустили в общество, что теперь и здравомыслящие лидеры не рискуют отстать в посулах. Вот и в программе «500 дней», принятой в России за основу реформ, раздел о социальной защите написан очень социалистической рукой. Всем гражданам немедленно обещан прожиточный минимум — свыше 105 рублей в ценах 1988 года. Он обеспечит удовлетворение физиологических потребностей, а сверх того всестороннее развитие личности, медицинское обслуживание, возможность содержать нетрудоспособных членов семьи. Предусмотрены обильные пособия по безработице в течение полутора лет (Америка побогаче нас, но там пособие платят полгода). Следом прокламировано право на труд, право на жилище, будто эти блага можно вытащить, как кролика из шляпы. Словом, обычный партийный треп, напоминающий соцобязательство Хрущева построить коммунизм к 1980 году.

Свежеиспеченный вице-президент с опозданием вспомнил о функциях профсоюзов, начальником которых он был, и на новом посту обещает воздать нам сторицей: всем и каждому будут, видите ли, индексированы доходы в меру роста цен. Мировой опыт доказал гибельность тотальной индексации. Есть страны, где она запрещена законом, ибо приносит лишь гиперинфляцию, всеобщую апатию, лень. Да, нам придется индексировать пенсии, стипендии, пособия. Не избежать оной меры в отношении государственных служащих — не пойдет, к примеру, учитель подрабатывать вечерами, ему надо тетрадки проверять. Однако занятые в производственной сфере могут и обязаны защищать себя сами, своим трудом. Разумеется, все ограничения зарплаты здесь надо снять, лишь бы деньги были действительно заработаны. В противном случае мы усилим спад производства. Сурово? Но зато рынок побуждает к труду. Не умеешь — научит, не хочешь — заставит. И сделает это успешнее, нежели изобретенный Лениным и повторенный в новой антикризисной программе «жесткий контроль за мерой труда и мерой потребления».

* * *

Такова, по моему разумению, единственно реалистичная программа выхода из экономического и политического кризиса. По всем ключевым пунктам она противостоит планам, предписанным центром. Меры, которые я предлагаю, многим покажутся пугающе необычными, чересчур крутыми, но ведь и ситуация неординарна. Время жмет на все железки, выбора просто нет. Надо делать — и все получится. Слишком оптимистично? Что ж, мы перестанем быть оптимистами только в гробу. Помирать же мы с вами не намерены, у нас совсем другие планы.

Детский уголок

Рубрику ведет
Григорий ОСТЕР.
Рисовал
Валерий ДМИТРЮК.

Уважаемые родители! Хочу обратить ваше внимание на одно удивительное явление природы. С каждым днем все быстрее и быстрее пустеют полки наших продовольственных и промтоварных магазинов, а полки книжных остаются полны. Просто ломятся эти полки от массы никому не нужных книг. Чего там только нет! Все, кроме того, что хотелось бы купить. И в то же время нет такого издательства, которое не жаловалось бы на отсутствие бумаги.

Трудно это понять. И детям никак не объяснишь. Во всех остальных

Нат. ИЩУК

НАСТОЯЩИЙ ДЕ-МОН-ТАЖ

Надежда Петровна
Вздыхает и сетует:
— С Гуськовым пора
Разобраться как следует...
Гуськов не умеет
Склонять и спрягать,
Делить, пересказывать,
в ногу шагать.
К труду приучался бы
Хоть понемножку —
Небось не умеет
Почистить картошку!
— Прекрасно! —
кричит Малярова.—
Ура!
С Гуськовым давно
Разобраться пора!
Давайте его
в назидание прочим
Сперва разберем,
а потом пропесочим!
...Гляжу на Гуськова,
И жарко мне аж:
Ему настоящий
Грозит
ДЕ-МОН-ТАЖ!
Ну, винтики смажем,
Шарниры протрем,
Но как же его
мы опять соберем?
Ведь это не то,
Что склонять и спрягать,
Делить, пересказывать,
В ногу шагать!
Не то что почистить
Картошку сырую...
А вдруг соберем
Малярову —
вторую?!

ЗАПИСАЛИ!

Нам сказала Надежда Петровна:
— Как сидите вы в классе!
Неровно!
Кто под парту, к примеру,
начнет залезать,
Того надо скорей
записать!
Малярова меня записала —
Я на чтении ручку сосала.
Фалалеев зевает, гляжу,
Фалалеева
я
запишу!
А Гуськов записал Малярову:
«Малевала в тетради корову».
Фалалеев теперь не зевал —
Записал:
«Гусь резинку жевал».
Кому стричься пора,
Кому мыться —
Пишет новенькая ученица.
Получается складно и ровно...

Записала Надежда Петровна
В самой важной из толстых
тетрадок:
«Все записаны. В классе порядок».
Вот по школе идет
и не дышит —
Вдруг ее
сам директор
запишет!

О. и К. СОЛОВЬЕВЫ

КАК СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ РЕКОРД УСТАНАВЛИВАЛ

НЕБЫЛИЦА

По небу летел самолет. А в нем Семыкин Сергей Иванович, пилот I класса, летел рекорд устанавливать. Рекорд такой: кто выше залетит, тот и молодец.

Сергей Иванович уже высоко-высоко залетел. Осталось только одну тучу пролететь насквозь.

И только Сергей Иванович доложил на землю: «Вхожу в тучу»,— как чувствует: нет, не входит. Туча не пускает.

Докладывает Сергей Иванович снова на землю:

— Рекорд поставить не могу. Туча мешает.

На земле доложили генералу.

Генерал разволновался, вызвал к себе полковника.

— Ну-ка,— говорит,— товарищ полковник, шандарахните тучу ракетой.

Полковник — человек военный. Сразу все понял. Сказал «есть», вызвал капитана и приказывает:

— Садануть!

Капитан одной рукой честь отдает, а другой уже сержанту машет.

— Наводи! Сейчас жахнем.

Сержант тоже честь отдал и спрашивает:

— Заряженной ракетой будем жахать, товарищ капитан?

— Ты наводи,— говорит капитан,— а мы сейчас разберемся.

И к полковнику пошел. Полковник — к генералу. А генерал выслушал вопрос и как закричит:

— Всех разжалую! Заряженной хрястнуть, заряженной!

Скатилось распоряжение к сержанту. Тот снова честь отдал и говорит:

— Так взорвется же.

— Отставить разговоры,— приказал капитан и опять к полковнику.

А полковник уже не знает, как и докладывать: так и так, говорит, но сержант утверждает, что ракета взорвется.

Генерал подзорной трубой помахал и спокойно говорит:

— Сержанта на гауптвахту посадить, а вы, товарищ майор, идите и приказание исполняйте.

Повернулся бывший полковник к капитану, передал приказание и добавил: «Товарищ младший лейтенант».

Вот ходит генерал от адъютанта к адъютанту: то в бинокль посмотрит, как летчик Сергей Иванович в тучу тыкается, то в подзорную трубу, а ракеты все нет и нет. Вызывает полковника. А тот уже в новых погонах и к генералу близко не подходит. Издалека докладывает, чтобы убежать в случае чего можно было: сержант, как приказано, на гауптвахте сидит, а ракета не взлетает, потому что навести теперь некому.

Тут младший лейтенант правильное решение предложил:

— Давайте мы сержанта на пять минут с гауптвахты отпустим. Он нам ракету наведет. А потом мы его опять посадим. За пререкания.

Обнял генерал младшего лейтенанта, расцеловал три раза, снял с бывшего полковника погоны и ему отдал:

— Командуйте, товарищ майор.

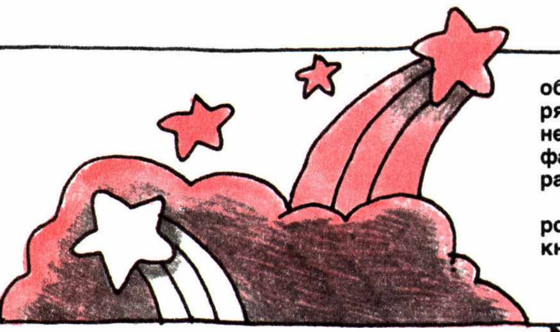
Выпустили сержанта, приказали наводить, а майор от радости вместо «огонь» скомандовал:

— Пожар!

Ударили пожарную тревогу, всех срочно эвакуировали, а ракету стали водой поливать из трех машин.

Генерал разбушевался, посрывал со всех погоны, а майорские опять полковнику отдал.

«Ну, уж я-то так не опозорюсь»,— подумал полковник, воздуху набрал побольше и задумался, что надо командовать: «огонь» или «пламя»?

областях торговли у нас все в порядке. Дефицит так дефицит. Ничего нет, так ничего и нет. А тут какая-то фантастика. Вроде все есть, а все равно ничего нет. Загадка природы.

Сегодня мы представляем авторов, чьи книги не лежат на полках книжных магазинов.

А время идет, кислород кончается, сержанту пора на гауптвахту.

Тут генерал не выдержал, подбежал к ракете:

— Пли!..

Но она не полетела, потому что отсырела. Завалилась ракета на бок и стала дымить — вот-вот взорвется! Все тут чистые рубахи надели и стали друг с другом прощаться. Генерал прощения попросил, кого обидел, а один адъютант заплакал скупой мужской слезой.

Генерал даже рассердился.

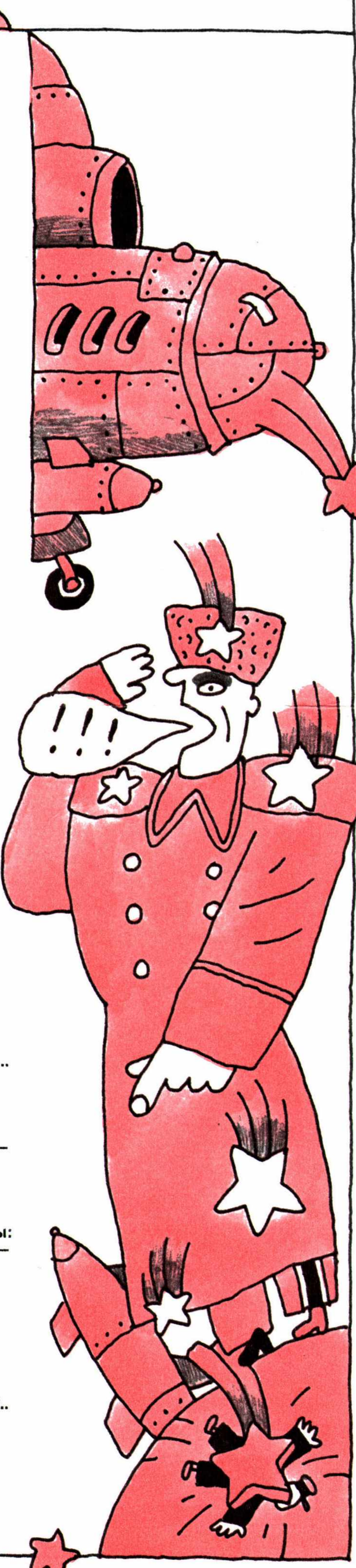
— Перестаньте капать,— говорит,— своей слезой на мою чистую рубаху. Нюня вы, не адъютант.

А это не слеза была, а капля. Летчик Сергей Иванович дырку в туче все-таки проткнул. Вот дождь и пошел. Да такой сильный, что в пять минут ракету потушил — и она не взорвалась.

Увидел летчик Сергей Иванович, что туча все меньше и меньше становится, и выскочил с ходу в безвоздушное пространство. И сейчас же домой, на аэродром.

А там его уже встречают генерал с адъютантами, полковник, капитан и три машины пожарные с цветами. Наградили Сергея Ивановича за такой рекорд медалью. И капитану с полковником тоже дали по медали. И адъютантам, и пожарникам. А самую большую медаль дали генералу, потому что он всеми руководил.

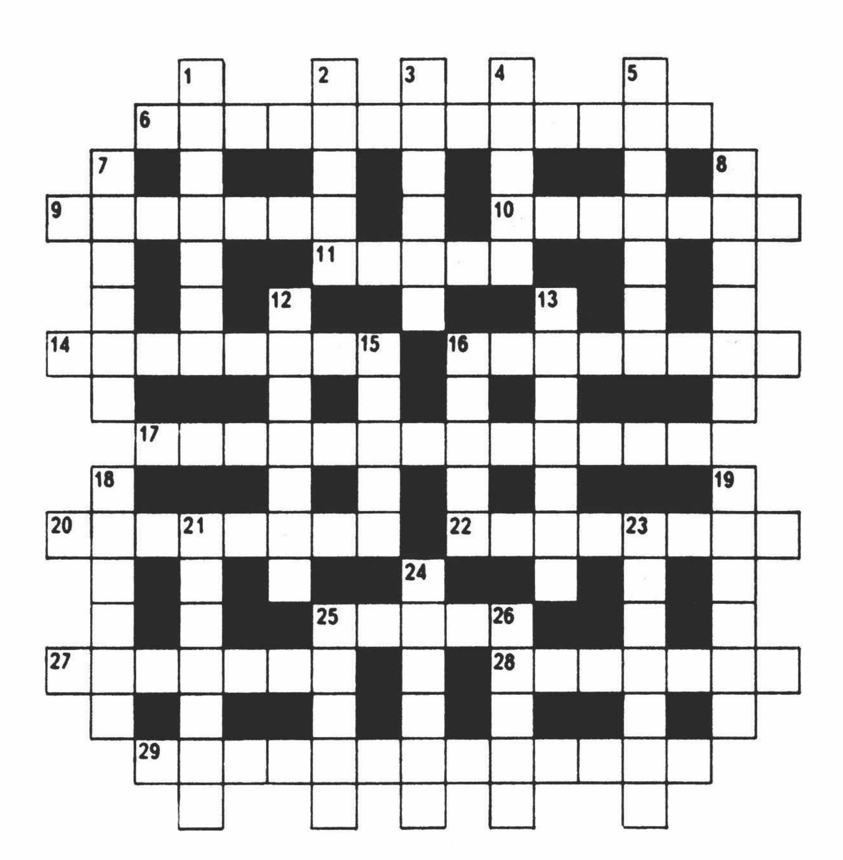
Только адъютанту, который плакал, не дали медаль. И сержанту не дали, чтобы действий начальства не обсуждал. Но он все равно был рад: его в суматохе забыли обратно на гауптвахту посадить.

Алексей ДМИТРИЕВ

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

Я с детства хулиганом быть мечтал
И книжки хулиганские читал.
Словарь бандитский выучил до точки...
Сам у себя отняв велосипед,
Я бил себя и получал в ответ,
И сам себе прикладывал примочки.
У дяди Гриши взял один урок,
И он сказал, что в парне будет прок,—
Осталось лишь немного подучиться.
Я так хотел... Но на второй урок
Я к дяде Грише выбраться не смог —
Меня не отпустили из больницы.
И врач тогда кричал мне сквозь бинты:
— Скорей забудь про детские мечты —
Стань космонавтом или капитаном!
Но я ему ответил: «Не хочу!
Мне трудности любые по плечу —
Поверьте мне, я буду хулиганом!»
От слов таких заплакал врач-старик
И головой ученою поник:
— Открою тайну — ведь и я когда-то
Быть хулиганом, в сущности, мечтал.
А кем я стал? Взгляните, кем я стал?..
И слезы вытер рукавом халата.
...Я из больницы вышел через год
И стал тренироваться. Только вот
Не получалось как-то хулиганить:
То непогода, то воскресный день,
То поздно, то темно, то просто лень,
То самому не хочется буянить.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Раздел математики. 9. Порода охотничьих собак. 10. Мотив, напев. 11. Курорт в Краснодарском крае. 14. Сосуд для содержания водных животных и растений. 16. Озеро в Белоруссии и Литве. 17. Наука о вымерших животных и растениях. 20. Испанский живописец XVII века. 22. Скульптор, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда. 25. Рыба семейства карповых. 27. Ударно-клавишный музыкальный инструмент. 28. Естествоиспытатель, создатель русской физиологической школы. 29. Русский путешественник, исследователь Камчатки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Горный хребет на Южном Урале. 2. Приток Вятки. 3. Крупное морское животное семейства полосатиков. 4. Отдельное специализированное животноводческое хозяйство колхоза, совхоза. 5. Киноактер, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. 7. Древнегреческий поэт-драматург. 8. Дословная выдержка из текста. 12. Разновидность русской гармони. 13. Областной центр на Украине. 15. Эпос киргизского народа. 16. Спутник Сатурна. 18. Северное созвездие. 19. Вечнозеленое дерево семейства рутовых. 21. Быстрый темп в музыке. 23. Химический элемент, обычными формами существования которого являются алмаз и графит. 24. Слово, однозвучное с другим, но отличное от него по значению. 25. Ручной или механизированный инструмент для отделочной обработки поверхности детали. 26. Дерево семейства маслиновых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Баркарола. 6. Фразеология. 9. Амга. 10. Драма. 12. Омар. 17. Трапеция. 18. Пробирка. 19. Дубль. 20. Европий. 21. Эльба. 22. Оратория. 23. Чечевица. 24. Снег. 26. Фрахт. 28. Бокс. 30. Верстовский. 31. Асахикава.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бирюза. 2. Разряд. 3. Афон. 4. Обойма. 5. Ариозо. 7. Семипалатинск. 8. Станиславский. 11. Андромеда. 13. Стадион. 14. «Фиделио». 15. Трейлер. 16. Карагач. 25. Галета. 26. Фреска. 27. Треска. 28. Былина. 29. Пони.

В ближайших номерах «Огонька» начинается публикация романа английского писателя Дерека Картуна «Бесы в Париже», одного из восьми написанных им политических детективов и первого, с которым познакомится советский читатель. «Бесы в Париже» — это захватывающий рассказ о современном политическом терроризме, его жестокости и бессмысленности. Писатель Д. Картун, в прошлом инженер и журналист, много путешествовал, несколько лет прожил в Париже, который и стал местом действия этого романа.

«ОРТЭКС» НЕ ЖДЕТ РЫНКА — ОН ЕГО ФОРМИРУЕТ, ДЕЛАЯ ВАШИ РУБЛИ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМЫМИ СЕГОДНЯ. ИМПОРТНЫЕ ПОСТАВКИ ОРГАНИЗАЦИЯМ — ПО РЫНОЧНЫМ ЦЕНАМ С ОПЛАТОЙ ТОЛЬКО В РУБЛЯХ (ПРОДУКЦИЯ ВЕДУЩИХ ФИРМ ЯПОНИИ, США, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, ЮЖНОЙ КОРЕИ).

КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ОРТЭКС» ПРЕДЛАГАЕТ: ОРГТЕХНИКУ И СРЕДСТВА СВЯЗИ

телефонные аппараты; телефонные аппараты с автоответчиками; телефаксы; фотокопировальные машины формата А3, А4; электронные печатные машинки с русским и латинским шрифтом; диктофоны; настольные бухгалтерские калькуляторы; калькуляторы с печатающим устройством; термобумагу для телефаксов; картриджи для фотокопировальных машин формата А4.

ТЕЛЕВИДЕОАППАРАТУРУ И ОБОРУДОВАНИЕ

телевизоры (экран от 36 см до 72 см); видеомагнитофоны: VHS PAL/SEKAM,VHS multysistem, видеоплейеры, видеокамеры VHS movie.

БЫТОВЫЕ ЭЛЕКТРОТОВАРЫ

кондиционеры; портативные дизель-генераторы; холодильники; морозильные шкафы; электрические и газовые плиты; СВЧ-печи; пылесосы; кухонные комбайны; швейные, вязальные, стиральные машины.

МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ОБОРУДОВАНИЕ

ультразвуковые скэннеры «Алока»; электрокардиографы; энцефалографы; транспортные инкубаторы; стоматологическое оборудование.

НОВЫЕ ЛЕГКОВЫЕ АВТОМОБИЛИ, МИКРОАВТОБУСЫ, ДЖИПЫ

Форд «Транзит»; Линкольн «Континенталь»; «Мерседес-200E», 300SE; «Вольво-460GL», 940GL; Опель «Омега»; Джип «Чероки»; Ниссан «Патрол»; автобус «Мерседес-0303» (49 мест), автобус «Неоплан» (77 мест).
Единичные, мелкооптовые поставки организациям по договорам лизинга в сжатые сроки.
Оплата по аккредитиву либо депозиту!

Наш адрес: 117593, Москва, «ОРТЭКС»
телекс: 131310
факс: (095) 426-4500
(095) 427-6410
телефон для справок:
427-11-01 (5 линий) 427-57-36
427-63-11 — медоборудование

Украинское представительство:
г. Киев-1,
гостиница «Москва»,
«ОРТЭКС»
факс: (044) 229-3721
тел.: 228-00-19 (5 линий)

ORTEX

1 руб. Индекс 70663